

РУЧЬИ КАМНЕЛОТА

В ТО ВРЕМЯ ВОЛШЕБНИКОВ
ВАМПИРОВ И ОБОРОТНЕЙ
ОНА БЫЛА САМОЙ
УДИВИТЕЛЬНОЙ ВЕЩЬЮ ИЗ ВСЕХ...
КРОМЕ СЕБЯ

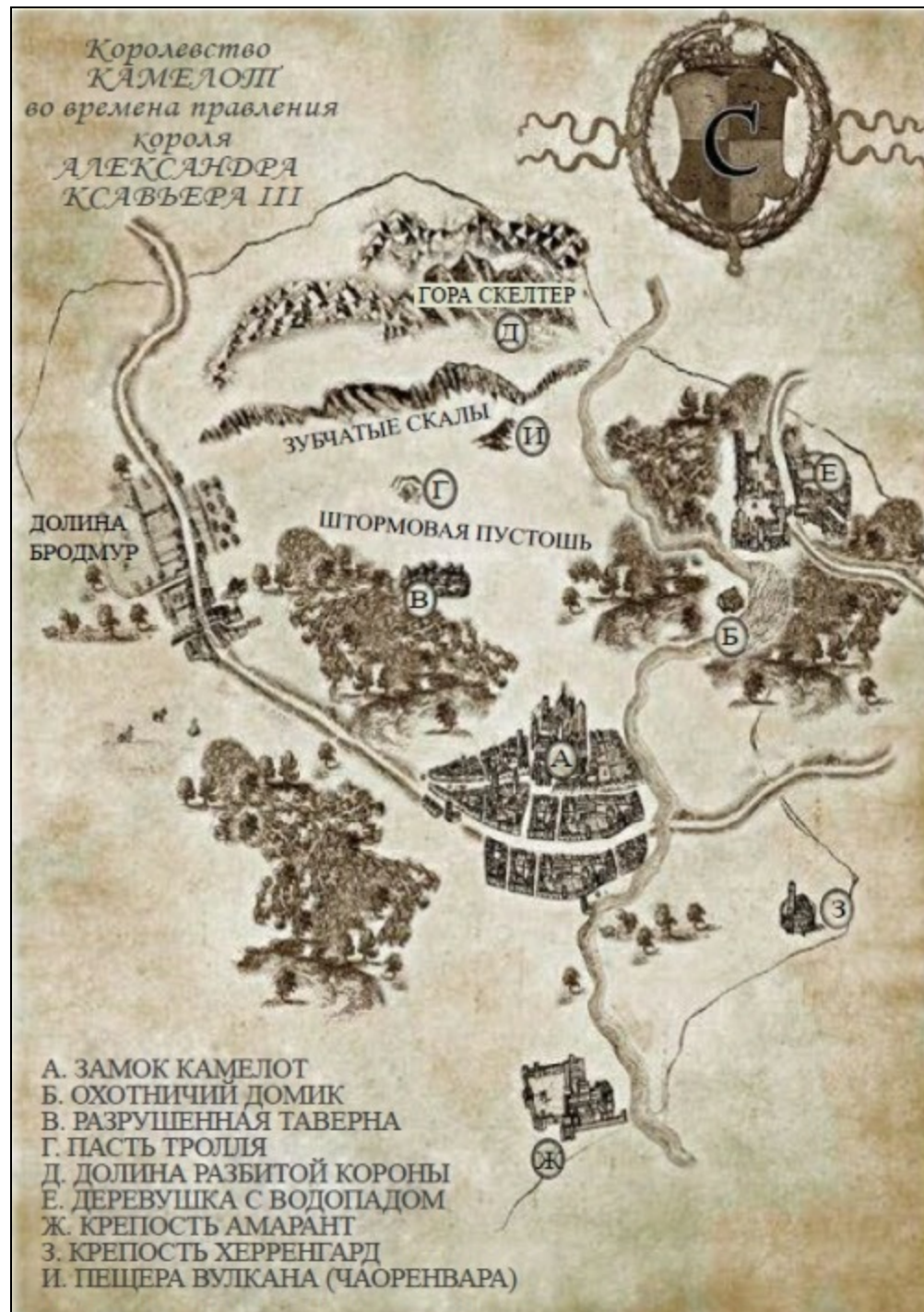
НОРМАН ДЖ. ЛИППЕРТ

В то время как королевство Камелот купается в самодовольстве, амбициозный безумный садист известный как Меродах продвигается со своей армией отъявленных негодяев, набирая новых людей под страхом смерти и угрожая восстанием. Восемнадцатилетняя принцесса Габриэлла является единственной, кто понимает всю серьезность приближающейся опасности, но она не в силах убедить отца или своего храброго мужа-простолюдина, Дэррика.

Потеряв почти всех своих близких, Габриэлла отправляется в последнее, отчаянное путешествие. Ее план встретиться лицом к лицу с безумцем Меродахом и победить его, прежде чем его армия уничтожит все, что она любит. В одиночку и пешком, ей придется пересечь населенную призраками волшебную пустошь, известную как Штормовая, где она вынуждена будет противостоять животным-мутантам, капризным магическим существам и даже ходячим мертвецам.

В конце концов, раненая и потерявшая надежду Габриэлла предстанет перед своим заклятым врагом и узнает его последний, ужасный секрет: он не одинок, и силы, с которыми он заключил союз, гораздо мощнее, чем кто-либо мог себе представить.

Норман Дж. Липперт Руины Камелота

Всем, кто когда-либо задавался наиболее существенным из всех вопросов: «Хватит ли у меня времени?»

Габриэлла во весь дух мчалась по лестнице, перепрыгивая через две ступени за раз. Когда она добралась по извивающимся ступенькам до второй площадки, впереди была полная темнота. Здесь, вдоль коридора тянулись проемы, каждый из которых освещался узкой полосой лунного света, идущего из щели бойниц. Шаги Меродаха раздавались позади нее, быстро приближаясь. Габриэлла бросилась по коридору и нырнула в самый дальний уголок. Она прижалась к стене из мелкого камня и отдышалась.

Позади нее невидимые шаги Меродаха прогремели на лестничную площадку, где он, похоже, остановился.

— Хорошая разминка, принцесса, — сказал он, запыхавшись, и слегка хихикнул. — Но я боюсь, что для тебя это закончится плохо. Выходи и сдавайся. Это лучшее, на что ты можешь надеяться.

Он стал медленно продвигаться вперед. Она слышала его, знала, что он поднял свой меч, готовый сразить ее в тот момент, когда обнаружит. Она прижалась спиной к стене бойницы, стараясь не дышать.

— Ты знаешь? — задумчиво размышлял злодей, пока он приближался. — Мне только что пришло в голову. Со смертью твоего отца, ты уже не просто принцесса. Ты чувствуешь разницу, моя дорогая? Официально ты последняя королева Камелота. Поздравляю, — сказал он с издевкой, — Ваше Величество.

С безнадежностью Габриэлла поняла, что Меродах был прав. Если Херренгард действительно был разрушен, и она в этом не сомневалась, тогда ее отец был мертв. Она была последней из этого рода. Что бы ни осталось от Королевства, оно принадлежит ей. Осознание этого не воодушевило ее.

— Твой ребенок мертв, — выдохнул Меродах, смакуя слова. — Те, кто должны были защитить его, убиты. Все, за что ты борешься, королева, все это... лежит в руинах. Зачем продолжать сопротивляться? Для тебя не осталось ничего. Выходи. Ты последний правитель Камелота, и как таковой, ты должна умереть. Но я могу сделать это быстро. Вскоре, ты сможешь присоединиться к тем, кого ты потеряла. Выходи и встретись со мной лицом к лицу. Умри как королева, и я не отдам твое тело на растерзание моим людям. Это единственный выход. Признай это. Ты желаешь этого...

Глаза Габриэллы потускнели в полумраке. Сейчас ее противник был почти возле нее. Она кивнула про себя. Медленно, но решительно, она шагнула вперед, повернув мимо железного канделябра, навстречу своей судьбе.

— Умница, — сказал он и улыбнулся одобрительно. — Так гораздо лучше, не правда ли?

Он поднял меч, направил острие чуть выше ее доспехов, в нескольких дюймах от горла, и приготовился нанести удар.

Глава 1

Двое мужчин на лошадях появились из-за деревьев, шурясь в низком, цвета меди, солнечном свете. Человек во главе был высокий, смуглый, с голыми руками. Он остановил свою лошадь, и она сразу же устало опустила голову.

Второй человек придержал свою лошадь и запустил пальцы в клочок своей короткой рыжей бороды.

— Где мы сейчас? — спросил он, поднимая шлем со лба и шурясь от внезапного яркого света.

Темнокожий мужчина спешил и повел лошадь прямо в шелестевшую полевую траву. Его глаза осматривали все вокруг с большим интересом. Поляна резко под углом шла вверх к скалистому плато, которое отчетливо выделялось в ослепительном блеске заката. Человек коснулся рукояти короткого меча у себя на поясе, но не взял его.

— Ступай тише, Томас, — заметил он. — Эти неизведанные земли созрели для бандитов.

Следом за ним его спутник тоже соскользнул с лошади и встал рядом с опаской. Через некоторое время эти двое начали осторожно пробираться вверх по склону поляны.

Небольшое плато окантовывала низкая стена из кирпича и камня. Стена шла в обоих направлениях, защищая вершину холма и превращая его в длинный крепостной вал. Древняя дорога заросла травой и низким кустарником. Первый мужчина провел свою лошадь через пролом, на поверхность дороги, где он остановился и прикрыл глаза от яркого света заката. Томас присоединился к нему и стащил кожаный шлем с головы с нетерпеливым вздохом.

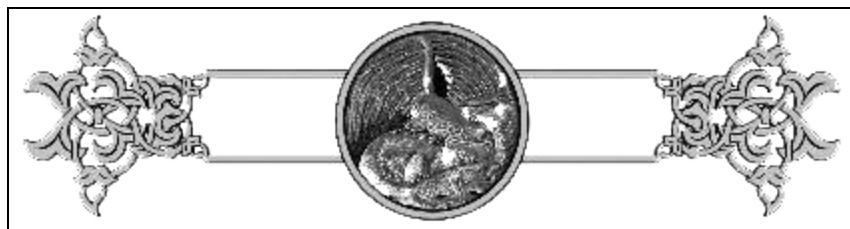
— Где мы сейчас, Язим? — спросил он снова.

Высокий мужчина, Язим, медленно кивнул в сторону северного направления забытой дороги. Его спутник проследил за его взглядом, открыв рот, чтобы заговорить, а затем закрыл его снова. Он медленно поднял голову, глаза его расширились.

Вдали над близлежащими деревьями смутно возвышались шпили древнего замка. Его конические крыши были сломаны, обнажив кости стропил. Рухнувшие стены покрывал плющ, вползая в окна и обвивая флагштоки.

Язим опустил руку с рукояти меча.

— Руины Камелота, — ответил он, наконец, глядя на безмолвный, разрушенный замок.

Двое мужчин разбили лагерь посреди древней дороги. Язим развел костер, в то время как Томас пошел на поиски пищи. Через два часа кости кролика усыпали место вокруг трещащего огня, мужчины сидели на своих тюках и глядели на темную громадину замка. Лунный свет освещал половину замка, окрашивая его в холодные, голубые тона. Другая половина, черная как смоль, выделялась на фоне звездного неба. Ни один огонек не горел внутри.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросил Томас.

Язим покачал головой.

— Что еще это может быть? Разве было какое-нибудь другое королевство, достойное такого надгробия?

Томас нерешительно кивнул.

— Но Камелот... прошли столетия с падения великого королевства. Его история была потеряна навсегда. Некоторые ученые говорят, что такого места даже не существовало.

Язим вздохнул.

— Твоя самая большая ошибка, Томас, в доверии людям, которые со знанием говорят о вещах, которых они никогда не видели. Это единственное, что я никогда не понимал в твоём народе.

— Ты говоришь так, как будто ты не один из нас, Язим, — заметил Томас, глядя в сторону. — Все же я знаю тебя чуть ли не с рождения. Мы росли друг у друга на виду.

Язим кивнул и улыбнулся.

— Верно, но моя семья происходит из мест, далеко за пределами стен Королевства Аахен. Мои мать и отец не забыли историю, которую рассказывали им их мавританские родители, предания, передававшиеся из поколения в поколение от тех, кто был свидетелем их. Ты можешь доверять своим ученым, которые черпают свои знания из разбитых горшков и мертвых костей, но я буду доверять словам тех, кто видел своими глазами.

Томас вздрогнул от жесткого ветра. Тлевшие в костре угольки зашипели и стали ярко-красными.

— Значит, — заметил он, обернув свой плащ вокруг себя, — ты знал, что этот замок будет здесь?

Язим пожал плечами.

— Я не знал, но я не удивлен, что мы обнаружили его.

— Скажи мне, что еще твои старые предания говорят об этом месте? Какие из легенд правдивы? И что разрушило такую великую империю?

Язим повернулся к Томасу и улыбнулся, обнажив свои зубы в красноватом свечении пламени.

— Ты бы не поверил в эти сказки, даже если бы я рассказал тебе, мой друг. Наш мир слишком далек от мира короля Артура и его немногочисленных потомков. Так или иначе, это не в нашей компетенции исследовать такие вещи. В том замке нет живых людей, чтобы обложить их налогом, кроме летучих мышей и пауков, которые теперь называют его своим домом. Таким образом, наш господин не будет иметь никакого интереса к нему и мы не должны...

Томас прищурился и изучающе посмотрел на своего компаньона.

— Ты же не веришь в это. Я вижу это по твоим глазам. Давай. Расскажи мне, что ты знаешь. У нас есть время перед сном. Ради развлечения.

Усмешка Язима померкла, но не полностью. Он вздохнул и посмотрел вверх на темную громадину замка.

— Это невероятно, не так ли, что такое здание никогда не принадлежало другому королевству? Что ты об этом думаешь?

Томас нахмурился.

— Оно слишком далеко. Его нельзя использовать ни для какой цели, ни как крепость, ни как центр власти.

— Сейчас, возможно, — Язим согласился задумчиво, — но много веков назад, все было иначе.

Томас откинувшись на локти, глядел на древнюю дорогу. В нескольких шагах от них стояли лошади, сбившись в темноте, простые очертания на фоне звездного неба.

— Насколько иначе? — спросил он.

Язим медленно покачал головой.

— Это был Камелот, — сказал он просто, — царство могучего и благородного короля Артура. В те времена это был самый центр мира. В те времена короли мало заботились о таких вещах, как торговля и политика, морские порты и торговые договора. Тогда была такая вещь, как честь.

— У нас и сейчас есть честь, — прокомментировал Томас, оглядываясь на своего друга с усмешкой.

— У нас есть уважение, — возразил Язим, становясь серьезным. — Да, король Юлий и его сыновья собирают дань со многих народов. Но уважение не то же самое, что честь. Дань и налоги не то, что верная служба.

Он сделал паузу, и его глаза сузились в темноте. Томас вспомнил, что семья его друга не была гражданами Аахена по выбору, они были завоеваны. Трава беспокойно шелестела, пока мужчины глядели на огонь. Наконец, Язим встряхнулся и продолжил дальше.

— В преданиях говорится, что Камелот был совсем другой. Те, кто служил Артуру и его потомкам делали это из чести, а не из страха. Тогда люди короля сражались во имя добра, а не за деньги. Войны основывались на благородстве и праве, а не простом расширении власти.

— Будь осторожен, — предупредил Томас с полуулыбкой. — Некоторые назвали бы такие разговоры предательством.

— Внутри стен города, да. Здесь, я думаю, действуют старые правила.

Томас кивнул, соглашаясь. Порыв ветра пронесся по древней дороге, подняв листья в воздух, зашуршала трава. Луна спокойно смотрела вниз на далекий замок. Вдали тьякнул волк, затем завыл.

— Так что еще? — спросил Томас после долгого молчания. — Что еще твои легенды говорят о том времени? Что еще было по-другому?

Язим ответил не сразу. Наконец, со вздохом, он сказал:

— В дни Камелота в бою сражались не только одним мечом. Сейчас это считается глупостью, но время короля Артура было также временем волшебника Мерлина. В те дни жили волшебники. Тогда существовала такая вещь, как волшебство.

Томас сгорбился, когда ветер снова подул. Похолодало. Он оглянулся на замок. Темные окна смотрели на него сверху вниз, пустые, но как будто настороженные.

— Ты веришь в это, Язим? — тихо спросил он.

Язим повернулся к своему другу и улыбнулся.

— Посмотри на замок вон там, — сказал он, — и скажи мне, что ты не веришь.

Томас вздрогнул. Ночь становилась сырой и тревожной. Он сел и ткнул костер сапогом. Оранжевые искры закружились на ветру, как стаи испуганных птиц.

— Скажи мне, как все это закончилось.

— Я не могу, — рассудительно ответил Язим, — ибо никто не знает.

— Забавно, — ответил Томас.

Язим снова замолчал. Наконец, он сказал:

— Я могу тебе рассказать начало конца, если хочешь.

Томас сгорбился поближе к огню. Он оглянулся на своего друга.

— Это будет правда?

Язим пожал плечами.

— Это история. Многие считают, что это правда. Я признаю, я когда-то сомневался сам.

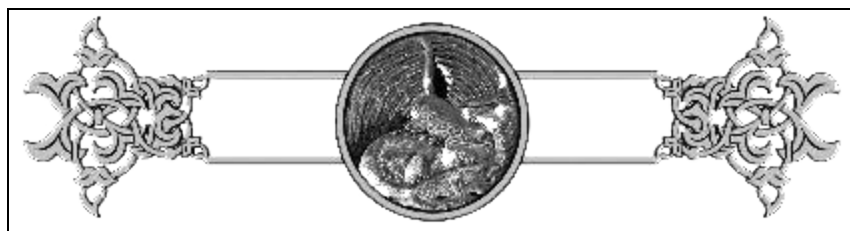
А теперь... Я не уверен.

Томас кивнул:

— Расскажи мне.

Язим сделал глубокий вдох.

— Она начинается спустя много лет после золотого века короля Артура, — сказал он хмуро. — Много изменилось со времен благородного круглого стола. При отсутствии достаточно большой или достаточно смелой империи, чтобы соперничать с ним, королевство стало самодовольным и снисходительным. Древние традиции сменились на капризы, так что целостность правил постепенно ослаблялась с каждым последующим поколением. Мало кто из живущих во времена правления Артура узнали бы это королевство к тому времени, когда последний король взошел на свой трон. И все-таки встречалось еще благородство среди потомков Артура, подобно золотым нитям, рассеянными в более тусклом гобелене. Одной из этих золотых нитей была девушка, дочь последнего короля Камелота. Ее звали... Габриэлла.

Девочки хихикали. В девять лет Габриэлле казалось, что ее подруги все время хихикают, и это раздражало ее. Она повернулась и посмотрела на них в тени кустов, ее лицо было почти комически серьезное. Она не шикнула на них. Ее отец говорил ей, что шум от шиканья разносится еще дальше, чем шепот. Рисс и Констанция кусали губы, сдерживая смех, и всюю улыбались. Габриэлла повернулась к кустам и заглянула через листья.

Остальные дети стояли возле ручья в тени дворцового моста, бросая камни, или сидели на солнце. Их было четверо, два мальчика и две девочки. Габриэлла знала их имена, они вместе ходили в школу. Их одежда была лучше, чем лохмотья, которые носили крестьяне, но не такая великолепная как ее собственные платья. Самый старший из мальчиков, единственный не из благородной семьи, носил простую льняную тунику и пояс. Он выглядел бы как один из придворных шутов ее отца, если бы его цвета не были настолько однообразные. Он пустил камень по поверхности ручья и показал на него, с ухмылкой оглядываясь на других.

— Подождите, — прошептала Габриэлла, махнув рукой своим подругам позади.

— Давай уже сделаем это, — взволнованно прошептала Рисс, теребя маленький кожаный мешочек. Габриэлла покачала головой, и никто из девочек не двинулся.

Позади них зазвенел школьный звонок. Его чистый звук разносился над вершиной холма, отзываясь эхом в узкой долине внизу. Дети вокруг ручья не подняли головы, но печально задвигались, оправляясь и приводя себя в порядок.

— Сейчас? — шептала Констанция. — Занятия начинаются. Мы должны возвращаться!

— Тише, — шепотом сказала Габриэлла, ее рука была еще поднята. Они нервничали и волновались, как всегда. Габриэлла, однако, была более сдержанной в таких вещах. — Подождите...

Мальчики были на противоположной стороне ручья. Они начали переходить, неторопливо прыгая по камушкам. Девочки их ждали, поставив руки на бедра, словно точные копии своих матерей. Когда мальчики достигли берега, Габриэлла опустила руку.

— Давай! — скомандовала она.

Как один, Рисс, Констанция и Габриэлла выпрыгнули из своего укрытия. Рисс раскрыла свой кожаный мешочек, выпустив небольшое облако пыли. Все три девочки дунули на пыль, так сильно, как только могли, и пыль превратилась во внезапный, сильный ветер. Он устремился через кусты, пригнул траву, которая окаймляла ручей, и толкнул всех четырех детей в обратном направлении. Трое из них упали в ручей, плескаясь в холодной, мелкой воде. Самый старший мальчик, тот, что был в льняной тунике, споткнулся, но сумел устоять в искристом ручье. Он резко обернулся и заметил трех девочек в кустах.

Рисс и Констанция взорвались приступом смеха, прикрывая рты руками. Мгновенно они развернулись и понеслись вверх по склону в сторону, откуда доносился школьный звонок. Габриэлла задержалась на мгновение. Трое детей, которые упали в ручей, шумно карабкались, пытаясь встать на ноги, девочки визжали, становясь еще более мокрыми, пока они выбирались из ручья, мальчик стоял с красным лицом и мрачным видом. Четвертый мальчик посмотрел на Габриэлла и неожиданно улыбнулся.

Габриэлла повернулась и бросилась бежать. Она проворно пробралась через кусты и вырвалась на освещенный солнцем холм. Она была на полпути вверх по склону, когда кто-то схватил ее сзади, потащил вниз в высокую траву и прижал к земле. Она дернулась, перевернулась и обнаружила, что смотрит в лицо мальчика в льняной тунике. Его волосы свисали на лицо, и он все еще ухмылялся.

— Отпусти меня, Дэррик! Отстань от меня!

— Это был ветряной порошок, — сказал Дэррик миролюбиво. — Где ты его взяла? Украла из шкафа Магистра Магии? Или у тебя в замке есть свой тайный запас таких вещей?

— Отстань от меня! Как ты смеешь?! Я дочь короля!

— Я не расскажу о тебе, если ты дашь мне немного, — сказал Дэррик с серьезным видом. — Только немного. Один мешочек.

— Я позову охрану!

Дэррик уверенно улыбнулся.

— Ну, тогда иди.

Школьный звонок замолчал. Его последний звук эхом отозвался в тишине. Габриэлла была в ярости, но они оба знали, что она не позовет своего охранника. Трейнор, несомненно, даст Дэррику хорошую взбучку за то, что он посмел прикоснуться к принцессе, но он также сообщит ее отцу, что она снова ускользнула от его бдительного ока и тайком подшутила над другими детьми. Она кипела от злости на Дэррика в зеленой тени полевой травы. Его улыбка стала задумчивой.

— Отпусти, — прошипела она, извиваясь, но потом, внезапно и безо всякой видимой причины, он опустил свою голову к ней. Его губы прижались к уголку ее губ, крепко и неуклюже, но движение было быстрые, как у змеи. В следующее мгновение он исчез. Она

слышала, как его шаги с шумом удаляются к школе.

Габриэлла прижала ладонь к щеке, прикрывая память о его губах, ее рот открылся в гневном удивлении.

— Габриэлла! — резко позвал голос. Это был Трейнор, раздраженный и взволнованный. Габриэлла поднялась на ноги и побежала к заднему входу каменного здания на вершине холма. За ним над деревьями высился замок, уходя своими шпилями в небо. Трейнор заметил Габриэлла и нахмурился. Его темные глаза говорили о многом, но девочка сделала вид, что не заметила его.

Дэррик, конечно, уже был внутри.

— Что значит быть принцессой? — спросила Габриэлла в тот же вечер, опираясь на край ванны.

— Подбородок, — указала ее няня Сигрид, приподнимая небольшое ведерко вспененной воды. Девочка покорно подняла подбородок, и Сигрид вылила ей воду на затылок. Теплая вода стекала, приклеивая волосы к шее и плечам светло-русыми лентами.

— Это значит быть дочерью короля, — с готовностью ответила Сигрид, с шумом опуская ведро на пол.

— Это скучный ответ, — сказала Габриэлла, прислонившись спиной к ванне и смахивая пальцем мыльную пену. — Я имею ввиду совсем другое.

— Мне жаль, но это правда, — заметила Сигрид, выбирая высокую бутылку с душистым маслом. Девочка скривилась на нее и высунула язык.

— Все думают, что быть принцессой — это великолепно, но что особенного в этом? Отец говорит, что в давние времена, принцессы даже не ходили в школу с благородными детьми или кем-либо еще. Они узнавали все от домашних учителей и едва ли покидали замок. Даже сейчас, мне повезет, если мне позволят идти в школу с Трейнором, а не отправят в коляске с четырьмя охранниками. Все эти церемонии и пышность, все это как будто маска, которую я ношу. Они не имеют ничего общего со мной. Я могла бы так же легко родиться горшечником или мельником. Я могла бы родиться в крестьянской семье.

Сигрид повернулась к ванной и усадила свою значительную массу на табурет. Она вытянула пробку из масла, вылила немного на ладонь и начала энергично тереть руки.

— А ты бы хотела родиться в крестьянской семье?

Габриэлла повернулась в ванной так, что оказалась лицом к высокому, сводчатому окну. Оно светилось таким же темно-пурпурным цветом, что и масло в бутылке Сигрид. Девочка не ответила. Через некоторое время Сигрид начала наносить масло на волосы Габриэллы и расчесывать их. После этого последует еще одно мытье, чтобы удалить большую часть масла, но оставить его запах. Было приятно, что о ней заботились таким образом, но это было также странно. Габриэлла знала, что ни у одного из других детей не было такой роскоши. Ей должно было это нравиться, но вместо этого, давало ей смутное беспокойство.

Сигрид говорила, пока расчесывала волосы Габриэллы.

— Быть принцессой — это не только ванна и духи, дорогая, — сказала она слегка упрекающим голосом. — Тебе позволена такая роскошь, потому что ты, как ожидается, будешь нести огромное бремя. Ты будешь нести тяготы и обязанности, которые твои друзья никогда не будут знать.

— Какие обязанности? — спросила Габриэлла.

— Сейчас тебе нет нужды знать такие вещи, сердце мое, — сказала Сигрид, и Габриэлла могла сказать по звуку ее голоса, что няня улыбается. — Твои заботы, я думаю, гораздо проще.

Девочка нахмурилась.

— Ой, — сказала она, когда няня потянула спутанный клубок в ее волосах. — Скажи мне тогда, в чем мои настоящие заботы, Сигрид? — недоверчиво спросила она.

Сигрид мгновение подумала. Наконец, она сказала:

— Твоя настоящая забота не в том, каково будет бремя принцессы. Твоя настоящая забота... будешь ли ты достойна его? Ответишь ли ты на вызов, представленный тебе?

Габриэлла поразмышляла над этим. Она снова повернулась в ванне и серьезно глянула на свою няню, женщину, которая знала ее и ухаживала за ней с самого рождения, женщину, которую она знала лучше, чем знала своих собственных родителей.

— Смогу ли я? — серьезно спросила она, изучая лицо пожилой женщины. — Смогу ли я сделать то, что должна принцесса?

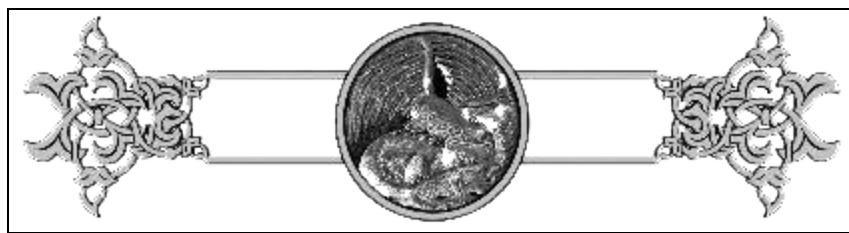
Сигрид опустила гребень в своей руке и встретилась с важным взглядом девочки. Она кивнула, а затем слегка покачала головой.

— Ты сможешь, — сказала она с неглубоким вздохом, — если ты сделаешь выбор.

Габриэлла кивнула и повернулась снова.

— Можешь не сомневаться.

Сигрид ничего не ответила. Вместо этого, она еще немного помедлила и снова начала расчесывать длинные волосы принцессы.

Спальня Габриэллы находилась на третьем этаже замка. Комната была большой, по-прежнему заполненной игрушками, с которыми она играла, когда была ребенком. Она считала себя достаточно взрослой, чтобы не играть с ними больше, но не слишком взрослой, чтобы по-прежнему держать их рядом, утешаясь их близким знакомством. Ее лошадка стояла у камина, отбрасывая свою тень в свете углей. Ее куклы дремали на вершине шкафов. Крошечный столик под окном был уставлен миниатюрным серебряным чайным сервизом с бумажными и кружевными салфетками.

Габриэлла повернулась и уставилась в высокое окно. За ним виднелся месяц тонкий и острый как серп. Она медленно моргнула, сна ни в одном глазу. Через минуту девочка отбросила одеяло и выскользнула из кровати. Босые ноги коснулись гладкого и холодного пола. Она подкралась к двери, прислушалась, а затем тихонько ее приоткрыла.

Отец был в своей библиотеке как всегда. Габриэлла слышала его голос, эхом отдающийся от стен внешнего коридора, когда она крадучись спускалась вниз по лестнице. Он не рассердится, если она проскользнет, чтобы увидеть его, даже если у него важное совещание. Он поманит ее к себе, немного побранит и на минутку позволит ей взобраться к нему на колени. А затем отправит ее обратно в постель, конечно. Он Король, и у него есть более важные вопросы, чтобы решать.

— Тебе будет не интересно, принцесса, — скажет он ей с усталой улыбкой. — Займи свою головку более приятными вещами. А я буду заниматься всеми остальными.

И он был прав. Габриэлле не интересовали государственные дела. Но ее интересовал отец. Она любила слушать глубокий гул его голоса. Он усыплял и успокаивал ее в такие вечера, как этот, когда сон, казалось, был далеко, и игрушки больше не манили ее.

Коридор был пустой и темный, освещенный только тонкой полоской от камина, идущей из закрытых дверей библиотеки. У ее отца была встреча со своим советом, хотя и не все присутствовали. Члены совета редко бывали теперь. Это были важные люди, занятые своими делами, что мешало им присутствовать на совете. По правде говоря, Габриэлле казалось, как будто Королевство управлялось само по себе. Ее отец и его совет просто приглядывали за ним. Хотя это не казалось веселым развлечением, но и не было сложной задачей на ее взгляд, несмотря на то, что сказала Сигрид.

Габриэлла медленно двигалась по коридору, волоча одно из своих одеял за собой. Рядом с библиотечными дверями находился высокий шкаф, предназначенный для верхней одежды посетителей ее отца. В зимнее время шкаф был часто полон тяжелых мехов, с которых капал тающий снег и которые пахли ночным воздухом и оленями. Сегодня шкаф был сухим и по большей части пустым. Габриэлла залезла внутрь и легла, укутавшись в одеяло и положив голову на старый, сложенный плащ. Так она лежала, моргая в темноте, глядя в пустоту и слушая голоса за соседней дверью.

Она не могла вспомнить, когда она в первый раз спряталась там, засыпая под гудение голосов и звук шагающих ног. Она знала только, что это было одно из ее любимых мест. Король иногда находил ее там, когда его совет подходил к концу. Но никогда не сердился. Он просто брал ее на руки и нес обратно в постель, целуя в щеку, когда опускал ее в кровать. Габриэлла всегда просыпалась в тот момент, но не показывала вида. Ей нравилось уютное тепло его рук и его поцелуи, когда он думал, что она спит. Из всех его поцелуев, это были самые важные для нее.

Голоса грохотом доносились из библиотеки, и она слушала их. Девочка не обращала внимания на конкретные слова, но они все равно пробирались в ее мысли, прыгая как камни в ручье долины.

— Их, по меньшей мере, сорок, Ваше Величество, — произнес высокий, гнусавый голос. Это был Персиваль, начальник дворцового караула. — Они действуют не в одном месте и не в таком количестве, но собираются в пустынных районах небольшими группами по шесть-семь человек.

— Мы могли бы арестовать их, — предложил другой голос.

— Нет, — сказал отец Габриэллы, король. — Нет необходимости слишком резко реагировать. Некоторые костры догорают лучше, когда их не трогают. Затапывая их, мы только раскидаем угли.

Раздался шум голосов, одновременно выражавших согласие и недовольство.

— Они высказываются против вас, Ваше Величество, — предупредил глубокий

голос. — Пусть их мало и они далеко, но измена по-прежнему является смертельным ядом.

Отец Габриэллы казался невозмутимым.

— У нас нет ни ресурсов, ни возможностей, чтобы искоренить все шальные мысли или слова в королевстве, таком большом, как Камелот. Такие группы постоянно возникают. Но пыл недовольных сгорает раньше, чем они успевают перейти к действиям. Пусть себе ворчат и перешептываются. Они делали так со времен моих предков и в количестве ничуть не меньше, чем эти.

— Медленно растущий виноград пускает более глубокие корни, Ваше Величество, — серьезно возразил низкий голос. — Со времен ваших предков многое изменилось. Я думаю, неразумно закрывать глаза на этих повстанцев. Их лидер, возможно, действует подло, но он убедителен. Он может найти слушателей среди ваших врагов.

Воцарилась тишина. Наконец, король сказал:

— Присмотрите за ним тогда. Если заметите, что он ведет переговоры с варварской империей на севере, тогда арестуйте его. Но я сомневаюсь, что даже величайший фанатик осмелился бы опуститься до такого предательства.

Габриэлла едва слушала. Ее веки потяжелели, убаюканные гудением голосов. Сон окружил, призывая ее.

— Назови мне его имя еще раз, — потребовал голос отца, доносясь из глубин библиотеки.

— Мы не знаем его истинного имени, а только имя, которое он использует перед своими последователями, — ответил голос серьезно, почти таинственно. — Он называет себя Меродахом.

— Меродах... — задумчиво произнес король.

Меродах, подумала сонно Габриэлла и содрогнулась. Имя эхом отозвалось в коридорах ее ума, опускаясь вслед за ней в каньоны сна, трепеща словно крылья летучей мыши.

— Меродах? — повторил Томас, осторожно переступая через груды каменных блоков.

Язим вскинул на плечи свою поклажу и обследовал разрушенные стены. Заросли плюща и вереска завладели древним сооружением, скрывая его под собой, сглаживая его формы.

— Мифическое имя. Меродах был богом подземного мира. Но человек, который принял это имя, не был богом.

Томас прикрыл глаза и посмотрел вниз на травянистый холм. Ручей просочившийся через тенистый грот внизу, исчезал под древним каменным мостом. — Кто тогда? Бунтарь с манией величия?

— Монстр в образе спасителя, — ответил Язим. — Он стал гибелью Камелота и послужил преддверием длинного, темного века. Согласно легендам, он был красивый. Высокий. Очаровательный. Но настолько жестокий, что его друзья боялись его немилости, и его враги предпочитали убивать себя, чем встретиться лицом к лицу.

— Конечно же, рассказы о нем сильно преувеличены, — заметил Томас, пробираясь в

глубину развалин. Они натолкнулись на ряды каменных скамеек, погребенные в зарослях кустарника, перед остатками рухнувшей башни. Язим стоял, вглядываясь в выступающие из земли предметы. Утренний солнечный свет отражался от гладкой, потускневшей поверхности. Томас понял, что это был колокол.

Язим поднял глаза, окинул взглядом остатки стропил и разросшиеся в изобилии деревья. Тень стоящего рядом замка нависала над обломками.

— На самом деле, истории очень подробно излагают все, — сказал он. — Меродах окружил себя небольшой группой бездушных злодеев. Жаждающие крови и бесчеловечные, они были его руками и ногами. Рассеявшись среди населения, они набирали воинов среди отъявленных подонков, отбросов, и ненавистников, поскольку каждое общество, независимо от того, насколько оно цивилизованное, порождает таких людей. Со временем, во многом из-за благодушия короля, Меродах собрал небольшую тайную армию. Он использовал своих людей, чтобы начать разорять дальние заставы Камелота. Его тактика была проста и ужасна. Небольшая группа мародеров спускалась в деревню под покровом ночи и разрубала на части каждого новорожденного ребенка в люльке, приводя в ужас взрослых, которые обнаруживали его после пробуждения. Утром Меродах входил в деревню со своей охраной, привлеченный стенаниями скорбящих родителей. Он созывал мужчин деревни и предлагал им сделку: присоединиться к нему, чтобы свергнуть короля Камелота или умереть и присоединиться к своим детям на том свете.

Томас посмотрел на своего друга с отвращением.

— Поистине, такого зверя нельзя причислить к роду человеческому. Кто осмелился бы присоединиться к человеку, который убил его ребенка?

— Кое-кто, — непоколебимо отвечал Язим, — из страха за свою жизнь и жизнь своей жены. Другие предавались смерти от рук подонков Меродаха или лишали себя жизни своими собственными мечами. Некоторые пытались сражаться, но Меродах был знатоком садизма. Он знал, что те, кто сражаются, чтобы отомстить за своих погибших детей, будут бороться опрометчиво, ослепнув от горя. Из них он сделал примеры, осквернив их тела настолько ужасно, что я не мог бы рассказать.

Вскоре слухи об извращенной жестокости Меродаха стали распространяться по королевству. Для многих, эти истории действительно были слишком ужасны, чтобы в них поверить. Многие сомневались, обнаружив правду слишком поздно.

В конце концов, реальность ситуации стала очевидной даже для самого короля. Но к тому времени армия Меродаха уже разорила и истребила окраины. Он укреплял свои силы в ключевых форпостах по всему Королевству. Для короля это было грубое пробуждение, но даже тогда он не мог поверить, что все было потеряно. Камелот просто не мог пасть. Он посылал дипломатов и послов, пытаясь вести переговоры со своим врагом. Он не понимал, что нет никакой дипломатии с тем, чье единственное желание уничтожить. Нет никакого компромисса там, где одной, единственной целью является смерть.

Томас хмуро покачал головой. Было холодно в тени развалин. Вместе двое мужчин выбрались на солнечный свет на склоне холма. Поодаль, их лошади мирно пощипывали траву.

Томас вздохнул:

— Итак, в конце концов, зло победило?

Язим задумчиво нахмурился:

— Зло никогда в действительности не побеждает независимо от того, как все может

казаться окружающим. Если есть какая-то правда в мире, мой друг.

Томас искоса посмотрел на своего спутника, а затем покачал головой:

— Хотел бы я верить в это.

Язим промолчал. Через минуту оба шли вниз по склону к своим лошадям.

После того, как они верхом снова поднялись в гору, направляясь в тень заброшенного замка, Томас поинтересовался:

— А что же случилось с принцессой Габриэлкой? Что она делала в то время как Меродах планировал войну против царства ее отца?

Язим направил свою лошадь вперед в заросший деревьями грот. Лошадь зашлепала по ручью, забрызгивая свои гладкие бока.

— Волею Всевышнего, принцесса Габриэлла сделала то, что делают все маленькие девочки, — просто ответил Язим, — она выросла.

Зал для дуэлей был очень маленький и темный, располагался он в подвале академического собора. Габриэлла полюбила его с первого раза, когда она увидела его когда-то, десять лет назад, в возрасте восьми лет. Тогда он казался ей огромным и величественным, похожим на арену, на которой сражались римские гладиаторы. Маленькое, овальное помещение, окруженное четырьмя рядами сидений, освещаемое лишь кольцом крошечных, зарешеченных окон. Потолок состоял из грубых балок и досок, покрытых копотью и паутиной десятилетий.

Верхний ряд сидений, где сама она сидела прямо сейчас, находился почти под потолком, до стропил можно было дотянуться рукой. Старинные доски были исписаны сотнями имен, примитивных рисунков, символов и грубо составленных стишков. Ее имя тоже было там, вырезанное острием кинжала несколько лет назад. Она вспомнила, как она делала это, как зажав язык между губ, сосредоточенно и тщательно выводила каждую букву: «Габриэлла Ксавьер». Позже какой-то шутник добавил «Тонет в дожде». Габриэлла не возражала. В детские годы она частенько была самодовольным сорванцом. Если бы не жестокая прямолинейность ее товарищей по школе, она бы до сих пор задирала нос.

— Я потею как свинья под всей этой броней, — пробормотала Рисс, связывая свои рыжие волосы в конский хвост. Ее доспехи слегка гремели всякий раз, когда она двигалась, постоянно напоминая, что они были ей не по размеру и довольно поношенные, которые надевали, по меньшей мере, два поколения выпускников до нее. Тем не менее, доспехи безупречно блестели в полумраке, изготовленные из прокатной стали и отделанные медью. Герб семьи Феори ярко сиял на круглом щите, прислоненном к ногам Рисс.

Габриэлла вздохнула:

— Не могу дождаться, когда это закончится. Я буду рада прожить тысячу лет и никогда снова не поднимать меч.

Рисс пожала плечами:

— Это цена привилегий. Крестьянам никогда не придется сразиться на боевой арене.

Нам очень повезло быть сыновьями и дочерьми дворян. За исключением Дэррика, конечно.

С другой стороны Габриэллы Дэррик полировал свой меч плотной тряпкой.

— Когда-нибудь моя кровь кузнеца возьмет верх над ленивым старым герцогом, — презрительно заметил он.

Однажды Габриэлла уже задавалась вопросом, почему Дэррику разрешили посещать Королевскую академию. Теперь она знала ответ: у его семьи было достаточно денег и влияния, чтобы отправить его туда. Что еще более важно, у его отца было достаточно воображения, чтобы надеяться на лучшую жизнь для своего сына. Дэррик вложил меч в ножны и подтолкнул Рисс:

— Кто твой соперник?

— Вассер, — ответила Рисс, пожимая плечами. — Я ни капли не беспокоюсь об этом.

— Вассер неплохой соперник, — сказала Габриэлла. — Он достаточно опытен, чтобы позволить тебе показать свои навыки, но не так хорош, чтобы уложить тебя, прежде чем ты вытащишь свой меч, — она нахмурилась, взглянув на листок пергамента в руке, и мрачно вздохнула. — Не то, что Гете.

Дэррик и Рисс пробормотали слова сочувствия.

На арене внизу Констанция и более высокая девочка по имени Дестра настороженно приблизились друг к другу. Доспехи Констанции были новыми, но легкими, в основном из закаленной кожи. Только ее короткий меч и щит были из металла. Дестра, отец которой был Персиваль, начальник дворцовой охраны, была одета в разнородную, но пугающую смесь кольчуги и стальных доспехов. Она самоуверенно улыбнулась, взвешивая на руке маленький, зловещего вида боевой молот.

— Внимание, ученики! Одноминутные раунды, — зазвенел голос профессора Барта, Магистра боевых искусств, — это не просто состязание в силе, и не битва насмерть. Ничья честь не поставлена на карту на этой арене. Цель этого заключительного экзамена доказать ваше понимание основной техники боя. Ваш единственный враг — это вы сами.

Проговорив это, Барт подошел поприветствовать Констанцию и Дестру в центре арены. Он кратко осмотрел их оружие, кивнул и вернулся к своей скамейке возле двери. Он сел, скрестив огромные, голые руки на груди, и снова кивнул.

— Начали! — рявкнул он.

Дестра ринулась первой, пытаясь зацепить щит Констанции своим боевым молотом. Констанция машинально уклонилась, развернулась и ударила плашмя мечом по плечу Дестры.

— Одно очко, — отозвался Барт.

Действуя осторожнее на этот раз, Дестра начала кружить вокруг Констанции. Видимо, почувствовав себя немного увереннее сейчас, Констанция подняла щит и нанесла удар под ним. Однако Дестра ожидала этот маневр. Она вывернулась от меча Констанции и выкинула вперед свой боевой молот, низко и быстро. Ловким движением Дестра ударила по ногам Констанции. Девочка, одетая в кожаные доспехи, упала навзничь и опустила щит.

— Одно очко и одна ошибка, — крикнул Барт, указывая сначала на Дестру, а затем на Констанцию, лежащую на полу. Габриэлла посочувствовала подруге, но это действительно был неуклюжий маневр. Если бы только Габриэлла вытащила имя Дестры при жеребьевке, она была совершенно уверена в своих шансах победить эту рослую девушку. В некотором роде, Дестра ей даже нравилась, несмотря на то, что та иногда бывала немного жестокой.

Поединок продолжался еще полторы минуты, пока Барт не ударил в небольшой

железный колокол. Когда поединок закончился, Констанция получила три очка и одна ошибку, Дестра — четыре очка и две ошибки, что означало, экзамен сдан для обеих девочек. В действительности, за исключением случаев грубой ошибки или травмы, каждый студент получал зачет по боевой практике. Последнее сражение проводилось не столько ради экзаменационной оценки, сколько ради репутации. Для многих благородных семей этот поединок даже больше, чем сама торжественная церемония выпуска, ознаменовал переход во взрослую жизнь. Сидевшие вокруг арены студенты наблюдали за сражением с мрачным видом. Они могли делать вид, что результат не имеет значения, но в душе они знали, что все по-другому. Габриэлла видела это на лицах своих одноклассников, даже Рисс. Единственный, кто казался совершенно равнодушным к дуэли, был Дэррик.

— Она молодец, — заметил он, кивнув в сторону Констанции, когда она покидала боевую арену. — Учитывая обстоятельства.

— Учитывая обстоятельства, что она провела больше времени, изучая свое отражение на щите, чем тренируясь с ним? — сказала Рисс, поднимая одну бровь. — Тогда, думаю, ты прав.

— Жаль, что мы не можем просто пропустить эту часть, — простонала Габриэлла. — Сначала я только немного волновалась, но теперь я чувствую себя отвратительно.

Дэррик мягко пихнул ее:

— У тебя все получится, Бри. Тебе не о чем беспокоиться.

— Не о чем кроме того, что отец Гете сейчас находится в замке подземелья за убийство, — кивнула Рисс. — И что он весит вдвое больше, чем ты, и любит побросать боевые топоры для удовольствия.

— Это очень обнадеживает, — сказала Габриэлла, совершенно упав духом. — Спасибо, Рисс.

— Сказать по правде, — ответила с готовностью Рисс. — Я уже говорила тебе: будь я на твоём месте, я бы улизнула через вход для слуг и повесила бы свои доспехи на стену в замке раз и навсегда.

Габриэлла резко вздохнула, когда внизу начался следующий поединок. — Дэррик, ты сражался с Гете раньше. Что я должна делать? Какие у него слабые стороны?

Дэррик пожал плечами и вложил меч в ножны.

— Он большой.

Габриэлла закатила глаза.

— Я знаю это, — пробормотала она. — У меня есть глаза.

— Это означает, что он медленный, — добавил Дэррик, оглядываясь на нее. — Ему нужно много энергии, чтобы держать его мышцы в движении. Наблюдай за его плечами. Вот, где все начинается. Ты маленькая, Бри, значит ты быстрая. Он раздавит тебя при первой возможности, но можешь быть уверена, что такой возможности ему не представится, если ты будешь осторожна.

Габриэлла встретилась с ним взглядом и поняла, что он говорил серьезно. Она отвернулась, качая головой.

— Не знаю...

Дэррик наклонился ближе к ней, и девушка взглянула на него. На этот раз он задержал на ней взгляд, и она не отвела глаз.

— Ты можешь сделать это, — произнес он тихо. — Если захочешь.

Она сделала глубокий вдох и с дрожью выдохнула. Потом кивнула.

— Я хочу.

Он задумчиво улыбнулся ей.

— Я тебе верю.

Его уверенность ее воодушевила, но с другой стороны, стало еще хуже. Что делать, если она обманет его ожидания?

— Жаль, что я вытянула не твое имя.

— Это боевой поединок, — заявила Рисс, притворно закатив глаза. — Я видела, как вы двое сражаетесь. Без оружия, но зато сколько слов! Хотя многие здесь могли бы поучиться.

Вскоре магистр объявил имя Габриэллы. Она встала так быстро, что волна головокружения накрыла ее. Дэррик схватил ее за руку, поддерживая ее, и девушка быстро пришла в себя.

— Удачи, принцесса, — сказал он, слегка улыбаясь.

Гете был уже на арене, когда Габриэлла спускалась вниз по старым каменным ступеням. Сын опального командира, Гете был так коротко подстрижен, что волосы едва были заметны на его потной голове. Он оглядел девушку своими холодными и серыми глазами, вертя в руке свое оружие. Сердце Габриэллы упало, когда она заметила боевой топор в его руке. Рукоятка топора была такой же длинной как сама Габриэлла. Железный наконечник представлял собой молот с одной стороны и изогнутое лезвие с другой. Он с легкостью мог прорубить насквозь блестящие доспехи Габриэллы из золота и стали. Девушка выхватила свой меч, выходя на арену, чтобы встретить его. Металлический звон лезвия, оставившего ножны, жалобно зазвучал в дуэльном зале.

На этот раз от Барта не последовало никаких слов. Он кратко осмотрел оба оружия, кивнул и вернулся к своей скамейке.

— Начали! — скомандовал он.

Гете вжал подбородок и слегка присел, сгибая суставы пальцев на рукоятке топора. Габриэлла подняла щит и меч, скрещивая перед собой, как ее учили.

Гете ударил первым, ринулся вперед, стремясь попасть рукоятью топора по незащищенному левому боку Габриэллы. Она сделала выпад вправо, поставив под углом свой щит, чтобы отвести удар. Лязг дерева по металлу зазвенел над ареной. Собравшиеся ученики приветствовали одновременно радостными криками и возгласами неодобрения.

— Твой отец пытал моего отца, — произнес Гете хриплым шепотом. Его лицо было совершенно бесстрастным, почти скучающим.

— Мой отец ничего не делает без причины, — чуть слышно ответила Габриэлла. — Твой отец защищал злодеев, которые гораздо хуже, чем он сам.

Она уже тяжело дышала, скорее от волнения, чем от усилий. Она бросилась вперед и подняла щит в попытке отразить топор Гете и нанести ему удар по бедру плоской стороной меча. Однако, удар, который пришелся на ее щит, оказался настолько тяжелым, что ее меч качнулся в руке, ударяясь об пол и вышибая искры.

— Одно очко и одна ошибка, — отозвался Барт.

— Вся ваша семья заплатит, когда Меродах придет к власти, — прорычал Гете.

Габриэлла была так потрясена, что чуть не уронила меч.

— Но твой отец же не признался?!

Гете развернулся для удара, его боевой топор, направленный молотком вперед, описал широкую дугу. Габриэлла инстинктивно отреагировала, опустившись на корточки и прикрываясь щитом. Тупая сторона топора со звоном опустилась на ее щит, едва не

пригвоздив девушку к полу. Разозлившись, она ткнула своим мечом, но Гете легко отпарировал ее удар рукоятью топора.

— Одно очко и одна ошибка, — снова рявкнул Барт.

Лицо Габриэллы пылало одновременно от ярости и потрясения, которое она испытала при имени Меродаха. Она вскочила на ноги, выставив меч перед собой.

— Как только мой отец услышит, что ты упомянул это имя...

— Я буду все отрицать, а ты будешь выглядеть душой, — прохрипел Гете, его глаза впились в нее, пока он кружил вокруг. — В конце концов, Меродах это просто страшилка, чтобы пугать детей, не так ли?

Габриэлла поняла, что никто не мог услышать шепот ее противника за звуками их поединка и случайными возгласами и насмешками наблюдателей. Она снова попыталась атаковать, но Гете уклонился и отбил удар своим щитом.

— Скоро весь Камелот узнает правду о Меродахе и его армии, — выдохнул ее крупный соперник. Он улыбнулся, показывая свои отвратительные желтые зубы. — Ты и твой отец узнаете это в первую очередь.

Габриэлла услышала достаточно. Она прищурила глаза и сделала резкий разворот. Гете видел, что она делает, и приготовился отвести меч, которым она замахнулась, но щит Габриэллы пришел первым, с силой врезавшись в его грудную клетку. Она ловко поднырнула под своим щитом и оказалась сзади Гете. Ее меч описал длинную дугу у него за спиной, лихо нанося удар по его кожаным доспехам. Возгласы удивления раздались со стороны собравшихся студентов.

— Два балла, — объявил Барт с одобрительным кивком.

Гете не заставил долго ждать. Его локоть вылетел навстречу, отбивая меч Габриэллы прочь. Мгновение спустя он уже развернулся к ней лицом, быстро поднимая рукоять топора. Удар пришелся по запястью Габриэллы, с силой отбрасывая ее назад. Гете снова повернулся, переворачивая топор тупым концом, стремясь попасть по ее шлему. Габриэлла отпрыгнула в сторону и обрушила свой меч на топор Гете. Тяжелый топор лязгнул по каменному полу. Через мгновение щит Габриэллы протаранил грудь Гете. Мальчик, задыхаясь от ярости, внезапно бросился вперед, используя весь свой вес. Габриэлла споткнулась, но использовала момент, чтобы сделать кувырок назад. Ловко обхватив обеими ногами торс Гете чуть ниже его нагрудной пластины, она перебросила его через себя. Он упал на пол позади нее, и его топор с грохотом откатился прочь.

Габриэлла в считанные секунды оказалась на ногах. Она поставила ногу на щит Гете, прижимая его к полу вместе с лежащей под ним рукой, и направила свой меч в его сердце. Задыхаясь и торжествуя, она оглянулась на Магистра.

Барт сидел, оперевшись подбородком на руки, подняв терпеливо брови. Чего он ждет?

Внезапно Габриэлла была отброшена в сторону. Удивительно, но Гете сумел поднять свой щит, несмотря на оказываемое давление и использовал его, чтобы бросить девушку на землю. Он внезапно выпрямился и бросился на нее, обнажив кинжал, спрятанный под манжетой его перчатки. В одно мгновение он прижал кинжал к ее шее сразу под подбородком. Она почувствовала холодный металл на своей коже. Гете дышал на нее сверху вниз, усмехаясь и потя, его лицо всего в нескольких дюймах от ее лица. Он собирался убить ее здесь, прямо в центре дуэльной арены. Габриэлла видела это в его глазах.

А потом, на удивление, он отстранился так быстро, что кинжал выпал из его руки. Габриэлла моргнула, ахнула, и поползла назад, выронив меч и щит, стуча и бряцая

доспехами по каменному полу.

— Разве ты не слышал Магистра? — чей-то голос кипел яростью. — Никаких кинжалов! Никакой крови! Я убью тебя, если ты еще раз прикоснешься к ней.

Массивная фигура пробежала мимо Габриэллы. Она подняла голову и увидела, как Барт изо всех сил старается разнять Гете и другого мальчика — это был Дэррик, конечно. Дэррик вцепился в тунику Гете, пытаясь оттащить его в сторону. Трейнор перепрыгнул через низкую стену, обнажив свой меч, и подбежал, чтобы помочь принцессе.

— Отпусти его! — скомандовал Барт, отталкивая Дэррика. — Я здесь решаю! Делай как я говорю!

Дэррик не подчинился сначала. Он злобно смотрел в глаза Гете. И, наконец, с резким толчком он выпустил тунику мальчика. Гете медленно выпрямился и отряхнулся, его каменное лицо выражало триумф, несмотря на очевидную ярость Барта. Трейнор сурово оглядел всех троих, его меч все еще был поднят.

— Ошибка! — яростно объявил Барт Дэррику, отталкивая его назад мясистой рукой. Затем он повернулся к Гете. — И двойная ошибка! Ты знаешь, что кинжалы запрещены на поединке!

Гете лениво пожал плечами и скосил взгляд в сторону Габриэллы. Она снова была на ногах, но вся дрожала. Она все еще чувствовала место на горле, где было лезвие. Габриэлла коснулась шеи и вздрогнула.

— Я забыл, что у меня кинжал, — глухо сказал Гете, не отрывая глаз от ее лица. Он подмигнул, и звериный оскал тронул уголки его губ.

— Забыл он, — издевательским тоном произнес Барт. — Вон отсюда. И оставь проклятый кинжал.

Дэррик стоял у входа в дуэльный зал. Он посмотрел на Гете. Только, когда тот передал свой кинжал Трейнору и повернулся, чтобы собрать свои вещи, Дэррик перевел взгляд на Габриэллу. Он медленно кивнул один раз. Габриэлла поняла. Гете воспользовался кинжалом, только потому что она его побила. Может быть, никто не заметил этого, но это была правда.

Независимо от того, что показал окончательный счет, она выиграла.

Церемония свечей всегда происходила на закате. Академический собор был забит до отказа, воздух был спертый от жара теснившихся тел, большинство одетых в свои лучшие, но менее удобные одежды. Собор был наполнен бормочущими голосами, дымом свечей и разносящимся ароматом ладана. Габриэлла наблюдала, как ладан медленно поднимается от алтарных сосудов, соединяясь и создавая немые волшебные фигуры в воздухе. Профессор Тоф, Магистр магии, как правило, присматривал за сосудами, направляя ленты дыма своей палочкой, и время от времени посыпая цветным порошком на огонь, который ярко вспыхивал и выбрасывал языки пламени.

Несколько студентов стояли на постаменте, образуя полукруг вокруг алтаря. В черных

мантях с капюшонами было трудно отличить девочек от мальчиков. Действительно, толпа студентов, казалось, сливалась в единую, черную змею, усеянную нервными лицами.

— Что там изображено? — прошептала Констанция, толкая Рисс и кивая вверх над собравшимися семьями.

— Битва Рагнарек, — тихо ответила Рисс. — Во главе король Артур, видите? Его конь вон тот, что кружит под сводами купола.

— Я не вижу его, — вздохнул Дэррик, качая головой.

— Это потому, что у тебя нет никакого воображения, Дэррик, — пробормотала Рисс себе под нос.

Габриэлла перевела взгляд от кружащихся фигур из дыма на сотни людей, которые толпились в полумраке внизу. Вон семья Дэррика позади всех. Огромная черная борода его отца была причесана и смазана так, что блестела в свете факелов. Рядом с ним стояла с улыбкой краснощекая мать Дэррика, изредка оглядываясь, стараясь не потерять двух его младших братьев. Габриэлла видела, как их взъерошенные головы подпрыгивают и снуют среди толпы, не обращая внимания на торжественный характер вечерней церемонии.

Затем она опустила глаза на передний ряд собора. Большинство присутствующих, конечно же, стояли, тесно набившись на открытой площадке собора, но два ряда каменных стульев выстроились непосредственно перед алтарем. Здесь располагался королевский двор в своих нарядных одеждах. Габриэлла увидела Персиваля, отца Дестры, и остальных людей, входящих в совет отца. В центре возвышались два тяжелых, деревянных трона, богато украшенных по сравнению с каменными сиденьями с обеих сторон. Отец Габриэллы, король Ксавьер, сидел на троне справа. Другой трон был пуст, кроме небольшой гипсовой вазы, тщательно запечатанной хрустальной пробкой.

Габриэлла почувствовала приступ грусти, глядя на пепел своей матери, но это была теперь уже застарелая грусть. Прошло много лет с того нападения и их бегства под покровом ночи, много лет с тех страшных недель, когда Габриэлле было не известно, живы ли ее родители или мертвы, и вернется ли она когда-нибудь к ним. Теперь все это были только смутные воспоминания: маленький, заснеженный домик, красный плащ с капюшоном, долгие унылые ночи, наполненные страхом. Теперь мать Габриэллы была едва смутным сном, дуновением духов, эхом поющего голоса. Габриэлла скучала по ней своим детским раненым сердцем. Молодая женщина, которая выросла с этим горем в своем сердце, чувствовала теперь лишь смутную печаль, испытывала легкую боль от отсутствия чего-то, что она никогда не знала.

Рисс приблизилась к уху Габриэллы.

— Да, не волнуйся ты так, — прошептала она. — Возможно, в скором времени ты и Дэррик вернетесь сюда снова, только тогда вы будете одеты в белое вместо черного.

Габриэлла покраснела и ткнула Рисс локтем.

— Ты несправедлива! — прошипела она. — Ты же знаешь, что по традиции я должна выйти замуж за человека королевской крови. А из Дэррика такой же принц как из посудной тряпки.

— Будь прокляты эти традиции, — заметила Рисс, слегка пожав плечами. — Всем достойным иностранным принцам пошел уже шестой десяток. Твой отец не пожелает тебе такой судьбы. К тому же, — усмехнулась она. — Я лучше всех была в классе по гаданию, если ты помнишь. Я никогда не ошибаюсь.

Габриэлла покачала головой, чувствуя жар, охвативший ее щеки. Она украдкой

посмотрела в сторону. Дэррик не слышал, или если слышал, то не показал виду.

Послышалось шуршание ожидающей внизу толпы. Габриэлла увидела, как ректор академии движется по центральному проходу, разделяющему толпу. Собор затих, так что единственным звуком было эхо от стучащего по полу посоха ректора. Его прямые волосы были аккуратно разделены на пробор, обрамляя каменное лицо и подчеркивая суровую величественность его официальной одежды. Когда он дошел до алтаря, он остановился и взглядом обвел студентов, на мгновение останавливаясь на каждом лице. Его грубые черты лица были суровы, но в то же время источали нежность. Его бледно-голубые глаза встретились с Габриэлкой на мгновение, а затем двинулись дальше. Наконец, он повернулся к собравшимся семьям.

— В эту ночь, — произнес он, его чистый голос зазвенел в тишине, — ваши дети, чьи лица вы видите перед собой, больше не дети. Перед тем как они вошли в этот собор, они находились под вашей опекой, но выйдут они как взрослые мужчины и женщины, ответственные только перед самими собой и своим королем. Сейчас вы можете попрощаться с вашими детьми и встретить новые лица своих сограждан. С этого вечера и впредь они, как и вы, принадлежат Королевству Камелот. Сегодня наш долг перед ними заканчивается. Сегодня вечером начинается их долг перед Богом, королем, и самими собой...

Шум поднялся из толпы. Головы склонились и одобрительно кивнули. Кто-то промокнул глаза платком. В передних рядах знатные лорды и леди источали твердую решимость. Отец Габриэлла встретился с ней взглядом и слегка улыбнулся с гордым видом.

— А теперь, — сказал ректор, повернувшись к ряду студентов, — примите свое пламя. Вы готовились к этому событию с первого дня школы. Вы знаете, что делать. Выходите вперед, как только я назову ваше имя.

Затем торжественно и методично ректор начал зачитывать имена выпускников. Один за другим выпускники выходили к алтарю, где Магистр магии, профессор Тоф, встречал их с улыбкой в своей замусоленной остроконечной шляпе и струящейся бордовой мантии. Для каждого студента он зажигал палочку ладана из сосуда и передавал ему или ей. Держа пламя в руке, студент поворачивался и поднимался на помост, проходя мимо своих товарищей и направляясь в галерею свеч.

Дэррик вышел первым. Габриэлла наблюдала за ним с почти нелепым чувством гордости. Он склонил голову перед профессором Тофом и торжественно принял свое пламя. В задней части собора два молодых голоса радостно засвистели, и волна смеха прокатилась над толпой. Габриэлла увидела, как мать Дэррика шепотом ругает своих сыновей, пытаясь скрыть улыбку счастья на собственном лице. Через минуту наступил черед Констанции, а затем Рисс.

Наконец, Габриэлла услышала свое имя. Ректор взглянул на нее строго поверх очков, когда она подошла к алтарю.

— Добро пожаловать и примите мои поздравления, Ваше Высочество, — мягко сказал профессор Тоф, протягивая ей палочку горящего ладана. Габриэлла с довольным видом улыбнулась ему, испытывая легкое головокружение, а затем посмотрела в сторону. Ее отец сидел менее чем в десяти футах. Его корона блеснула, когда он кивнул ей, лицо его сияло гордостью. Габриэлла улыбнулась ему в ответ. Она повернулась, поднялась по лестнице к помосту, и миновала оставшихся студентов.

Сияние галереи свеч было как созвездие, поблескивающее и мерцающее сотнями желтых огоньков. Маленькие, белые свечи были расставлены рядами и уровнями, в

замысловатых железных подсвечниках вдоль наклонных стен собора. Дэррик стоял перед нишей, принадлежащей его семье, его лицо было торжественно, палочка с ладаном в его руке была потушена, но от нее все еще струился тонкий дымок. Капюшон был отброшен назад, открывая его непослушные темные волосы. Габриэлла заметила, что даже когда он пытался выглядеть серьезным, улыбка, казалось, продолжала играть в уголках его рта. Их глаза встретились, его скрытая улыбка немного усилилась.

Рисс стояла дальше, рядом с Констанцией, своей двоюродной сестрой. Габриэлла прошла мимо них и подошла к самому центру галереи. Королевская ниша со свечами стояла выше других, сразу под огромным витражным окном. Габриэлла остановилась и посмотрела на ряды свечей. Большинство из них горели, но были среди них и несколько погасших с почерневшими и остывшими фитилями. В самом первом ряду одна свеча не горела, но была чистой, ее фитиль был белый и прямой. Это была ее свеча. Девушка смотрела на нее довольно долго, задаваясь вопросом, что свеча ее жизни приготовила для нее.

Наконец, она подняла свою палочку с ладаном, коснулась ее тлеющим кончиком незажженного фитиля и дождалась, когда он вспыхнет и оживет, а затем отступила. Ее свеча загорелась ярко, пламя держалось высоко и прямо. Это было хорошим знаком. Габриэлла кивнула, а потом погасила свою палочку, зажав пламя между пальцами в перчатках. Она откинула капюшон своей правой рукой, в знак того, что ее обучение было официально завершено. Наконец, она повернулась лицом к переполненному собору, держа спину прямо, ее лицо выражало спокойствие, несмотря на волнение, которое она чувствовала в груди, горевшее так же ярко, как пламя свечи позади нее.

Осталось очень мало студентов. Большинство уже стояло, собравшись вокруг семейных ниш с зажженными свечами и потушенными палочками в руках. Смутно Габриэлла осознала, что Гете не присутствовал на церемонии. Она немного поразмышляла об этом. Возможно, он был исключен за свое нарушение в дуэльном зале. Возможно, его не волновала церемония выпуска, особенно из-за того, что его отец не смог присутствовать, по-прежнему находясь в подземельях замка.

А может быть, у него были дела поважнее.

В настоящий момент Габриэлла могла себе позволить роскошь не волноваться об этом. Теперь уже инцидент со спрятанным кинжалом на боевой арене казался пустяковым и малозначительным. Теперь она стала взрослой. Перед ней открылась целая жизнь, полная ожиданий и обещающая множество интересных событий впереди.

Снаружи закат догорал, окрасив горы в темно-красный цвет, переходя выше к фиолетовому и темно-синему цвету. Замерцали ночные звезды.

Это был первый день последней славной весны королевства Камелот.

Как оказалось, свадебная церемония должна была состояться в замке.

Габриэлла проснулась на рассвете и обнаружила, что совершенно не в состоянии заснуть. Она перевернулась и медленно моргнула, остановившись взглядом на льняных занавесках, окружавших ее кровать, светящихся розовым от первых утренних лучей.

«Это моя последняя ночь в комнате, в которой я выросла», — подумала она. Это казалось смешным и нелепым, и все же она знала, что это правда. Она представила себе, как Дэррик лежит без сна в доме своих родителей на другой стороне деревни, как он думает о ней, и ее охватило нервное волнение.

Габриэлла была разумной девушкой. Она знала, что брак вовсе не означает, что вы будете жить долго и счастливо, как говорится в книжках со сказками. Вокруг нее было достаточно людей, состоящих в браке, чтобы понимать, что даже самые лучшие отношения были часто полны проблем, разногласий, и самой ядовитой для супружеских отношений является скука. В отличие от Констанции, выросшей довольно тщеславной и глупой, и считавшей, что брак является лекарством от всех недугов, она, Габриэлла, осознавала, что после того, как пройдет волнение медового месяца, брачная жизнь может иногда быть трудной.

Но еще она знала, что, по причинам, которым она не могла в полной мере понять, ей была предоставлена роскошь, не позволяемая большинству принцесс: ей разрешили вступить в брак по любви, а не по политическим причинам. Ведь Дэррик был всего лишь сыном простого кузнеца, ведущего свой род от длинной линии горшечников. В крови ее жениха вообще не было ничего королевского. По этой причине Габриэлла в течение нескольких лет отказывалась признавать то, что все остальные знали сразу: они предназначены друг для друга. В детстве она просто видела грязного крестьянского мальчика, которому разрешили поступить в Королевскую Академию, только потому что его родители уплатили изрядную десятину для его образования. Несмотря на жертвенный жест своих родителей мальчик рос наглым и дерзким и не произвел благоприятного впечатления на Ее Королевское Высочество принцессу Габриэлле. Он буквально приводил ее в бешенство, что, конечно же, сначала привело к длительному соперничеству, которое перегорело (с ее стороны) к тому времени, как им исполнилось шестнадцать лет.

Все изменилось в тот день, когда Дэррик победил Габриэлле на практическом занятии в дуэльном зале. От ярости она просто потеряла дар речи, так как никто из мальчиков до сих пор не мог обойти ее в искусстве боя. Она выскочила на улицу с лицом цвета красного кирпича, испытывая смущенное негодование, и закинула свой деревянный меч в траву. Когда Констанция попыталась успокоить ее, Габриэлла чуть было не столкнула девушку вниз с холма. И, наконец, не в состоянии контролировать себя, она загнала Дэррика между колокольной и стеной замка и потребовала, чтобы он оказывал ей должное уважение.

— Я принцесса Камелота! — хрипло прошипела она, нависая над ним. — Клянись мне! Покажи мне уважение, которое я заслуживаю!

Она знала даже тогда, что это был жалкий, глупый поступок с ее стороны. Настоящая принцесса никогда бы не приказала своим подданным поклониться ей. Дэррик не поклонился, однако и дразнить тоже не стал.

— Ты хотела, чтобы я, как другие парни всякий раз поддавался тебе на поединках

только потому, что ты принцесса? — серьезно спросил он, прищурившись. — На твоём месте я бы желал иного уважения, чем это. Чтобы меня почитали за то, кто я есть, а не только из-за принадлежности к высокому роду.

— Как ты смеешь?! — вспыхнула Габриэлла. — Ты всего лишь сын кузнеца!

— Я сын лучшего кузнеца в Камелоте, — ответил Дэррик, гордо подняв подбородок. — А это не малая заслуга. Мне есть чем гордиться, чтобы ты знала. Если бы мой отец не старался так отправить меня в Королевскую Академию, я бы с радостью стал кузнецом, как он, и заслужил ту же честь за свое умение. А ты, принцесса? Ты хочешь, чтобы я тебя уважал, как все остальные, преклоняясь перед тобой в классе, но смеялся бы над тобой за твоей спиной? Или ты хочешь, чтобы я уважал тебя за то, кем ты являешься на самом деле: как девушку и будущую женщину?

Габриэлла не знала, что сказать на это. Ей никогда даже не приходило в голову, что другие позволяли ей выигрывать поединки только потому, что она была принцессой, или что их уважение к ней не было подлинным. Ей хотелось поспорить с Дэрриком, но внезапно к своему ужасу она увидела, что он был прав. У нее не было ничего кроме титула. Габриэлла уставилась на него сначала в гневном замешательстве, постепенно сменившимся на шок. И, наконец, застыдившись, она повернулась и пошла прочь от него.

Но прежде, чем она достигла угла колокольни, Дэррик снова говорил.

— Я люблю тебя, Габриэлла, — сказал он, его голос был холодный и вдумчивый. — Не потому, что ты принцесса, а потому, что ты... особенная. В тебе есть что-то, что я не могу забыть. Что-то, что не видят другие.

Габриэлла остановилась на эти слова.

— Ты не должен говорить такие вещи, — сказала она, не оборачиваясь.

— Бьюсь об заклад, ты чувствуешь то же самое, — заметил он едва слышно.

Габриэлла быстро повернулась и посмотрела на него. Она ожидала, что он будет смеяться, издеваться над ней, но нет. Дэррик смотрел на нее со спокойным видом, а затем продолжил дальше:

— Если бы ты не чувствовала то же самое ко мне, тебя бы это так не волновало. Ты бы просто не замечала меня. Знаешь, что я думаю, Габриэлла? Думаю, мы созданы друг для друга. Возможно, такое бывает только в сказках, но я думаю по-другому. Мы словно два магнита из лаборатории профессора Тофа. Мы либо притягиваемся с щелчком друг к другу, как два куска горячего железа, только что вынутые из кузнечного горна, либо противостоям друг другу, как Бог и дьявол. Вопрос лишь в том, в каком направлении ты смотришь. Ты так долго и яростно сопротивлялась правде, что осмелюсь сказать, едва ли замечала ее.

Странное чувство охватило Габриэлла. Как будто он заглянул сквозь ее броню и одежду, и даже сквозь кожу, прямо в самую глубину ее души. Неожиданно, впервые за многие годы она вспомнила его поцелуй еще когда они оба были детьми, поссорившимися из-за украденного мешочка волшебного порошка.

— Ты не должен говорить такие вещи, — снова сказала она почти шепотом.

— Возможно, — ответил Дэррик, слегка пожав плечами. — Но это никогда не останавливало меня раньше.

Лежа в постели, Габриэлла улыбнулась, вспоминая тот эпизод. Она ушла от него в тот день, чувствуя самую странную смесь эмоций: стыд и смущение, да, но и неожиданное, головокружительное волнение. Она так привыкла впечатлять людей тем, что она принцесса, что ей никогда даже не приходило в голову, что она могла бы произвести впечатление на

кого-либо просто как Габриэлла. Внезапно, то, что она больше всего терпеть не могла в Дэррике — он никогда не обращался к ней по ее титулу, а только по имени — стало самым интригующим. Был ли он прав? Действительно ли они были как магниты, которым суждено либо отталкиваться, либо притягиваться? Даже если бы это было правдой, как это могло быть? В конце концов, она была дочерью короля, а дочери королей просто так не вступают в брак с сыновьями кузнецов. Конечно, даже тогда, какая-то частица ее знала, что такие вещи на самом деле не имеют значения. Габриэлла была разумной, но все же она была девушкой. Даже для нее никакая имперская политика не могла сразиться с возможностью истинной любви.

Нет, она не влюбилась в Дэррика в тот день. Но она начала меняться, а значит, больше не бросала вызов и не противостояла ему при каждом удобном случае. И точно так же, как у магнитов в лаборатории профессора Тофа, которые повернешь другой стороной — и все изменится, достаточно скоро отталкивание обернулось непреодолимым притяжением. Как только она уступила ему, сила его была настолько мощная, настолько всеобъемлющая, что даже немного пугала. Это чувство практически оттеснило ее саму в сторону, вся ее чувствительность и благоразумие потеряли свой цвет, как бумажные замки на детском подоконнике. Она до сих пор пыталась понукать Дэрриком иногда, чтобы внушить уважение или заставить его подчиняться, но это никогда не срабатывало, и в глубине души она была рада. Он любил ее, потому что она была Габриэлла и не потому, что она была принцессой. За последние три года этот факт поражал ее, как нечто невероятное с одной стороны, и нечто возвышенное с другой.

Даже теперь, на утро их свадьбы, она не переставала удивляться.

Дверь в спальню распахнулась, так что занавески, которые окружали ее кровать, заколыхались, и послышался легкий топот босых ног на деревянном полу. Через мгновение занавески были отдернуты в сторону, и чья-то фигура заскочила на кровать.

— Солнце встало, Бри! Где наша скромная королевская невеста? — конечно, это была Рисс, которая провела ночь в соседней спальне. Сидя на коленях, она подскочила от волнения. — Потому что, если ты передумаешь, я буду счастлива занять твое место. Зачем еще нужны друзья, а?

Габриэлла улыбнулась.

— У тебя уже был шанс. Ты покончила с ним, помнишь?

Рисс томно пожала плечами.

— Тогда я была ребенком, но рано или поздно это заканчивается со всеми из них. Я рождена быть разрушительницей сердец. Это мой удел в жизни. Давай, прокрадемся на кухню, прежде чем Сигрид узнает, что мы не спим. Это наш последний шанс позавтракать с поварами, как в старые добрые времена!

Габриэлла ласково посмотрела на свою подругу, осознавая, что это действительно был последний шанс, когда они вместе могли побыть просто девчонками.

— Давай наперегонки, — сказала она, скинув одеяло и толкая Рисс на спину. Обе девушки соскочили с кровати. Смеясь и шикая друг на друга, они открыли дверь и поспешили по коридору.

— Нельзя видеть невесту до свадьбы — это плохая примета, — отругала Габриэлла Дэррика, когда они встретились в приемной короля четыре часа спустя.

— Меня вызвали, как и тебя, — улыбнулся он и потянулся к ней, когда она присоединилась к нему у единственного окна комнаты. Окно было высокое, украшенное витражом, изображающим суровый лик короля Артура в доспехах, его меч, сверкающий голубым цветом, и его бороду, царственно возлежащую на его груди. Позади короля виднелся ряд прекрасных рыцарей блистательных в своей броне, с щитами их ордена с изображенным красным драконом и святым крестом.

Габриэлла переплела свои пальцы с пальцами Дэррика и встала перед ним. Они коротко поцеловались, и девушка сказала:

— Отец не говорил мне, что ты будешь здесь. Я надеюсь, что все хорошо.

— Все хорошо, — кивнул Дэррик, уткнувшись в ее лоб своим. — Я уже говорил с королем сегодня утром.

Габриэлла нахмурилась и недоуменно поглядела на него снизу вверх.

— Ты говорил с королем?

Он снова кивнул.

— Мы даже еще не женаты, а я уже опередил принцессу в совете с королем, — улыбнулся он, поддразнивая ее. — По правде говоря, он искал меня. Его посланник прибыл сразу после завтрака, принесся известие от короля.

— Тогда расскажи мне, — со вздохом сказала Габриэлла, опускаясь на скамью под окном. — Я не люблю сюрпризов. Особенно в такой день, как сегодня.

— Твой отец сам сообщит тебе новости, — ответил Дэррик. — Я не буду забегать вперед, упомяну только, что дело касается какой-то истории и таинственной шкатулки.

Габриэлла взглянула на него из-под бровей.

— Судя по твоему взгляду, здесь кроется намного больше. Что вы обсуждали?

Дэррик засмеялся и опустился на скамью рядом с ней. Он обнял ее за плечи и сжал ее.

— Если тебе хочется знать, мы обсуждали мое положение в Королевстве.

Габриэлла выпрямилась при этих словах. Она покосилась на него серьезным взглядом.

— Твое положение? Но мы уже уладили это. Когда ты просил моей руки...

Дэррик кивнул.

— Конечно, ничего не изменилось. Я хочу быть королем не больше, чем ты хочешь быть селедкой. Когда ты станешь королевой, я буду принц-консорт, вице-король Камелота. Я буду помогать тебе и представлять тебя в тех немногих случаях, когда борода имеет больший вес, чем юбка, но ты будешь верховная королева, правительница королевства.

Габриэлла изучала его лицо мгновение, а потом покачала головой и опустила плечи.

— Я бы предпочла быть селедкой, чем Королевой. Жаль, что ты не можешь стать правителем, а лишь только вице-королем. Но если эта договоренность до сих пор в силе, то что же вы обсуждали?

Дэррик молчал довольно долго. Габриэлла снова взглянула на него. Он встретил ее

взгляд, поджал губы, а потом отвернулся в полумрак комнаты.

Габриэлла сузила глаза.

— Уж не собираются ли тебя посвятить в рыцари? — спросила она.

— Более того, — ответил он, возвращая свой взор к ней. — Меня назначили командующим имперской армии.

— Командующим! — выдохнула Габриэлла, вскакивая на ноги и набрасываясь на него. — Ты едва ли закончил академию!

— Я получил лучшие оценки в нашем классе по стратегии и боевым навыкам, если ты помнишь, — заметил Дэррик. — К тому же, я ведь не буду верховным главнокомандующим или кем-то в этом роде. Этот пост по-прежнему занимает сэр Ульрик. Я буду его фельдмаршалом. Этот пост предоставит мне бесценный опыт до того времени, пока ты не станешь королевой, а я твоим наместником.

— Это слова моего отца, а не твои, — насмешливо вставила Габриэлла. — Для чего тебе требуется такой опыт? Как вице-король, ты будешь иметь своих собственных людей, которые будут консультировать тебя по военным вопросам.

— Сейчас королевству не нужен еще один правитель, Бри, — сказал Дэррик тихим голосом. — Твой отец выполняет эту роль достаточно хорошо. Но люди боятся. Каждый день новости из форпостов становятся все тревожнее. Ходят слухи о бандах злодеев, которые совершают набеги на города, вербуют новых членов, угрожая мечом. Хуже того, люди говорят о бессмысленных массовых убийствах, о целых деревнях, подвергнувшихся уничтожению.

— Но, ведь, если бы эти рассказы были правдой, отец получал бы донесения...

Дэррик медленно покачал головой.

— Нет, если гонцы были убиты прежде, чем они могли бы доставить их, — заметил он многозначительно. — О пяти из четырнадцати провинций не было слышно почти полгода. Их налоговые обязательства не были уплачены. Наибольшее беспокойство вызывает тот факт, что есть доказательства того, что сведения о налогах из двух провинций были подделаны.

— Подделаны? — повторила Габриэлла, понижая свой голос. — Но как это возможно? Управляющие все преданны моему отцу. Они бы не стали обманывать его.

Взгляд Дэррика стал серьезным.

— Они бы не стали, если бы не были вынуждены.

— Вынуждены... но кем? И почему?

— Вопрос почему — самый простой. Советники твоего отца считают, что вражеская армия на подходе. Скрытые налоги используются для ее поддержки и оплаты расходов. Подати Королевства в настоящее время используются для подготовки сопротивления.

Габриэлла была в шоке. Почему отец не сказал ей об этом? Или он считал, что таким образом защищает ее? Как можно ожидать, что она станет королевой однажды, если ее даже не приглашают в совет короля для решения таких вопросов? Впервые она задалась вопросом, верит ли ее собственный отец в то, что она готова к своему предназначению. Возможно, он сам усомнился в ее способности только потому, что она была женщиной? Ее лицо покраснело от этой мысли.

— Это отвратительно, что я вынуждена узнавать такие вещи от тебя, любимый, — сказала она более натянуто, чем намеревалась. — Но кого мой отец считает ответственным за эту измену?

Дэррик покачал головой.

— Никто не знает наверняка, но ходят слухи, как ты хорошо знаешь.

— Меродах, — выдохнула Габриэлла, медленно возвращаясь на свое место. — Гете сказал мне. На боевой арене. Я подумала, что он просто пытается напугать меня.

— Опять же, любовь моя, никто не знает точно. Имя не имеет значения. Дело в том, что люди обеспокоены. Как я уже говорил, королевство не нуждается в еще одном правителе.

— Чего же они хотят? — спросила она, не глядя на своего возлюбленного.

Дэррик бросил взгляд через плечо, вверх на витражное окно позади него.

— Им нужны герои, — ответил он.

Габриэлла повернулась и проследила за его взглядом. Позади них стеклянные рыцари пристально взирали вниз, лица их были серьезные и красивые, мечи и щиты наготове.

— Меня учили, что это даже хорошо, что больше нет нужды в совете Круглого стола, — тихо сказала она. — Отец говорил мне, это означает, что мы живем в мирное время. Нет необходимости в военной коалиции, когда нет войны, чтобы сражаться.

Дэррик кивнул. Габриэлла продолжала хмуро разглядывать изображение на витраже.

— У меня всегда это вызывало печаль, — размышляла она. — Когда я была девочкой, мне ужасно хотелось увидеть те дни, когда brave мужчины огромным войском отправятся против мерзавцев и злодеев, мародеров и непобедимых врагов.

— Каждый мальчик, которого я знал, хотел быть храбрым как сэр Ланселот, — добавил Дэррик, мечтательно улыбаясь. — Я был одним из них.

— Но ты не он! — прошипела внезапно Габриэлла, снова повернувшись к нему. — Ты Дэррик. Ты должен быть моим мужем, а не каким-то военным офицером, едущим в самый жар битвы. Ты принадлежишь мне, а не Королевству.

— Мы все принадлежим Королевству... — начал Дэррик, но она прервала его.

— Я не хочу этого! Пусть люди имеют своих героев, если они нуждаются в них, но только не ты. Ты нужен мне больше, чем им.

— Бри, — сказал Дэррик, схватив ее за руку в попытке убедить ее, — я могу быть и тем, и другим. Это желание твоего отца. Это мой долг. Я не могу противиться этому. Чего ты боишься? Конечно же, не какого-то сброда недовольных, которые скрываются в северных холмах? Я жажду разгромить их и положить конец их бесчинствам. Почему ты так яростно настроена против этого?

Габриэлла встретила с ним взглядом, ее лоб все еще был нахмурен в напряженной задумчивости. Она поджала губы и покачала головой.

— Когда ты просил отца моей руки, — тихо сказала она, — я была готова к тому, что он скажет нет. Когда такое было, чтобы принцессе разрешалось выходить замуж за человека некоролевской семьи?

— Даже сейчас, — напомнил ей Дэррик, — решение короля является политическим. Его вынуждали сформировать альянс с Маршем, подкрепив союз твоим браком с этим несносным старым Пригом, принцем Турнстоном. Твой выбор выйти за меня замуж дал ясный ответ не только королевской семье Маршей, но и народу Камелота.

— Я все это знаю, — нетерпеливо сказала Габриэлла. — Но все как-то слишком легко...

Дэррик поднял бровь.

— Ты хотела бы, чтобы твой отец отказал?

— Конечно нет. Просто, мне кажется, в этом есть что-то неправильное. — Она сделала паузу и снова подняла голову на суровых рыцарей в стеклянной раме. — Как будто... мой

отец даже не пытается сделать что-нибудь...

Позади Дэррика распахнулись двери внутренних покоев короля. Габриэлла испустила подавленный вздох и закрыла глаза. Дэррик подержал ее руку еще мгновение, а затем встал.

— Ваше Величество, — сказал он.

— Сэр Дэррик, — ответил Король, и Габриэлла съежилась. Она открыла глаза и тоже встала. Отец смотрел на нее задумчиво. — Моя дочь, любовь моей жизни, — вздохнул он, — я вижу по твоему лицу, что ты уже узнала новость, ради которой я вызвал тебя сюда.

— Я сожалею, Ваше Величество, — сказал Дэррик, скосив взгляд на Габриэлла. — Я не мог скрыть это от нее. Она спросила меня напрямую.

Король кивнул:

— Я рад, что муж моей дочери ценит честность. Тем не менее, входите в мои покои. Есть и другие не менее важные вопросы, которые необходимо решить.

Габриэлла не была расположена к дружеской беседе.

— В чем дело, отец? — спросила она, не двигаясь.

Король начал поворачиваться, но остановился и посмотрел на нее. Его глаза были черными и непроницаемыми, но он улыбнулся. В этой улыбке, она увидела, что он полностью понял ее реакцию и не сердился на нее.

— Серьезные дни настали, дочь, — сказал он. — У нас будет достаточно времени для совещаний и обсуждений, и ты тоже будешь там присутствовать. Ты, действительно, выросла, так что я полагаю, мне не удастся удержать тебя вдали от них, как бы я не хотел. Тебе больше не захочется подслушивать из гардероба за дверью, не так ли?

Габриэлла улыбнулась при этом воспоминании. Она покачала головой, а затем сделала шаг к дверям комнаты навстречу ему.

— Добро пожаловать в мой совет, — сказал король, обнимая свою дочь. — Но я буду скучать по маленькой девочке в шкафу. Я надеюсь, что ты не будешь злиться на меня за это.

— Разве я могу? — ответила она, позволяя ему обнять себя. Когда она отошла от него снова, она была несколько удивлена увидеть Магистра Магии, профессора Тофа, стоящего в покоях короля и странно улыбающегося.

— Так что ты хотел обсудить, отец? — спросила Габриэлла, взяв за руку Дэррика и следуя за королем в его комнаты.

— Ты же не думаешь, — ответил король, оглядываясь со странной улыбкой, — что я позволил бы моему единственному ребенку выйти замуж, не подарив ей и ее избраннику королевский подарок?

С этими словами король повел их в глубину своих покоев, за ним спокойно следовал профессор Тоф, который улыбнулся и загадочно кивнул головой, когда Габриэлла взглянула на него. Ей всегда казалось, что Магистр Магии был гораздо застенчивее по своей природе, чем позволял ему его публичный статус. Его золотая, украшенная кистями мантия, гофрированный воротник, и белая остроконечная шляпа показалась бы впечатляюще таинственной на ком-либо другом. На нем эта одежда, казалось, сидела как на добром, старом дядюшке-холостяке по пути на костюмированный бал.

Покои короля были загромождены как обычно всякой всячиной. Книги, перья и свитки пергамента занимали почти каждую поверхность. Белый ковер из медвежьей шкуры, лежащий между коллекцией низких, богато обитых стульев — все расставлено случайным порядком перед огромным камином. Чайный сервиз, теперь остывший, стоял на углу ковра, ожидая слугу. Шторы были закрыты, создавая впечатление холодного мрака пещеры

несмотря на середину утра.

У Габриэллы остались смутные воспоминания о том, какими были эти комнаты, когда ее мать еще была жива. Определенно, тогда было меньше беспорядка. Со столов регулярно убирали, вытирали пыль, уставляли свежими цветами в огромных, красочных вазах. Шторы всегда были отдернуты, чтобы пустить солнечный свет. Габриэлла хранила как сокровище слабый образ матери, сидящей на одном из этих стульев у огня, пишущей письма или читающей переписку, пока частички пыли танцевали как светлячки в лучах солнца вокруг нее. Это были чудесные воспоминания, хотя и немного грустные.

К счастью король повел их мимо этой заваленной разным хламом комнаты в солнечную теплоту собственного балкона. Там был установлен стол с тремя стульями, расположенными вокруг него. В центре стола находилась маленькая, деревянная шкатулка, ее полированная крышка мягко отражала солнечный свет.

— Давайте присядем, — сказал король, опускаясь на самый большой стул. — Профессор Тоф поведаст нам историю, прежде чем мы откроем эту очень любопытную вещь.

Габриэлла была заинтригована, хотя не подавала вида. Она уселась на одном из стульев и оправила платье на коленях. Дэррик сел рядом с ней, так что принцесса оказалась между ним и ее отцом.

— Первая часть этой истории на самом деле принадлежит не мне, Ваше Величество, — сказал Тоф, медленно двигаясь вокруг стола и положив свои тонкие руки на деревянную шкатулку.

— Это правда, — ответил король, — но ты расскажешь ее намного лучше, чем я. Продолжай. Мы тебя внимательно слушаем.

Тоф кивнул и закрыл глаза на мгновение. Когда профессор открыл их снова, он смотрел на Габриэллу.

— Простите меня, принцесса. Некоторое из того, что я расскажу, вызовет неприятные воспоминания. Отнеситесь с пониманием, ибо это закончится хорошо.

Габриэлла кивнула, улыбаясь и слегка нахмурившись одновременно. Тоф начал говорить:

— Много лет назад, как вы, конечно, помните, в одну зимнюю ночь произошло нападение на этот самый замок хорошо организованной группы наемных убийц. Варвары с севера просочились в город по одному-два человека с целью убийства ваших родителей и захвата Камелота во имя императора Ауренция. Если бы не быстрые действия дворцовой стражи, эти люди могли бы претворить свой план в жизнь. Сэр Персиваль разбудил Вашего отца, который тут же распорядился, чтобы вы и ваша бабушка были вывезены из замка под защитой трех королевских охранников. Эти люди помогли вам бежать через вход для слуг, но были подкараулены у городских ворот. Там, ваши охранники отдали свои жизни, отбиваясь от убийц, пока вы с бабушкой бежали, укрывшись в крестьянской телеге с сеном. К вечеру следующего дня мародеры были, наконец, взяты в плен и казнены. К сожалению, как вам хорошо известно, злодеям частично удалось выполнить свой ужасный замысел. Ваша мать, королева, была убита в этих самых залах, оставшись одна, загнанная в угол хитроумным варваром, который сумел проскользнуть мимо охранников.

Тоф остановился на мгновение. Габриэлла почувствовала на себе взгляд Дэррика. Она взглянула на него и слегка улыбнулась. «Это грустно, — казалось, говорила ее улыбка, — но это было очень давно, и сейчас я в порядке». Дэррика это не убедило.

— Когда все было закончено, — продолжил Тоф, — ваш отец, король, был поражен горем, и все же его беды еще не закончились. Он послал людей, чтобы привезти вас из тайного места, из крепости на южной границе, но они нашли башню пустой, без признаков вашего присутствия. Кроме того, он узнал, что охранники, которые были назначены, чтобы защитить вас, были убиты. Он опасался худшего, но не отказался от надежды. Начались поиски, перерыли буквально весь снег в Королевстве с целью вашего местонахождения.

Наконец, спустя двенадцать дней ваш отец вспомнил о небольшом охотничьем домике у озера в восточных горах, куда его собственный отец, король Вильгельм Ксавьер Второй, иногда брал еще ребенком. Домик был отдаленный, практически забытый всеми, кроме его самого и его матери. Ваш отец предположил, что возможно там она укрылась вместе с вами. Отчаявшись, но не теряя надежду, он сам возглавил поисковую группу, перейдя снежную пустыню и, наконец, достиг озера и небольшого домика, который стоял на берегу. Король признал старое здание по сломанному флюгеру на крыше, и, конечно же, к удивлению и радости всех, он нашел вас обеих внутри, в целостности и сохранности.

— Я помню, как будто это происходило вчера, — спокойно сказал король, протягивая руку, чтобы взять руку Габриэллы. — Моя мать ослабла от голода и утомительного путешествия, но она рассказала мне, как ты заботилась о ней, хотя тебе едва исполнилось семь лет. Она рассказала, как ты выходила каждый вечер, одетая в свой красный плащ с капюшоном в поисках зимних ягод и дров, как ты таяла снег, чтобы сделать питьевую воду, нагревая его на плите. Ты заботилась о ней, несмотря на то, что именно она должна была защитить тебя.

— И она поведала кое-что еще, — серьезно добавил Тоф, — то, что было тайной многие годы, известной только ей, мне и вашему отцу.

Он снова сделал паузу, его брови опустились в задумчивости. Габриэлла ждала, что отец прикажет профессору продолжать, но он этого не сделал. Наконец, девушка заговорила сама:

— Хороший секрет, если вы не намерены делиться им даже сейчас.

Тоф моргнул, а затем слегка улыбнулся. Габриэлла заметила, что, в настоящий момент профессор не казался ни застенчивым, ни глупым. Его одежда и кисточки сверкали в солнечном свете. Наконец, он опустил глаза, засунул руку в свой внутренний карман и достал свою палочку из черного ореха.

— Думаю, вы знаете правду, что я не настоящий волшебник, — сказал он, поднимая палочку вверх и вращая ее медленно между пальцами. — Конечно, я могу творить немного магии с помощью этой палочки, но эта магия не моя собственная. Власть принадлежит исключительно этой палочке как символу моего положения. Ее магия доступна любому, у кого хватило бы терпения и сноровки, чтобы научиться пользоваться ею. Она принадлежала Магистру Магии Гонту до меня и Леофрику до него. На самом деле, происхождение этой палочки относится к временам самого короля Артура, к великому Мерлину Амброзиусу, который создал ее. Именно он наделил эту палочку магией, и вы знаете, почему?

Тоф переводил взгляд с одного лица на другое, и Габриэлла понимала, что он не ждал ответа. Он глубоко вздохнул и ответил на свой вопрос:

— Потому что Мерлин был не просто человек, как я и другие до меня. Мерлин был настоящим магическим существом — колдуном. В те времена существовала живая магия, практикуемая обществом ведьм и волшебников, которые обитали среди нас и рядом с нами. У них был свой король, благородный волшебник по имени Кригл, а также свои собственные

советы, суды и школы. Мир людей обратился к обществу волшебников в случае необходимости. Цари просили их мудрых советов и магической помощи. Это привело, конечно же, к созданию официального поста Королевского Магистра Магии, а сам Мерлин, который ходил среди этих стен, первый и последний истинный волшебник, который имел этот титул.

Но зависть возникла между царствами людей и их собратьями-волшебниками. Магию стали использовать не по назначению, даже о великом Мерлине ходили слухи, что он предлагал свои услуги любому королевству, имеющему достаточное количество денег, чтобы заплатить за них. И, наконец, произошел разрыв. Волшебный мир разорвал связи с миром людей. Королевство волшебников укрылось от нас для нашего же блага, а также для них самих. Их города были спрятаны от наших глаз, так что мы не могли видеть их или даже вспомнить, где они находились.

— Но они не скрылись полностью, — вставил Дэррик, когда Тоф сделал паузу. — Все мы знаем о дальних уголках королевства, где ведьмы и волшебники смешались среди нас. Они продают нам магические инструменты, заговоренные порошки и зелья, хотя осторожно и в очень маленьких количествах. У нас есть запас таких вещей в академии и даже в этом самом замке, вы не можете отрицать этого, профессор.

— Ты говоришь правду, — кивнул Тоф, улыбаясь. — Волшебные предметы существуют среди нас, хотя их немного. Большинство из них спрятаны и забыты, а волшебники ведут свои дела в тайне. Даже сегодня ходят разговоры о том, что общество волшебников обосновалось в заброшенном замке лорда Хайдена, на краю Зловещего Леса. По слухам, в лесу видели призрака лорда после его скоростной смерти, так что никто не осмелился претендовать на замок. Как бы то ни было, волшебники не боятся привидений. Таким образом, это место теперь принадлежит им. Я даже слышал, что маленькая, крестьянская община неволшебников живет в пределах видимости замка, работая вокруг и даже внутри него, хотя им запрещено наблюдать за любыми таинственными действиями, происходящими в его стенах.

— Все это болтовня и чепуха, — добродушно провозгласил отец Габриэллы. — Я посылал разведчиков, чтобы проверить поместье лорда Хайдена через несколько лет после его смерти. Они не обнаружили ничего кроме громадных развалин, да банды сбитых с толку бродяг. Может быть, там водятся привидения, но это, определенно, не место обитания волшебного общества.

— Простите меня за эти слова, Ваше Величество, — заметил Тоф, — но я подозреваю, что любой волшебник постарался бы, чтобы именно это увидели ваши разведчики. И я не сомневаюсь, что их чары были бы крайне убедительными.

— Как скажете, профессор, — махнул рукой король и улыбнулся.

— Я не вижу, какое это имеет отношение к нам с бабушкой и старому домику, в котором мы прятались, — возразила Габриэлла с растущим нетерпением.

— Совершенно верно, Ваше Высочество, — согласился Тоф. — Легко отвлечься рассказами о волшебном народе. Дело просто вот в чем. Когда-то волшебники жили среди нас и оказывали большое влияние на наш мир своей магией, но теперь они обитают секретно, оставляя лишь слабый след на делах человеческих. Как драконы и древние существа, которые, говорят, бродят по северным пустошам, мы ощущаем их присутствие в основном по оставшимся после них легендам, отражающимся сквозь завесу времени.

— Но, — сказал король, оглядываясь на свою дочь многозначительно, — в отличие от

драконов северных земель, магический народ до сих пор изредка появляется в Королевстве. Самыми неожиданными и таинственными способами, когда мы меньше всего ожидаем этого, они вмешиваются в наши дела.

— Я не понимаю, — сказала Габриэлла, переводя взгляд с отца на профессора Тофа. — Как вы только что сказали, никакие ведьмы или волшебники не ступали в стенах этого замка на протяжении более ста лет.

Король кивнул. Он глубоко вздохнул и продолжил рассказ, перехватывая его у профессора Тофа.

— Когда мы обнаружили тебя и бабушку в охотничьей хижине, мы сразу же завернули тебя в одеяла и спрятали в тепло крытых саней. Однако, до того, как мы отправились в обратный путь к замку, несколько солдат обыскали домик, собирая оставшиеся припасы и вещи. Тогда и было обнаружено нечто странное, нечто достаточно любопытное, чтобы позвать меня и Магистра Магии.

Тоф снова заговорил:

— В снегу за домиком были признаки борьбы, — серьезно сказал он. — У черного входа был примят снег, как будто кто-то или что-то было сброшено туда, а затем уползло. Большие следы вели в лес. Отпечатки принадлежали либо человекообразному животному, либо очень большому человеку, невозможно было определить. Было очевидно, однако, что, какая бы борьба не произошла в снегу за домиком, она закончилась тем, что одна из сторон бежала в лес, а другая на своего рода санях, запряженных оленями.

— Конечно же, бабушка или я запомнили бы такое событие, — заметила Габриэлла, криво улыбаясь, словно это была какая-то замысловатая шутка. — Во время нашего пребывания там не было никаких гостей. В этом я совершенно уверена.

— Да, — согласился король, — моя мать говорила то же самое и, в отличие от тебя, за все время она ни разу не покидала дом.

Повисла напряженная пауза, пока Габриэлла и Дэррик обдумывали сказанное. Наконец, Дэррик сказал:

— Это противоречит здравому смыслу, не так ли? Конечно, один из них видел или слышал бы, если бы борьба произошла так близко.

— Это то, о чем мы также подумали, — согласился Тоф. — После того, как бабушка принцессы отогрелась и выпила немного горячего меда, мы пригласили ее, чтобы показать следы на снегу позади дома. Когда она увидела доказательства своими глазами, она упала в обморок и пришла в себя только значительно позже, во время обратной поездки в замок.

— Что это значит? — нахмурилась Габриэлла. — Ведь бабушка не стала бы лгать о такой вещи.

— Моя мать, возможно, была не идеальна, — улыбнулся король, — но лгуньей она не была.

— Мы сами удивлялись произошедшему, — сказал Тоф. — Это было довольно странное обстоятельство. Однако, это было до того, как мы обнаружили сигилу.

— Сигилу? — переспросил Дэррик, наклоняясь вперед в своем кресле.

Король кивнул.

— Я приказал осмотреть дом в поисках любого ключа к тому, что могло бы произойти там. Вот тогда мы и нашли странный предмет, затерявшийся в тени под кроватью.

— Булавка с каким-то символом, — пояснил Тоф, — возможно, застежка для плаща. Она была черная, изготовленная из какого-то неизвестного сплава, на удивление тяжелая. В

холодной комнате она была странно теплой на ощупь. Круглая, как луна, со змеей, свернувшейся в центре. Два изумрудных глаза, сверкающие гораздо сильнее, чем мог бы позволить тусклый свет комнаты. Она пролежала там недолго, поскольку пыль из-под кровати не накопилась на ее поверхности. Конечно, мы знали, что подобная вещица не принадлежала ни Вам, принцесса, ни королеве-матери. Мы спросили гвардейцев, которые сопровождали нас, не видел ли кто-нибудь из них этот предмет или символ, изображенный на нем, но, конечно же, никто не имел понятия.

— Истина заключается в том, — сказал Тоф доверительным тоном, — что даже в тот момент, я понял, что знак был магического происхождения. Мы рассудили и пришли к выводу, что, по причинам совершенно неизвестным, какая-то ведьма или волшебник, действительно, посетили домик во время вашего пребывания там и использовали свое искусство, чтобы затуманить разум вашей бабушки и обеспечить ему или ей секретность.

— Но почему? — спросил Дэррик, качая головой в удивлении. — Откуда они узнали, что в домике кто-то был?

Профессор Тоф медленно улыбнулся и покачал головой.

— Мы можем только догадываться. Достаточно сказать, что у волшебного народа есть свои способы узнавать вещи, которые мы не можем себе даже представить.

Габриэлла нахмурилась, глядя на шкатулку, теперь начиная догадываться, что может быть внутри нее.

— Кто бы это ни был, — сказала она, — что они хотели, причинить нам вред... или добро?

Король раздумывал:

— После реакции моей матери при виде следов на снегу, я не хотел показывать ей таинственный знак. В конце концов, однако, мое любопытство взяло верх надо мной. Я пригласил ее в свою комнату и показал булавку. Когда она взглянула на черную сигилу и те сверкающие изумрудные глаза, она словно впала в своего рода транс. Только когда я поместил вещицу обратно в шкатулку, убрав с ее глаз, она вновь пришла в себя.

— Я присутствовал при этом случае, — добавил Тоф. — Я спросил королеву-мать, видела она когда-либо раньше этот символ. Она кивнула утвердительно. Когда ее спросили, может ли она сказать нам, где она видела его, на ком, и что произошло в связи с ним, она замолчала. Она либо не могла в полной мере вспомнить, либо была под силой какого-то заклинания, препятствующего ее ответу. В последующие годы я время от времени снова спрашивал ее, мягко, но методично, в надежде на то, что заклинание может ослабеть. Увы, этого не произошло. Была только одна вещь, в которой королева-мать заверяла нас, уверенно и с особым подчеркиванием.

— Что это? — нетерпеливо спросила Габриэлла. Дэррик попытался утихомирить ее.

— То, что это был мужчина-волшебник, — ответил король серьезно, — и что если бы он не пришел, и ты, и моя мать не пережили бы, чтобы увидеть еще один день. По причинам, совершенно неизвестным нам, и способом, о котором мы не можем догадаться, этот загадочный волшебный гость каким-то образом спас ваши жизни.

Наступила тишина. Собравшиеся раздумывали над этим откровением в течение долгого времени. Наконец, профессор Тоф откашлялся и снова прикоснулся к маленькой шкатулке.

— Именно поэтому таинственную сигилу со змеей оставили и сохранили, как по причине ее счастливого предназначения, так и из-за ее магического происхождения. Мы не знали, что делать с ней, но и не могли избавиться от нее. Наконец, Вашему отцу пришла в

голову идея.

Король улыбнулся и дал знак Тофу, чтобы тот открыл шкатулку. Габриэлла внимательно наблюдала, ей не терпелось увидеть, на что была похожа эта вещь. Осторожно Тоф опустил руку в обитую бархатом внутренность шкатулки. То, что он вытащил, однако, было два маленьких, черных предмета, каждый свисал с длинной тонкой серебряной цепочки. Держа их в руке, он обошел вокруг стола, приближаясь к Габриэлле и Дэррику.

— Я решил, — объявил король, — что если таинственный талисман спас твою жизнь, когда ты была ребенком, то, возможно, ему следует быть у тебя, когда ты начинаешь свою жизнь как женщина.

— Я разрушил его силу, — сказал Тоф, держа подвески отдельно, и протянул одну Дэррику, а другую Габриэлле. — Разделенный, он все еще обладает магией, но лишь как тень бывшего целого. Теперь, перекованный в две равные половинки, он приобрел новый смысл. Он представляет вас обоих, ибо, как вы, он разделен, но является частью одного целого.

Габриэлла немного страшилась прикоснуться к свисающей подвеске, но, когда Дэррик протянул руку за своей, легко и с явным интересом, она осторожно взяла свою собственную. Она была черной, тяжелой в руке, и еще слегка теплой на ощупь. Ее подвеске была придана форма сокола в профиль с наполовину свернутыми крыльями. У Дэррика была в форме дракона со свернутым хвостом. Было видно, что обе подвески, если соединить их, совпадали как кусочки головоломки. По одному зеленому изумрудному глазу блестело с каждой половины.

— Носите их с этого дня, — торжественно сказал Тоф. — Пусть они будут символом любви, которую вы испытываете друг к другу. Они будут связью между вами: сигналом о помощи в трудную минуту, талисманом удачи до тех пор, пока вы оба будете жить, заполняя пространство между ними вашей живой любовью.

Габриэлла посмотрела на черную подвеску в руке, а потом в глаза профессора Тофа, стоящего перед ней. Несмотря на его уверенные слова, ей показалось, что она заметила нотку нервозности в его улыбке. «Это была идея моего отца, — подумала девушка про себя. — Профессор Тоф чувствует себя неуютно от этого. Только он знает о силе, какую может скрывать такой предмет даже в поврежденном состоянии».

Рядом с ней Дэррик опустил голову и надел серебряную цепь вокруг шеи. Габриэлла долго смотрела на фигуру черного дракона, лежащего на его груди, а затем улыбнулась. Вещица выглядела очень мило. На самом деле, она выглядела как будто, так и должно быть. Дэррик заметил, что принцесса смотрит на него, и встретился с ней взглядом. Кривая, дерзкая улыбка появилась на его губах, которая когда-то так взбесила ее, но с тех пор завладела ее глубочайшим чувством.

— Надень его, дочь, — мягко и с гордостью сказал король. — Это мой подарок вам. Носите его во все дни вашей жизни. И, возможно, эти дни будут очень долгими и наполненными счастьем.

Габриэлла повернулась к своему отцу. Медленно она опустила подбородок и подняла цепочку с подвеской над головой. Она почувствовала, как теплый вес опустился на ее грудь.

Дэррик взял ее за руку и сжал ее.

История Дэррика и Габриэллы — сына кузнеца и принцессы — распространилась среди людей Камелота, обрастая живописными и романтическими деталями, так что к вечеру свадьбы, двор замка неожиданно стал центром стихийного празднования. Возвращающиеся уставшими с полей крестьяне встречали своих жен и детей на площади, устраивая небольшие семейные лагеря вдоль стен и в уголках двора, заполненных сеном. Уличные торговцы установили свои тележки, чтобы кормить толпу и получать прибыль. Те, кто не мог позволить себе покупки, удовлетворялись корзинами домашнего хлеба и сыра. Дети танцевали и гонялись друг за другом среди празднующей толпы. Музыканты играли на флейтах и громко барабанили, соперничая друг с другом из противоположных углов двора.

Габриэлла с изумлением наблюдала за всем этим со своего балкона. Она знала, что большинство людей внизу собралось не столько, чтобы отпраздновать ее брак с Дэрриком, сколько ради самой атмосферы праздника, но это ничуть ее не беспокоило.

— Пора, — объявила Сигрид, останавливаясь в открытых дверях балкона. — Мы должны спуститься в зал. Сдается мне, ты прекрасней, чем когда-либо.

Габриэлла кивнула, но не двинулась с места.

— Они выглядят такими счастливыми, — сказала она, задумчиво улыбаясь.

— Конечно, как же иначе, — ответила Сигрид. — Не каждый день принцесса выходит замуж за простолюдина.

Габриэлла посмотрела вниз на толпу грязных крестьян в сумерках.

— Дэррик не простолудин, — сказала она со спокойной уверенностью.

Сигрид нетерпеливо выждала минуту, а затем со вздохом присоединилась к своей воспитаннице у перил балкона.

— Желает ли ты узнать правду в этот самый день, милая? — спросила она, глядя на площадь.

— Ты учила меня правде почти каждый день моей жизни, нравилось это мне или нет, — ответила Габриэлла. — Почему сегодня должно быть иначе?

Сигрид пожала плечами.

— Сегодня это закончится. Я больше не твоя няня, а всего лишь твоя фрейлина. С этого момента, если ты будешь нуждаться в моем совете, ты должна будешь попросить меня об этом.

— Я всегда буду просить у тебя совета, — сказала Габриэлла, внезапно почувствовав сильную грусть. Слезы навернулись на глаза, удивляя ее, и она стерла их с раздражением.

— Так всегда бывает, — кивнула Сигрид, выражение ее лица смягчилось. — Каждое большое начало означает, что чему-то другому пришел конец. В этом нет ничего плохого. Печаль и радость — спутники каждого знаменательного события.

— По-моему, это не тот урок, который ты хотела преподать мне, — упрекнула Габриэлла, едва сдерживая слезы и вынимая носовой платок. — Не напоминай мне о том, что заканчивается. Научи меня счастливой правде на этот раз, няня.

Сигрид кивнула, соглашаясь, и скрестила свои большие руки на перилах балкона.

— Ты говоришь, что твой Дэррик не простолюдин, и ты права, — сказала она, вглядываясь в освещенный факелами двор. — Сегодняшняя правда, принцесса, в том, что на самом деле никто из них таким не является.

Габриэлла последовала за взглядом пожилой женщины, скользя глазами по лицам собравшихся ниже. Одни улыбались, смеялись, пели. Другие наблюдали с суровой торжественностью или миролюбиво беседовали между собой. Матери приглядывали за своими детьми, отцы несильно шлепали их, когда те проносились мимо, или держали их на плечах, указывая на замок, возможно, даже на саму Габриэлла, наблюдавшую за ними с высоты.

— Что значит быть принцессой? — произнесла Габриэлла вслух, повторяя свой старый вопрос.

Сигрид повернулась и окинула ее долгим взглядом.

— С этого момента все, что бы ты не делала... Хорошее или плохое, ты принцесса. А что это будет значить для меня и Дэррика и всех тех, кто внизу — решать тебе.

Габриэлла приняла это с глубоким вздохом. Она почувствовала странное нежелание покидать балкон, хотя скоро должен был наступить момент, который она ждала большую часть своей жизни. Она собиралась выйти замуж. Во всех возможных смыслах она больше не была ребенком. Она горячо жаждала этот день, нетерпеливо торопила школьные годы, стремясь сбросить правила и ограничения детства. Только теперь, стоя в начале взрослой жизни, она осознала, какими надежными и утешительными были по сути эти границы.

Сигрид, казалось, понимала эти вещи, хотя Габриэлла ничего не говорила. Они ждали вместе под темнеющим небом. Наконец, Сигрид отступила назад и коснулась локтя принцессы. Габриэлла кивнула празднующей толпе внизу, затем выпрямилась и расправила платье. Платье, несомненно, было очень впечатляющим, расшитым жемчугом и белыми лентами, переливающимся акрами шелка. Оно было прекрасным, но все же, как и многие другие взрослые вещи, казалось, что скорее платье носило ее, а не наоборот. Девушка вздохнула еще раз. Молча, она повернулась и последовала за Сигрид обратно в желтое тепло своей комнаты.

Они прошли через спальню в верхний коридор замка и ступили на главную лестницу. Сотни свечей освещали их путь, выстроившись вдоль стен и свисая с железных канделябров. Спускаясь по лестнице, Габриэлла увидела, что небольшая толпа собралась в ожидании этажом ниже. Однако, в отличие от толпы на улице, это были знатные дворяне и дамы, блистательные в своей разноцветной, самой лучшей парадной одежде. Они с улыбкой смотрели на нее снизу вверх, и Габриэлла заметила, что над их гофрированными воротниками и украшенными кисточками плечами лица были точно такими же, как у тех, стоящих на площади снаружи. Здесь, как и там, были благородные и плуты, храбрецы и негодяи, все смешались вместе и глядели на нее выжидающе.

Возле задней части холла, где располагался вход в большой бальный зал, стоял ее отец и его окружение. На нем была корона, но на этот раз она не делала его центром внимания. Казалось, он был доволен этим. Рядом с ним, выглядя менее комфортно в своей официальной одежде, стоял Руфус Барт, Магистр боевых искусств академии, в роли начальника безопасности для свадебной церемонии. Его черные глаза беспрестанно блуждали по толпе, перескакивая с лица на лицо почти с механической точностью.

Габриэлла была на полпути вниз по винтовой лестнице, когда кто-то задал традиционный вопрос.

— Достойного ли жениха выбрала невеста? — говоривший был молодой человек, Джакар, бывший одноклассник и друг Дэррика. Он улыбнулся ей со своего места, где он стоял рядом со своим отцом, эрцгерцогом с очень внушительными, седыми усами.

— Да, — громко ответила Сигрид.

Полдюжины голосов подхватили традиционный ответ.

— Он среди нас в эту ночь?

Сигрид остановилась и повернулась с ожиданием к Габриэлле, улыбаясь и поднимая одну бровь.

— Да, — ответила Габриэлла. — Он ждет меня в бальном зале, и там мы будем венчаться.

Среди собравшихся дворян и дам поднялось небольшое веселье. Смеясь и толкаясь, все направились к дверям в дальнем конце холла. Король первым прошествовал в зал, и Барт отошел в сторону, занимая свой пост рядом с дверями и освобождая место для толпы. Габриэлла увидела, что большой зал был уже довольно полным. Яркие плащи и платья заполнили пространство, соперничая с богатыми фресками, покрывавшими стены и потолок. В гигантском камине, находившемся в передней части комнаты, ревел огонь, освещая возведенный там небольшой помост и алтарь. Епископ Тримейн стоял перед алтарем в своем облачении, сияющим белым и золотым в свете свечей. Рядом с ним, повернувшись лицом к толпе, стоял Дэррик. Габриэлла видела его, но он не видел ее. Он кивал и улыбался, в то время как комната заполнялась лицами: некоторые были знакомые, большинство же нет. Даже сейчас, он, казалось, чувствовал себя совершенно непринужденно. Как замечательно, подумала Габриэлла не в первый раз, как идеально подходил он на роль вице-короля и мужа будущей королевы. Слово он был создан для Королевства, и Королевство как будто нуждалось в нем. Но он принадлежал сначала ей, и это доставляло огромное удовольствие.

Мраморный пол прихожей медленно опустошался, к Габриэлле присоединились Рисс и Констанция, подружки невесты. Одетые в желтые шелковые платья, Рисс с придирчивостью, а Констанция с откровенным восторгом рассматривали себя в зеркалах, которые располагались рядами вдоль панельных стен.

— Готова? — серьезно спросила Рисс.

Габриэлла кивнула.

— Да. Просто не могу привыкнуть к этому. Может быть, нам следовало бы пожениться в церкви в конце концов. Все кажется с таким... — она пожала плечами, — королевским размахом.

Констанция улыбнулась ей, как будто она сказала что-то очень глупое.

— Ты принцесса, — строго шепнула она. — Тебе лучше привыкнуть ко всему королевскому.

— Пришло время, девочки, — приказала Сигрид, приближаясь к ним у дверей бального зала. — Констанция, ты первая. Остановишься напротив Джакара. Он будет твоей парой.

Констанция закатила глаза.

— Честно говоря, Сигрид, я готовилась к этому дню дольше, чем Бри, как мне кажется. Я знаю, что делать.

Она на секунду повернулась и коснулась плеча Габриэллы.

— Бри, — сказала она торжественно, — это он. Твой великий день. — Потом покачала головой и вздохнула. — Не испорти все, споткнувшись о свои юбки на пути к алтарю.

— Спасибо, Констанция, — Габриэлла с сокрушенным видом кивнула, а затем обняла свою подругу.

— Иди же! — яростно прошипела Сигрид, практически толкая Констанцию в двери бального зала.

Габриэлла смотрела, как Констанция вошла в зал и направилась к алтарю. Толпа гостей разделилась, открывая длинный проход, ограниченный по обе стороны медными перилами и выстеленный длинным, бордовым ковром. Констанция шла с большой аккуратностью, высоко подняв подбородок и с благоговением держа свиток с Писанием перед собой. Когда она подошла к алтарю, она склонила голову и вручила свиток епископу Тримейну, а затем заняла свое место справа. Она повернулась, ее лицо светилось от удовольствия.

Рисс склонилась к уху Габриэллы.

— Я люблю тебя, Бри, — сказала она тихим голосом. — Запомни этот день навсегда. Долгих лет жизни вам обоим.

Она задержала руку Габриэллы на мгновение, коротко кивнула, а потом повернулась к дверям. Габриэлла нервно наблюдала, как ее лучшая подруга устремилась вперед по проходу, неся золотые кольца в атласном мешочке.

Сигрид тоже наблюдала за ней, а потом ее лицо исказилось от ужаса. Она повернулась к Габриэлле и быстро оглядела ее сверху донизу.

— Где твой букет? — резко потребовала она.

— Мой... — начала Габриэлла, а потом остановилась. Они обе знали, где он был. Букет лежал на комодке в ее спальне, рядом с умывальником, где она оставила его.

— Ты не взяла букет! — выдохнула Сигрид.

— Ты должна была напомнить мне! — прошептала Габриэлла, ее глаза расширились.

Сигрид в раздражении шлепнула себя по лбу.

— Я больше не твоя нянька, принцесса.

— Я сбегая за ним, — сказала Габриэлла, подхватывая юбки и поворачиваясь к лестнице, но Сигрид схватила ее за локоть.

— Ну, уж нет! — воскликнула она. — Оставайся здесь!

С этими словами пожилая женщина бросилась к лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Габриэлла глядела ей вслед, ошеломленная удивительной скоростью Сигрид. Через мгновение она повернулась обратно к дверям бального зала. Рисс была почти на полпути к алтарю, двигаясь медленно, ее длинные, рыжие волосы ниспадали волнами по спине. Большинство людей наблюдало за ней с повышенным интересом, но несколько взоров были обращены назад к двери, ожидая появления Габриэллы.

«Это просто букет, — подумала она про себя. — Просто куча глупых цветов. Кому они нужны?»

Она представила себе, как она идет по проходу с пустыми руками, и поняла, что будет чувствовать себя крайне неловко. Нахмурившись, она оглянулась в сторону лестницы. Сигрид нигде не было видно. Габриэлла беспомощно окинула взглядом комнату и вдруг ей пришла в голову мысль. Подобрав юбки, она повернулась и бросилась через комнату к главному входу. Завернув за угол, она вошла в передний холл и увидела то, что искала. У стены находился небольшой столик с большой вазой розовых и желтых тюльпанов. Габриэлла устремилась к вазе, выдернула пучок цветов и яростно стряхнула воду со стеблей.

Она собиралась вернуться к бальному залу, довольная своей изобретательностью, когда низкий звук привлек ее внимание. Поблизости звучали чьи-то приглушенные голоса.

Габриэлла слышала, как они эхом отдавались из коридора, и тон говорящего захватил ее интерес еще до того, как она расслышала слова. Она остановилась и прислушалась, несмотря на свою спешку.

— Глупо с твоей стороны приходить сюда! — говорил голос так низко и сурово, что было похоже на рычание. — Если бы тебя заметила королевская стража Персиваля, тебя бросили бы в подземелья, прежде чем ты понял бы, что случилось! Ты просто сумасшедший!

Другой голос говорил в ответ, низкий и свирепый.

— Охрана не имеет значения, если выполняешь свой долг. Вскоре подземелья будут принадлежать кому-то другому, и мы посмотрим, кого туда бросят.

Глаза Габриэллы расширились, и она закрыла рот одной рукой. Она узнала второго говорящего. Это был Гете, ее соперник с боевой арены. Но как он попал в замок? Его ведь не было в свадебном списке гостей, и все входы хорошо охранялись.

— Черт бы побрал твою безрассудную гордость, мальчик! — прошипел Барт. — Ты рисковал всем со своим идиотским фокусом во время поединка, и теперь ты осмелился появиться здесь, когда свадьба еще даже не началась! Уходи, пока я не сообщил о тебе королевской охране!

— Вы бы не рискнули, — мрачно пробормотал Гете, но Габриэлла могла сказать по его тону, что он подчинится. Барт резко выдохнул.

— Гости все уже собрались для церемонии, — тихо сообщил он. — Ты можешь выйти через главный вход, пока у дверей в бальный зал никого нет.

Стрела паники пронзила Габриэлла. Она развернулась на каблуках и выскочила из комнаты, прижимая импровизированный букет к груди. Когда она уже приближалась ко входу в бальный зал, то увидела, что вся толпа внутри повернулась к дверям, ожидая ее входа. Глаза тех, кто стоял вблизи, расширились, когда они увидели Принцессу, бегущую к залу. Силой воли Габриэлла заставила себя остановиться, взяла себя в руки и выпрямила спину. Она прошла через двери с отработанной осанкой и отправилась в путь по длинному проходу.

Увидев это, оркестр менестрелей в передней части комнаты, наконец, заиграл на фанфарах. Рядом с ними стоял изрядно уставший король, он покачал головой и криво улыбнулся при виде приближающейся дочери. Дэррик, как обычно, просто наблюдал, лицо его выражало совершенную уверенность, когда она шла к нему навстречу. Выражение Рисс было довольно забавным. Стоявшая рядом Констанция вытерла глаза носовым платком с кружевной бахромой.

Свет от камина гипнотически отражался на расписном потолке, оживляя нарисованные лица давно ушедших королей. Габриэлла сделала глубокий вдох и, дрожа выдохнула, чувствуя себя в равной степени счастливой и взволнованной. Наконец, она встретилась с Дэрриком перед алтарем. Он восхищенно оглядел ее, охватывая взглядом ее великолепное платье и необычный букет, но в конце останавливаясь на ее лице. Его глаза сияли в свете свечей, и она вспомнила тот день за колокольней, когда он впервые раскрыл свои чувства к ней.

«Есть что-то в тебе, что я не могу забыть, — сказал он. — Что-то, чего не видят другие». Но, конечно же, то же было правдой и в отношении нее. Она знала это почти с первой их встречи. Реальность их отношений смущала и раздражала ее, пока она, наконец, не поняла, что это было.

«Я думаю, что мы созданы друг для друга. Возможно, такое случается только в сказках,

но я так не думаю...»

Дэррик взял руку Габриэллы, и вместе они повернулись к епископу Тримейну. В этот самый момент она с удовольствием забыла о тревожащей ее тайне незванного Гете.

У нее будет еще достаточно времени, чтобы вспомнить об этом позже.

Было очень поздно, когда она проснулась. Внезапная волна страха окатила ее, когда она огляделась в темноте, на мгновение забыв, где находится.

Чья-то рука обвилась вокруг нее. Она вскрикнула.

— Что случилось? — сонно спросил Дэррик.

При звуке его голоса воспоминания вернулись назад. Это была первая ночь их медового месяца. Дэррик лежал рядом с ней, его теплое тело прижималось к ней под одеялами. Габриэлла испытала запоздалое чувство стыда, что она лежала голой с ним, но чувство это было маленьким и поверхностным. В глубине же она чувствовала, что теперь принадлежит ему, и была совершенно уверена, что она очень скоро привыкнет к этому ощущению.

— Ничего такого, — сказала она, прижимаясь к нему. — Что-то разбудило меня.

Мысленно Габриэлла переиграла начало их первой совместной ночи. Конечно, она испытывала некоторую неловкость, и поначалу она была совершенно уверена, что он нервничал не меньше, чем она сама. Но потом, постепенно, она перестала говорить, перестала думать о том, что происходит, отдалась этому чувству и ему. Дэррик сделал то же самое, и в этом прекрасном блаженстве между словами она вкусила глубину того, что должно стать их совместной жизнью. В конце концов, конечно, они уснули и спали, по крайней мере, до сих пор.

— Очень жарко, — сказал он, откидывая одеяла. Он сдернул халат с ближайшего крючка и надел на себя. Сигила с черным драконом свисала с его шеи, ловя тусклый свет своим сверкающим зеленым глазом. — Слуга растопил камин, как будто зима в самом разгаре, — рассмеялся он и направился к окну. — Что разбудило тебя? Ты помнишь?

— Какой-то шум, — ответила Габриэлла, глядя на огонь. — Я не помню, что это было...

Постучали в дверь. Стук был такой сильный и такой внезапный, что Габриэлла подпрыгнула.

Дэррик все еще держался за ручку окна.

— В чем дело? — громко спросил он. Оба они знали, что никто бы не стал стучать в эту ночь, если бы это не было важно.

— Сир, — раздался приглушенный голос из-за двери, — возникла проблема в темнице. Заключенный сбежал — он сейчас в замке.

Дэррик выслушал, и его лицо слегка нахмурилось. Он посмотрел на Габриэлла и сказал:

— Я сейчас вернусь, Бри. Должно быть, какая-то ошибка.

С этими словами он подошел к двери комнаты, открыл ее ровно настолько, чтобы был виден только его силуэт, и остановился там, на половину в этой комнате, а на половину в коридоре.

— Что это значит? — тихо спросил он. — Я уверен, ты знаешь, что это спальня новобрачных и наша первая брачная ночь.

— Да, сир, — ответил приглушенный голос охранника. — Но в замке этой ночью вы старший офицер, за исключением короля, и я не осмелился разбудить его по такому делу без вашего на это приказа.

Габриэлла видела лицо Дэррика, освещенное в профиль ярким светом коридора. Он задумался на мгновение, а затем сказал:

— Так ты говоришь, что-то случилось в подземельях. Как это произошло?

— Ночной дозорный был убит, сир, — сказал охранник почти шепотом. — Ему перерезали горло. К тому времени как он был найден, заключенный уже сбежал. Охранники периметра сообщили, что никто не покидал замок в течение последних трех часов. Надо полагать, что заключенный и тот, кто его освободил, еще находятся внутри. Это непосредственная угроза, сир. Прикажете разбудить короля?

Дэррик не сразу ответил. Он повернулся и взглянул на Габриэлла, ища встречи с ее глазами, которые были широко раскрыты в темноте.

— Да, — кивнул Дэррик, а потом повернулся к двери. — Но позволь сделать это мне. Ты соберешь дворцовую стражу, тех, кто не охраняет периметр замка, и начнешь тщательный осмотр. Начните с верхних этажей. Нам необходимо удалить их подальше от королевских покоев, а не привести к ним.

— Да, сир, — быстро ответил охранник.

— А ты, — сказал Дэррик, явно обращаясь к другому охраннику в коридоре, — останься здесь и охраняй эту дверь ценой своей жизни. Ты понял?

— Нет, — перебила его Габриэлла и, сбросив одеяла, потянулась за своим платьем. — Я не останусь здесь! Я иду с тобой в покои моего отца.

Дэррик закрыл дверь и пошел к ней навстречу. — Ты знаешь, что не можешь сделать это, Бри. До тех пор, пока мы не найдем преступников, считается, что замок подвергся нападению. Принцесса и король не должны находиться в одном месте, чтобы не быть сраженными одним и тем же убийцей.

— Я знаю протокол, — сказала она, натягивая платье. — Но это не убийцы. Они пойманные в ловушку мыши, которые не могут найти выход. Я не буду ждать здесь.

Дэррик положил руки ей на плечи.

— Ты должна. Мы не можем рисковать. Протокол для твоей же безопасности.

— Протокол, — повторила Габриэлла упавшим голосом, — из-за него умерла моя мать в одиночестве в своей комнате.

Дэррик покачал головой.

— Если бы твой отец был с ней, он, возможно, был бы убит тоже.

— Если бы мой отец был с ней, — ответила Габриэлла, снимая его руки со своих плеч и сжимая их крепко, — он мог бы спасти ей жизнь!

Дэррик изучал ее лицо в течение долгого времени. Наконец, он глубоко вздохнул и коротко кивнул.

— Ладно. Пойдем со мной, но помни, что это военные действия, а я главный офицер. До тех пор, пока все не закончится, я опережаю тебя по рангу.

— Только до тех пор, пока я Королева, — ответила Габриэлла, не в силах скрыть небольшую улыбку, тронувшую ее губы.

Дэррик снова кивнул. Вместе они оделись. Дэррик нашел время, чтобы надеть сандалии и ремень со своим мечом. Габриэлла связала волосы длинной лентой и откинула их назад, чтобы они не мешали ей. Через минуту они оба вышли из комнаты.

— Присоединяйся к другим, — сказал Дэррик старому охраннику за дверью. — Найди злоумышленников и доложи мне.

— Слушаюсь, сир, — хрипло солгасился охранник, по-видимому, счастливый присоединиться к охоте. Он побежал, положив руку на рукоять меча.

— Держись поближе ко мне, — сказал Дэррик, повернулся и стремительно зашагал по узкому коридору. Фонари освещали путь, но в замке было еще очень темно в этот час.

Затененные ниши и закоулки протянулись вдоль залов.

— Может стоит разбудить Рисс и остальных гостей? — спросила Габриэлла низким голосом.

Дэррик покачал головой.

— Они в безопасности в своих комнатах. По правде говоря, все, вероятно, закончится в течение нескольких минут. Здесь самая лучшая гвардия во всем Камелоте. Никто не может долго прятаться в этих залах.

— Дэррик, — внезапно сказала Габриэлла, — я думаю, что знаю, кто это сделал!

Дэррик остановился и взглянул на нее.

— Кто?

— Гете, — ответила она твердо. — Он был здесь накануне. Я слышала, как он и профессор Барт разговаривали в прихожей прямо перед свадьбой. Барт собирался вышвырнуть его.

— Отец Гете, — понимающе кивнул Дэррик. — Эта лживая собака. Гете воспользовался свадьбой, чтобы проникнуть в замок с намерением освободить своего отца. Почему ты не сказала никому?

— Барт настаивал, чтобы он ушел, — сказала Габриэлла, когда они возобновили свою прогулку. — Он был назначен начальником безопасности на свадебной церемонии, в конце концов. Это была его работа. К тому же, я была немного занята, если ты не заметил.

Он оглянулся на нее через плечо, и она увидела его озорную улыбку.

— Я заметил.

— Я совсем не то имела в виду, — сказала Габриэлла, ее щеки покраснели.

— Мы на месте, — объявил Дэррик, когда они подошли ко входу в покои короля. — Оставайся у дверей. Я разбужу его.

Габриэлла схватила его за запястье.

— Я не буду ждать здесь. Я уже сказала тебе...

— И я тебе сказал, — спокойно прервал ее Дэррик, — что на данный момент, я главнее тебя. Король не останется в своих покоях, как только я подниму его, ты хорошо это знаешь. Внутри темно, и как бы невероятно это не звучало, кто-то может затаиться там в ожидании. Вот, возьми.

Он обнажил свой меч и передал ей, рукоятью вперед.

— Я не могу взять его, — сказала она, качая головой. — Что, если ты прав, и там кто-то прячется внутри?

— В любом случае, слишком темно, чтобы использовать меч, — тихо ответил Дэррик. Он вынул кинжал из-за пояса и мрачно улыбнулся.

— Это лучше подойдет. Не волнуйся.

Она приняла его меч и мастерски сжала рукоять.

— Поспеши, Дэррик.

— Уже спешу, принцесса, — сказал он и подарил ей быстрый поцелуй. Через мгновение он открыл дверь во внешнюю комнату королевских покоев и ушел.

Габриэлла прислушалась. Замок казался обманчиво тихим в этот час. Оттуда, где она стояла, не было слышно никаких признаков какого бы то ни было поиска, который должен был идти. Она повертела в руках меч, уверенная, что нет никаких шансов в необходимости использовать его, но тем не менее успокоилась, что она надежно защищена. Ожидание было слишком долгим, а рукоять меча казалась неестественно громоздкой. Медленно, она

прижалась спиной к каменной стене и сползла вниз, присев, вертикально держа меч между колен.

Потянулись напряженные минуты, и тут Габриэлла подпрыгнула, когда что-то зацекотало ее шею. Она вздрогнула, чуть не выронив меч, и почувствовала, как по ее руке бежит паук. К счастью, она не боялась пауков. Крошечный паучок прополз по ее пальцам и остановился на тыльной стороне руки, рассматривая ее своими странными, чужеродными глазами. Паутинка висела перед ней, едва заметная в темноте. Габриэлла проследила ее путь и обнаружила, что она соединялась с соколом на подвеске, висевшей у нее на шее. Девушка с любопытством нахмурилась.

Невдалеке раздался голос.

Глаза Габриэллы метнулись вокруг в поисках говорящего, хотя она могла определить по звуку, что он был слишком далеко, чтобы его увидеть. Это был женский голос, нечетко доносившийся до нее. Послышался короткий возглас, а затем наступила тишина.

Габриэлла напрягла слух. Спустя напряженную минуту она стряхнула паука с руки и выпрямилась.

— Кто здесь? — позвала она хриплым шепотом. Ответа не было. Сжимая меч Дэррика, она прокралась к ближайшему пересечению коридоров. Свет от камина мерцал на стенах, создавая танцующие тени. Мрачные лица глядели вниз с гобеленов, наблюдая за девушкой со сверкающим, громадным мечом.

Габриэлла достигла промежуточного коридора и вгляделась вдаль. Двери, выстроившиеся вдоль левой стены, все, по-видимому, были закрыты. Справа глубокие ниши вели к окнам, встроенным в них. Лунный свет бледными полосами лежал на полу. Никакого движения. Медленно Габриэлла направилась по коридору, перемещая взгляд из стороны в сторону, заглядывая в ниши и дверные проемы.

Она остановилась. Одна из дверей была не полностью закрыта. Габриэлла могла видеть тусклую полосу света от камина внутри. Была ли это комната Констанции?

— Констанция, — шепотом позвала Габриэлла, — с тобой все в порядке?

Послышался звук возни. Габриэлла вздрогнула, понимая, что звук доносился не из приоткрытой двери. Он шел дальше по коридору, от одной из глубоких оконных ниш. Она подняла свой меч и шагнула вперед.

Мелькнуло что-то цветное внутри алькова, вспышка золотой ткани. Это была Рисс, по-прежнему одетая в свое желтое платье подружки невесты.

— Рисс! — крикнула Габриэлла и опустила свой меч, испытывая облегчение. — Ты почти напугала меня...

Рисс повернула голову, всматриваясь, и выражение ее лица заставило Габриэлли остановиться.

— Бри, — слабо сказала Рисс. — Беги.

Рисс медленно начала оседать назад, полностью появляясь в поле зрения. Теперь Габриэлла видела длинное лезвие, торчащее из ее груди, выскользнувшее, когда девушка упала. Кровь Рисс ярко горела на нем.

— Ри-и-исс! — закричала Габриэлла, бросаясь вперед. Меч Дэррика со стуком ударился о каменный пол, бездумно брошенный ею, когда Габриэлла подбежала к своей подруге и упала рядом с ней на колени.

— Рисс! Этого не может быть! Что...?! — она обхватила девушку руками, обезумев от шока и неверия.

— Я сказала тебе, — Рисс прошептала с последним вздохом, — бежать.

Тень упала на них обеих в голубом свете луны. Габриэлла резко развернулась, потянувшись за мечом Дэррика, забыв, что бросила его в пяти шагах отсюда. Позади нее стоял Гете, его лицо было красным и напряженным, пот струился по его лбу ручьями. Он поднял окровавленный меч.

— Не кричи, — произнес он с тихим рычанием. — Умри как принцесса.

Габриэлла ни секунды не колебалась. Когда Гете поднял меч, чтобы вонзить в принцессу, она пригнулась и бросилась на него. Он попятился назад, все еще цепляясь за свой меч, и врезался в окно. Стекло раскололось на сотню кусочков, но железная рама чудесным образом удержала его вес. Осознавая шаткость своего положения, Гете опустил меч, пытаясь схватиться за что-нибудь, чтобы удержаться. Габриэлла услышала, как меч стукнул о пол и тут же отбросила его ногой назад. Потом она отступила от него, возмущенная и ужаснувшаяся.

— Как ты мог... — сказала она, и голос ее звучал неестественно высоко. — Рисс...

Его взгляд метнулся в сторону меча, где он лежал позади Габриэллы. Гете приготовился напасть на нее, но девушка поняла его намерение. Будучи меньше и быстрее, она прыгнула вперед еще раз, изо всей силы толкая его в грудь. На этот раз железная рама согнулась и лопнула, вырвавшись наружу со звонким скрежетом. Окно полетело в ночь, и Гете вместе с ним, отчаянно цепляясь за Габриэлла в попытке утащить ее с собой. Его пальцы чуть не схватили ее за волосы, перекинутые через плечо. Последнее усилие, и он исчез в темноте.

Габриэлла пошатнулась и чуть не упала вслед за ним. Ее руки схватились за каменную кладку алькова, задержав падение. Ослабевшая, она отодвинулась от разбитого окна и упала на пол. Девушка задыхалась, глядя в зияющий глаз ночи, потрясенная внезапностью того, что произошло. Потом, вспомнив, она повернулась и поползла обратно к телу своей подруги.

Рисс лежала со спутанными ногами, одна рука на груди, прикрывая кровавую рану. Ее глаза смотрели спокойно в потолок, как будто потерянные в глубине мыслей.

— О, Рисс, — зарыдала Габриэлла, прильнув щекой к груди девушки. — О, моя милая Рисс, нет... нет...

Она все еще всхлипывала, прижимая мертвое тело девушки, когда несколько минут спустя Дэррик и дворцовый охранник нашли ее.

— Это был Магистр Боевых искусств? — спросил Томас, рассматривая разбитую вазу носком ботинка. — Он впустил убийцу? Он был в сговоре с негодями, не так ли?

Язим кивнул, входя в полумрак развалин. Солнечный свет просачивался через разрушенные части замка, превращаясь в ослепительные лучи в темноте.

— Люди говорили, что он затаил обиду на короля за потерю своей жены и ребенка несколькими годами раньше. Чума тогда распространилась по городу, и Барту было отказано в укрытии в стенах замка. Охрана короля объявила, что женщина и мальчик уже заражены и могут поставить под угрозу жизнь людей в замке. Они умерли, конечно, хотя были слухи, что

Барт клялся в том, что они не больны, когда он пришел к замку. Возможно, он даже был прав.

Вместе эти двое мужчин направились туда, что когда-то было большим залом. Его стены и потолки были в основном нетронутыми, хотя значительная часть обрушилась над камином, похоронив его когда-то впечатляющий фасад. На них еще виднелись призраки древних фресок, выцветшие и потрескавшиеся почти до неузнавания. Камни и песок покрывали то, что осталось от мраморного пола. Большая часть мрамора была вынута и увезена, вероятно, несколько десятилетий тому назад.

Томас вышел в центр бального зала и повернулся вокруг себя, пытаясь представить себе это место, как оно, возможно, однажды выглядело.

— Заключенный, отец того юноши, которого убила Габриэлла, что с ним стало?

— Сбежал, — ответил Язим, присев на корточки рядом с обломками рухнувшего потолка. — Его намерение состояло в том, чтобы убить короля в своей постели, пока его сын охранял их побег. После смерти юноши, однако, его план был разрушен. Отец бежал, забрав жизнь другого охранника, пока пробирался к выходу. Новоиспеченный муж принцессы вел поиски его в ту ночь, подняв на помощь спящий город, но безуспешно.

— И все это, — сказал Томас, присоединяясь к своему другу в темноте древности, — по приказу того самого безумца Меродаха. Да?

— Убийство короля было целью его окончательного плана, — кивнул Язим. — Меродах и не ожидал, что заключенному удастся убить короля или даже бежать. Весь этот спектакль предназначался только, чтобы донести его послание, а послание было очень простое: «Я могу добраться до тебя, Король. Не доверяй никому. Мои люди есть повсюду».

Томас спросил:

— Понял ли это король?

Язим оставался на корточках возле груды щебня. Он протянул руку и подобрал какой-то предмет из горы мусора. Это был небольшой кусок битой штукатурки, являющийся фрагментом древней фрески. На изображении сохранилась часть лица с одним суровым голубым глазом, глядевшим мрачно и терпеливо.

— Да, король очень четко понял смысл послания Меродаха. Они повесили того человека, Барта, и он с готовностью принял свою смерть. Король намеревался отправить свое собственное сообщение, что предатели будут строго наказаны, но к тому времени, было слишком поздно. Пламя сомнения и страха уже зажглось и распространялось очень быстро.

Томас покачал головой.

— Я уверен, он не просто сидел, сложа руки, чтобы позволить злодеям захватить власть над Камелотом.

— Ты прав, — подтвердил Язим. — Король Ксавьер начал атаку, намереваясь окончательно искоренить монстра и его армию негодяев. Задача была непростая, и как многие говорили, была обречена на провал. Говорили, что королевская армия была слишком мала, и было слишком поздно. Но Король отказывался верить, что все было потеряно. Ведь покушение на его жизнь было предотвращено. Он все еще был правителем величайшего королевства на земле. Он считал, к великому своему стыду, что никакая сила, поднявшаяся против Камелота, никогда не сможет добиться успеха.

Медленно Язим снова встал. Он бросил кусок разрисованной штукатурки, и тот сломался у его ног.

— Если бы он только начал действовать раньше, — тихо сказал он, — то возможно его

мысли оказались бы правдой.

Потребовалось почти четыре месяца, чтобы собрать королевское войско и подготовить разгром безумной армии Меродаха. К тому времени как Дэррик и верховный главнокомандующий Ульрик подготовились к наступлению, лето уже было в разгаре. Переливающийся от жары воздух поднимался от главной дороги по ту сторону городских ворот. Армия постепенно собиралась, разбивая на травянистых холмах и под деревьями лагеря, которые выстроились вдоль стены дороги. Габриэлле казалось, что ряды палаток простираются вплоть до горизонта в почти бесконечных количествах, и все же она знала, что зрение обманывает ее. Это был относительно небольшой отряд, замаскированный под гораздо большее войско, с полным вооружением, лучниками, катапультами, и даже парой огромных метательных машин — чудовищных самострелов, воздвигнутых на повозках, с ощетинившимися двенадцатифутовыми копьями с железными наконечниками.

Габриэлла вместе со своим отцом и сэром Ульриком прогуливались вдоль главной дороги, осматривая войско.

— Действительно ли так необходимы катапульты и осадные машины? — спросил король, заслоняя глаза ладонью. — В конце концов, вы будете использовать это оружие против собственных крепостей Камелота.

— Крепости Камелота, попавшие в руки ваших врагов, сир, — проворчал Ульрик. Он был похож на бочку с копной рыжих волос, широкими бакенбардами и острой козлиной бородкой. Его короткий кожаный плащ хлопал на горячем ветру.

— Во всяком случае, военные машины являются демонстрацией силы. Существенно важно, чтобы мерзавцы увидели мощь армии, которой они решили противостоять. Наш магический арсенал включает раздувательные мехи для порошка, вызывающего ветер, фейерверки, осыпающие камнями, и стрелы-молнии, бьющие на 240 ярдов. Я ожидаю, что многие из них повернут назад и побегут, поджав хвост, в тот момент, когда увидят наше приближение.

— Сколько катапульт остается защищать городские стены? — спросила Габриэлла.

— Четыре, Ваше Высочество, — ответил натянуто Ульрик, не встречаясь с ней глазами. — Но это не имеет никакого значения. Эти шесть будут возвращены под моим командованием еще до первого снега.

— Что если Меродах со своей армией нападет на нас до вашего возвращения? — ровным тоном продолжила наступление Габриэлла.

— Я уверяю вас, принцесса, — сказал Ульрик, меняя тон на самый снисходительный. — Кто бы ни стоял во главе этой банды мятежников, они будут слишком заняты, спасаясь от королевской армии, чтобы предпринять атаку здесь, на городские стены.

— Я ценю ваше доверие, сэр Ульрик, — заметила Габриэлла, встречаясь с глазами этого крупного человека, — но что делать, если вы окажетесь не правы?

Последовало короткое, неловкое молчание, а потом король произнес:

— Сэр Ульрик является верховным главнокомандующим и нашим главным советником по стратегии, милая. Мы полностью доверяем ему в таких вопросах. Скажите, сэр Ульрик, сколько времени займет у вас и ваших людей, чтобы достичь лагеря мятежников?

Ульрик кивнул и возобновил свой путь.

— Два месяца, сир. Мы наметили маршрут, который проведет нас вокруг западного края Штормовой Пустоши, и встретим врага, прежде чем они смогут проложить себе дорогу в более населенные села в Долине Бродмур. И там мы обрушимся на врага и разгромим негодяев в открытую, лагерь за лагерь, если потребуется.

— А что если Долина Бродмур на самом деле не является пунктом назначения этой «банды мятежников», главнокомандующий? — многозначительно спросила Габриэлла. — Что если их цель состоит в том, чтобы срезать путь через Штормовую Пустошь, двигаясь напрямую в сердце Камелота?

Ульрик оглянулся на Габриэлла, лицо его напряглось от раздражения. Однако, он быстро скрыл это под снисходительной улыбкой.

— Моя дорогая принцесса, какое у вас восхитительное воображение.

— Пустошь — это не то место, через которое любой нормальный полководец повел бы свои войска, Габриэлла, — объяснил король педантично. — Это, как следует из названия, бесплодная пустыня, коварная, населенная ужасными чудовищами и разделенная Зубчатыми скалами. Конечно же, ты слышала историю Штормовой Пустоши от профессора Тофа. Много веков назад армии волшебников воевали там, опустошив землю своей черной магией на многие мили в каждом направлении. По этой причине эта пустыня образует защиту от любого нападения с севера.

Габриэлла слышала историю. Она кивнула, прикусив язык, слова отца ее не убедили, но она не желала спорить с ним.

— Будьте спокойны, ваше высочество, — продолжал уверенно Ульрик, — не пройдет и шесть месяцев, как мы объявим полную победу вашей королевской армии над этим сбродом недовольных. Вам не следует бояться.

Удовлетворенные, король и сэр Ульрик повернули назад и направились обратно к открытым воротам города. Через минуту, все еще упрямо хмурясь, Габриэлла последовала за ними.

— Я не доверяю планам Ульрика, — сказала она позже в тот вечер, обращаясь к Дэррику в кузнице его отца. Снаружи небо было в багровых пятнах, ветер резко поменялся, а вдали вспыхивали зарницы, намекая на приближающуюся грозу. — И честно говоря, я не доверяю ему. Он высокомерен. Он не принимает угрозу всерьез.

Дэррик резко вздохнул, прислонил молот к наковальне и провел голой рукой по лбу. Его черты были освещены оранжевым светом кузницы.

— Все знают, с чем нам предстоит столкнуться, — устало произнес он. — План Ульрика надежен. Ради Бога, Бри, это и мой план тоже. Я помогал составлять его.

Габриэлла выслушала его, но только покачала головой, глядя на яркий свет печи.

— Мне он не нравится. Я чувствую, что это серьезная ошибка.

— Я понимаю твое беспокойство, — сказал Дэррик, снова взявшись за молот и выкладывая свежий меч на наковальню. С тщательной точностью он ударил светящийся красный металл, придавая ему форму и поднимая снопы искр. Конечно, не было необходимости самому ковать свои мечи, но он настаивал на этом, утверждая, что нет лучше и вернее боевого оружия, чем созданное своими собственными руками. Габриэлла находила эту привычку одновременно глупой и очаровательной. Дэррик критически осмотрел края меча, а затем повернулся и опустил его в бочку с водой. Меч зашипел, в воздух поднялись клубы пара.

— Это естественно нервничать перед походом, — старался успокоить он Габриэлла, проводя рукой по лбу. — Но я буду там, Бри. Я буду сражаться, чтобы сохранить Камелот в безопасности.

— Вот это меня и беспокоит, Дэррик, — сказала Габриэлла, соскальзывая с рабочего стола и подходя к нему. — Мне кажется неправильным то, что ты собираешься отправиться туда. Ты не должен. Ты нужен мне здесь.

Она выглянула в переднюю часть кузницы, где в сгущающихся сумерках ждали ее охранники, а затем понизила голос.

— Ты нужен нам здесь, — прошептала она, взяв его за руку и прижимая к своему животу. — Я боюсь за тебя не только как за своего мужа, но и как отца нашего ребенка. А если что-то пойдет не так?

— Что может пойти не так? — начал Дэррик, потянувшись, чтобы обнять ее, но Габриэлла оттолкнула его.

— Что если я окажусь права? — хрипло потребовала она, вглядываясь в его лицо. — Ты не можешь знать! Как ты можешь быть так уверен?

Дэррик посмотрел на нее, в красном свете печи лицо его было потным и напряженным, но глаза смягчились. Он улыбнулся.

— Я уверен, Бри, из-за того... — сказал он, двигая руку от ее живота к округлости ее груди и останавливая у сердца. Уверенность в его голосе и облегчала, и сводила с ума. — Я уверен в этом из-за того, что у нас есть, милая. Ты чувствуешь, разве нет? Смерть не имеет власти над тем, что мы разделяем с тобой. Войны ведутся грубыми инструментами, — он кивнул в сторону меча, который все еще дымился в бочке с водой. — Металл и клинок, щит и доспехи, но ни одна из этих вещей не может противостоять силе истинной любви. То, что у нас есть, жена, никакой меч не сможет пронзить.

Габриэлла снова медленно покачала головой.

— Все это болтовня и чепуха, — прошептала она.

Его улыбка расширилась, и глаза заблестели.

— Так говорит твой отец, — мягко пожурил он. — Не ты. Ты знаешь, что в моих словах есть правда.

Она пристально изучала его лицо некоторое время, а затем опустила взгляд.

— Нет, — тихо заявила она. — Нет, я не знаю этого. Я только знаю, что я люблю тебя. Я нуждаюсь в тебе. И то, что если ты отправишься в этот поход, и какой-нибудь злодей вонзит меч тебе между ребер...

— Рисс была безоружна, — прервал ее Дэррик, вздернув подбородок. Упоминание имени Рисс словно вызвало темную дрожь в воздухе. — Негодяй напал на нее хладнокровно.

Она была беззащитна. Я не буду. Я буду готов встретиться с врагом на моих условиях. И когда я встречу с ним, его ждет возмездие. За нас обоих.

— Гете мертв! — воскликнула Габриэлла, поворачиваясь лицом к мужу. — Возмездие уже удовлетворено! Но Рисс больше нет! Это может случиться и с тобой!

Ее голос оборвался на последних словах. Дэррик бросился к ней и схватил ее в объятия. Она сопротивлялась, но только мгновение. Он держал ее в горячей тьме кузницы, одной рукой прижимая ее затылок к себе. Наконец, она вздрогнула и расслабилась у него на груди, с досадой чувствуя, как слезы бегут по ее щекам и впитываются в его тунику.

— Габриэлла, — тихо сказал он, — я должен пойти в этот поход. Я должен выполнить свой долг, и не столько для Королевства, сколько для себя. Ты знаешь это. Я не могу позволить, чтобы смерть Рисс осталась безнаказанной. Те, кто ответственен за это, должны заплатить, кровь за кровь.

Он отпустил ее, но нежно взял за плечи. Она взглянула ему в лицо, так что их носы соприкоснулись. Он вздохнул и продолжил:

— Завтра утром я отправляюсь в путь, чтобы выполнить свой долг высокой чести. Но Бри, я клянусь тебе всем, что я... здесь мое сердце. С тобой и с ребенком в твоей утробе. Что бы ни случилось, я вернусь к вам.

Габриэлла смотрела на него, по-прежнему хмурая от беспокойства. Но постепенно ее лоб разгладился. Будущее было неизбежным. Он поедет. И потом, если его обещание было искренним, он вернется к ней. Она больше ничего не могла поделать.

Больше ничего, кроме как поверить ему.

Войско двинулось на рассвете. Это было жемчужно-серое утро, большей частью затемненное вереницей низких облаков. Шел дождь, мелкий и морозящий, усеивая каплями солдатские шлемы. Сэр Ульрик двигался впереди на своем черном коне. Дэррик замыкал шествие верхом на своей лошади. Он повернулся к Габриэлле, когда последний из солдат исчез за изгибом дороги, где-то на полмили впереди. Силуэт Дэррика был едва виден на фоне тумана, но она легко смогла узнать его по посадке в седле и вздернутому подбородку. Он поднял руку и молчаливо махнул на прощанье один раз. Она сделала то же самое в ответ, надеясь, что он мог разглядеть ее там, где она стояла у городских ворот под тенью брезентового навеса.

Он медленно опустил руку и, казалось, смотрел на нее сквозь туман. Наконец, когда наконечники армейских копий и тусклый отблеск их шлемов исчезли за поворотом, а потом и за холмом, Дэррик повернулся и, пришпорив коня, поскакал вперед. Мгновение спустя он уже скрылся из вида.

Габриэлла стояла под навесом и смотрела на пустую дорогу. Луи тускло отражали небо. Дождь с монотонным стуком капал с деревьев. Наконец, Сигрид шагнула вперед и, шурясь, взгляделась в небо.

— Ты простудишься здесь до смерти, принцесса, — терпеливо заметила она. — Твоя

охрана будет стоять здесь с тобой весь день, но я бы лучше предложила вернуться в тепло замка. Я думаю, горячий чай нам не помешает, ты не согласна?

Габриэлла не двигалась. Она смотрела вдаль, туда, где главная дорога сворачивала за небольшую группу деревьев. Трудно было представить себе, что войско находилось там вообще когда-либо.

— Ну, милая, — сказала Сигрид, положив руку на талию Габриэллы. — Они отправились в поход, но они вернутся. А сейчас твоему ребенку нужно, чтобы ты поела. Идем.

Габриэлла глубоко вздохнула и кивнула. Она отвернула взгляд от дороги.

Когда принцесса забралась в ожидавшую их карету с Сигрид, севшей позади нее, она бессознательно нащарила рукой свою подвеску с соколом под плащом. Она была теплой.

«Пожалуйста, — молилась она, безмолвно и печально, даже не зная, к кому она обращалась, — сохрани его. Пусть с ним все будет в порядке».

Повозка дернулась и направилась к замку. Габриэлла уставилась невидящим взором сквозь залитые дождем окна. «Пусть он сдержит свое обещание ко мне, — молилась она яростно, словно бросая вызов. — Не дай ему... не дай ему нарушить свое обещание».

Летние месяцы тянулись с раздражающей медлительностью. Это был невыносимо жаркий год, ручей в долине уменьшился до простого мутного ручейка, а воздух оставался душным и безветренным даже в полночь. Габриэлла занимала себя насколько могла изучением тонкостей имперского правления, а также обычными делами, присущими беременной. Она обнаружила, что теперь все чаще и без причин чувствовала себя усталой днем, но удалиться в покои редко помогало. Верхние комнаты замка были самыми жаркими из всех, и дыхание ветерка едва ли тревожило занавески ее кровати. Большинство дней она лежала без сна в течение этих передышек, раздетая до нижнего платья, положив одну руку на растущий живот, а другую за голову. Она смотрела сквозь занавески, окружавшие ее кровать, на солнечный свет и думала о Дэррике.

Иногда она молилась за него. В другой раз она боялась, как будто само упоминание о нем может намекнуть Богу, и тот совершит с ним что-то страшное. В конце концов, ужасные вещи случаются с людьми каждый день, явно с божественного разрешения. Согласно Писанию Бог счел нужным принести в жертву своего собственного сына ради падшего человечества, разве нет? Что может значить для Него один маленький солдат ради благополучия Камелота? Она знала, что ее страх был совсем не благочестивым — епископ Тримейн, несомненно, укорил бы ее за то, что она сомневается в воле Бога Отца, но осознание этого не изменило ее страхи. Магистр Боевых искусств Барт был таким же искренне верующим, как и все, однако, он стал свидетелем гибели своей жены и ребенка, принесенными в жертву чуме несколько лет назад. Если что-нибудь или кого-нибудь можно было винить в смерти Рисс, то это могла быть все та же смертельная чума, которая в конечном итоге привела Барта к его предательству. Или даже Бог, который позволил такому

бедствию случиться.

— Пусть он сдержит свое обещание, — молилась она в те жаркие дни, тихо бормоча в своей кровати. Это звучало скорее как угроза, чем просьба. — Он мой. Ты дал его мне. Он обещал, что вернется ко мне. И я ему поверила... Я поверила...

Ответ так и не приходил в эти безветренные, жаркие дни, но она и не ждала его. В глубине своей души она боялась любого возможного ответа. Безмолвие было лучше. Она гладила округлость своего живота и чувствовала, как там растет ребенок. Ребенок Дэррика.

— Мальчик, сдастся мне, — сказала Сигрид однажды вечером в розарии замка, где они с Габриэлла гуляли. Розы были маленькими и увядшими. Кучки опавших лепестков устилали дорожку.

— Ты должна выбрать для него имя из королевского рода.

— Я подожду возвращения Дэррика.

— Ребенок родится до того, как вернутся королевские войска, принцесса, — мягко настаивала Сигрид. — Или ты хочешь, чтобы бедный мальчик был безымянным в течение этих дней ожидания?

— Я не дам ему имени без Дэррика, — повторила упрямо Габриэлла. — Может, ребенок даже дождется возвращения отца. Иногда, роды наступают позже, чем говорят лекари.

Сигрид кивнула, соглашаясь.

— Возможно, милая. Но на твоём месте, я бы не стала рассчитывать на такие вещи.

— Ты не на моем месте, Сигрид, — категорично заявила Габриэлла. — Твои детородные дни давно в прошлом. Это моя беременность, и я выбираю ждать.

Она тут же пожалела о своих словах. Она была взволнована и сердита, чувствовала усталость и дискомфорт, но это не давало ей разрешения говорить так резко с женщиной, которая практически воспитала ее.

— Прости меня, Сигрид, — сказала она, останавливаясь и обращаясь к пожилой женщине. — Это было жестоко с моей стороны. Пожалуйста, прости меня.

Сигрид лишь кивнула. Спустя мгновение она улыбнулась, однако, Габриэлле показалось, что в ее улыбке был намек печали. В конце концов, у Сигрид не было собственных детей. И они возобновили свою прогулку.

В тот вечер на эту тему больше не было сказано ни слова.

Летние месяцы быстро сменили друг друга, приближалась осень, живот Габриэллы стал круглым и уже заметно выдавался вперед. Ребенок внутри шевелился иногда, вызывая восторг и нежные чувства у своей матери. Она читала ему сказки, когда он был активнее всего, и поглаживала его сквозь натянутую кожу живота, когда он вел себя спокойно. Она не удивилась, когда стала думать о нем, как о мальчике, основываясь исключительно на уверенности Сигрид.

Сигрид редко ошибалась в таких вещах. Габриэлла уже давно задавалась вопросом, не

было ли какой-то слабой частицы ведовства в крови женщины. Такое, конечно же, случилось. Ведьмы и колдуны иногда рождались в немагическом мире. Тоф сам так сказал. Часто такие люди проводили всю свою жизнь, не осознавая своих способностей, испытывая только смутные магические выражения — способность гадать по чайным листьям, или находить воду под бесплодной землей, или предсказывать внезапные бури и весенние паводки. Естественно, такое происходило крайне редко, и выражалось еще более таинственно, но, если у кого и был намек на магический дар, это была Сигрид.

Таким образом, Габриэлла поверила ей, когда та объявила неродившегося ребенка мальчиком. Она даже, несмотря на упорное нежелание делать это, начала рассматривать имена для сына. Но все было напрасно. Существовало слишком мало королевских имен на выбор, и она одно за одним примеряла их к своему ребенку, проверяя, как они подходят ему. Ни одно из них не казалось достаточно правильным в ее воображении, но Габриэлла знала, что она найдет идеальное, когда придет время.

Дэррик поможет ей в этом.

Когда на землю опустилась осень, и королевские войска должны были вот-вот вернуться, как было запланировано, Габриэлла старалась держаться подальше от академического собора. Это было сложно. Она позволяла себе одно посещение в неделю, и всегда притворялась сама перед собой, что приходит туда по какому-то другому делу — чтобы принести послание для профессора Тофа или с целью инспекции новых учеников, но никто не сомневался в реальных причинах ее посещения.

Галерея свеч вечно была наполнена безмятежным деловитым мерцанием тысяч крошечных огоньков. Ее собственная свеча горела ярко, ее пламя поднималось почти в два раза выше остальных свеч, горевших вокруг нее. Конечно, причиной этому был ребенок внутри нее, добавляя свое собственное тепло к пламени ее свечи. Довольно скоро он родится, и его свечение отделится от нее в ожидании того дня, когда он сможет зажечь свою свечу. Это вызывало восторженные чувства видеть собственное пламя, горевшее этим странным двойным светом, но не это было настоящей причиной, по которой она посещала галерею свеч. Окинув взглядом собственную свечу и свечи ее семьи (включая холодную, темную свечу ее давно умершей матери), она шла дальше по проходу, останавливаясь перед нишей семьи Дэррика.

Его свеча стояла там, ярко мерцая каждый раз, когда она приближалась, затаив дыхание. И каждый раз она с облегчением выдыхала, увидев ее. «Конечно, Бри, — казалось, говорил голос Дэррика в ее голове, полный ласковой уверенности. — Как я уже говорил тебе, здесь мое сердце. С тобой и ребенком в твоей утробе...»

За неделю до рождения ребенка, когда летняя жара окончательно оставила землю, и листья, словно обессиленные, опали с деревьев, Габриэлла вышла из Собора через задний вход и оказалась перед кладбищем.

Могила Рисс была ярко залита солнечным светом и устлана листьями, так что свежая грязь была с благодарностью скрыта. Надгробным камнем служил простой обелиск, с высеченным на нем именем и единственной короткой фразой «В возрасте восемнадцати лет».

— Мне так не хватает тебя здесь, Рисс, — тихо сказала Габриэлла. Налетевший порыв ветра поднял опавшие листья и унес ее слова прочь. Она вздохнула.

— Мне так одиноко. Я редко вижу Констанцию теперь, когда школа закончена, и я вышла замуж. К тому же, ты единственная, кто всегда была... была...

Она остановилась, не зная, как закончить предложение. Слова ускользнули от нее. Рисс поняла бы ее, так или иначе, даже без каких-либо объяснений. Возможно, как раз этого Габриэлле не хватало больше всего, этой близкой дружбы, которая, казалось, существовала за пределами слов и разума. Она вспомнила ночь смерти Рисс, вспомнила свою первую мысль, промелькнувшую в голове, что это была Констанция, которая проснулась и обнаружила у себя в спальне скрывающегося Гете. Иногда (хотя она ненавидела себя за это), она хотела, чтобы это оказалось правдой.

— Рисс, — сказала она, поднимая взгляд на пасмурное осеннее небо. — Рисс, все кажется таким пустым без тебя, особенно теперь, когда Дэррик уехал. Что бы ни случилось, ты всегда была веселой. Полной радости. Как будто ты была невосприимчива к любым неприятностям. Сейчас мне бы не помешало этого. Как же я ненавижу то, что тебе пришлось уйти. Я ненавижу... Я ненавижу их за то, что они забрали тебя...

Слезы навернулись на глазах, размывая небо и кладбище вокруг нее. Как всегда Габриэлла пыталась сдержать слезы. Она с досадой стерла их и почувствовала, как знакомая смесь страдания и гнева поднимается внутри нее. Она оглядела кладбище. Хмурая тень пробежала по ее лицу, взгляд заметил что-то, прислоненное к ближайшему дереву: ржавую лопату с деревянной, гладкой от частого использования ручкой. Покачав головой, она отправилась туда, сначала не спеша, а затем переходя на решительный шаг. Габриэлла схватила лопату, проходя мимо дерева, и ускорила шаг, направляясь к задней части кладбища, той ее части, которая находилась за пределами освященной земли собора.

— Ублюдок, — яростно процедила она сквозь зубы, слезы все еще дрожали в ее глазах. — Почему? Как ты мог так поступить?

Девушка достигла ближайшей могилы отступников. Она была еще свежа, частично покрытая кучей опавших листьев. Не было никакого надгробия, никакого способа узнать, была ли это могила Барта или Гете. Но это не имело никакого значения. Габриэлла занесла лопату над головой как топор и опустила его со всей силы, как только могла, ударяя по свежей земле достаточно сильно, так что рукоятка болезненно завибрировала в кулаках.

— Мерзкий ублюдок! — кричала она, давая волю своей ярости. Слезы сбегали по ее

щекам, горячие в прохладном ветерке. — Ты отвратительный, ненавистный кусок человеческого дерьма! Ненавижу тебя! Смерть слишком хороша для тебя! Вернись, чтобы я могла убить тебя снова и снова! Ты забрал ее у меня! Она была в сто раз лучше, чем ты, в тысячу раз прекраснее, чем паршивый пес, каким ты был, но ты отнял ее у меня! Ты убил ее, скотина! Ты убил ее!

Она вновь и вновь колотила по могиле, выкрикивая ругательства. Ковер из опавших листьев разлетался под этим натиском. Лопата врезалась в землю, оставляя глубокие как шрамы следы под взмахами Габриэллы. Наконец, когда силы были исчерпаны, и пот лился ручьем, девушка уронила лопату и упала на четвереньки, тяжело дыша с лицом мокрым от слез. Ребенок зашевелился внутри нее, как будто встревоженный вспышкой эмоций и активности.

— Ты забрал ее у меня, — резко выдохнула она. Силы покинули ее, и она присела на корточки, укрыв лицо руками. Она зарыдала, внезапно и глубоко, осознав, что, на самом деле, она говорила не о Рисс. Смерть ее лучшей подруги послужила толчком, открывая более старую, более глубоко погребенную рану.

Слезы разрывали ее тело, и на этот раз она дала им волю. Она беспомощно всхлипывала про себя как ребенок. Наконец, спустя несколько минут она выпрямилась в полный рост. Чувствуя себя опустошенной и вымотанной, она оглянулась назад на кладбище, в сторону больших надгробий, которые выстроились рядами.

— Это была моя мать... — слабым голосом произнесла она, обращаясь уже не к безымянным могилам и шелестящим мертвым листьям, обращаясь таким голосом, что только она и Бог могли слышать. — Это была моя мать... и Ты забрал ее у меня.

Габриэлла всецело верила, что ребенок дождется возвращения своего отца. Не было никаких оснований для этого, кроме глубокой надежды и чувства, что так все и должно быть. К сожалению, как быстро она поняла, жизнь редко соответствует тому, что от нее ожидается.

Она начала чувствовать безошибочные признаки предстоящих родов во время завтрака за неделю до ожидаемого возвращения армии. Схватки были слабыми, но регулярными. Когда Сигрид предложила ей удалиться в специальную комнату, которая была удобно расположена на первом этаже, Габриэлла отказалась.

— Ничего страшного, — объявила она, поднимаясь из своего кресла. — Повитуха говорила, что могут быть ложные признаки того, что ребенок готов появиться на свет. Идем, прогуляемся, как обычно.

Сигрид согласилась, но не сводила глаз с Габриэллы. Едва они ступили на крытый мост, который вел в розарий, когда девушку настиг первый сильный приступ боли. Габриэлла согнулась пополам и вцепилась в перила моста, прижимая руку к животу.

— Принцесса, — сказала Сигрид, схватив ее за локоть, — настало время.

— Нет, еще не время, — слабо противилась Габриэлла, все еще согнувшись. — Не может этого быть.

— Конечно, может. Охрана! Помогите ее высочеству вернуться обратно в замок. Быстро.

Габриэлла чувствовала, как ее практически несут, поддерживая с одной стороны Сигрид, с другой стороны Трейнором, гвардейцем, который сопровождал ее с тех пор, как она была ребенком. Его короткая борода оцетинилась, когда он нахмурился, исполненный благородной цели.

— Можно подумать, Трейнор, — заметила Габриэлла между схватками, — что собирается рожать ваша собственная дочь.

Трейнор взглянул на нее, пока они направлялись в замок, его лицо выражало озабоченность и удивление.

— Вы принцесса, Ваше Высочество, — ответил он серьезно. — Вы дочь всего Королевства.

Комната, в которую ее отвели, была просторной спальней рядом с прихожей. Несмотря на утреннее тепло в камине горел огонь. Повитуха, женщина по имени Элианор, уже была там наготове, ее руки были оголены до плеч и тщательно вымыты. Она встретила Габриэлла в дверях, по-видимому, уже зная о ее состоянии.

— Ты свободен, — сказала она Трейнору. — Вели Дафне принести нам кувшин с водой из кухни. Сигрид, поставишь его на огонь, когда его принесут.

Осторожно Элианор подвела Габриэлла к кровати, которая была роскошно заправлена лучшим постельным бельем и заботливо расставленной стопкой пуховых подушек.

— Забирайся наверх, — велела она Габриэлле, помогая ей подняться на деревянные ступеньки рядом с кроватью, словно она была маленькой девочкой. — Устраивайся прямо здесь на кровати, вот так, милая. Сколько времени между схватками? — последнее относилось к Сигрид.

— Двадцать вдохов. Возможно, немного больше, — ответила Сигрид, засучивая свои

рукава. — Учащаются каждый раз.

Обе женщины деловито засновали около кровати, поправляя покрывало и подушки и устраивая Габриэллу в правильное положение.

— Слишком рано, — качала головой Габриэлла. — Не может быть, чтобы он родился так скоро.

— Это решение принимают только Бог и твой ребенок, милая, — ответила Элианор. — Все, что мы можем сделать, это подыграть им. Готова?

Габриэлла нахмурилась. Ее лицо уже блестело от жары в помещении и напряжения, вызванного схватками.

— Готова для чего?

— Как это для чего? Тужиться, моя милая. Время родов почти пришло. Ребенок скоро войдет в этот мир.

Габриэлла снова покачала головой и открыла рот, чтобы возразить, но новый приступ боли охватил ее, напрягая живот и вынуждая ее согнуться подбородком к коленям.

— А-а-а! — простонала она беспомощно. — Больно!

— Конечно, больно, принцесса, — улыбнулась Сигрид, внезапно оказываясь рядом с ней и беря ее за руку. — Ничего хорошего не приходит без боли. Но ты сможешь выдержать ее. Это то, что делает нас матерями.

Габриэлла кивнула, понимая, что нет никакого способа остановить то, что происходит. Схватки стали быстрее и сильнее.

— Тужься, принцесса! Тужься! — скомандовала Элианор, готовясь принять ребенка, когда он появится.

Габриэлла начала тужиться. Пот выступил на лбу и потек в глаза. Боль была чудовищная, смягченная лишь осознанием того, что все скоро закончится, в ближайшие несколько минут, так или иначе.

— Что-то не так, — мягко сказала Сигрид, почти про себя. Она отпустила руку Габриэллы, и девушка шлепнулась обратно на подушки, тяжело дыша в передышке между схватками. Сигрид приблизилась к Элианор.

— В чем дело? — спросила она тихим голосом.

Элианор коснулась живота Габриэллы, ощупывая его ладонями.

— Возможно, ребенок идет ножками вперед, — быстро ответила она. — Но скорее всего, пуповина обвилась вокруг ребенка.

— Что не так? — выдохнула Габриэлла, едва расслышав, о чем говорят. — Что происходит с моим ребенком?

— Тише, дитя, — успокаивала ее Элианор. — Не нужно волноваться.

С этими словами она надавила сбоку вздутого живота Габриэллы, используя обе руки, как будто пытаясь сдвинуть ребенка внутри с помощью грубой силы. Габриэлла испустила тревожный крик.

— Он шевелится! — в страхе воскликнула она. — Вы заставляете его шевелиться! Что произошло?

Элианор покачала головой. С нее тоже пот лился ручьем. Волосы выбились из-под ее чепчика и прилипли ко лбу.

Габриэлла снова подалась вперед, когда другой приступ боли охватил ее.

— Теперь тужься, дочка, — прохрипела Элианор. — Тужься так сильно, как только можешь.

Весь мир стал серым перед глазами Габриэллы, когда она напрягла каждую мышцу своего тела. Она сжала одновременно и глаза, и зубы. Напряжение, охватившее ее живот, казалось, длилось целую вечность, а затем, в конце концов, оно исчезло.

— Ребенок готов родиться, — сказала Элианор, стирая рукой пот со лба. — Но что-то держит его. Мы не можем ничего сделать сейчас, остается только молиться и надеяться.

— Ты можешь молиться, — ответила Сигрид, двигаясь к окну. Быстрым движением она распахнула шторы, впуская легкий ветерок и утренний солнечный свет. — Дафна, открой те шкафы у двери. И ящики гардероба тоже.

Дафна двигалась быстро, явно радуясь что-то делать.

— Что мы ищем, госпожа?

— Мы ничего не ищем, — терпеливо ответила Сигрид. — Просто открой их. Открой все, что сможешь найти. Трейнор!

Дверь тут же со скрипом приоткрылась.

— Да, Сигрид? — послышался голос снаружи.

— Пошли кого-нибудь из охраны во внутренний двор. Прикажи ему выпустить в воздух стрелу с красным оперением.

К его чести Трейнор не стал ставить под сомнение этот приказ.

— Только одну стрелу?

— Да. Просто убедись, чтобы он случайно не подстрелил никого из конюхов. Мы же не хотим прервать одну жизнь в надежде начать другую.

Дверь тяжело закрылась. Спустя какое-то время все услышали приглушенный голос Трейнора, отдавший приказ.

— Ну, — сказала Сигрид, возвращаясь к Габриэлле, — теперь мы сделали все, что могли. Символы в нужном порядке. Молитвы произнесены. Остальное, принцесса, зависит от тебя. Постарайся родить сына, чтобы он мог поприветствовать твоего мужа после возвращения из похода.

Габриэлла слабо кивнула. Минута спокойствия прошла. И внутри нее начала разворачиваться следующая схватка, распространяя свои щупальца вокруг ее живота и выкручивая позвоночник. Она стала тужиться изо всех сил.

— Он выходит! — закричала Сигрид, сжимая руку Габриэллы. — Не останавливайся! Ребенок выходит!

Габриэлла почувствовала это. Она издала низкий стон напряжения и боли. Элианор тут же среагировала. Наконец, после того что, казалось, длилось несколько часов, нахлынул поток блаженного облегчения, расслабления, которое было почти райским. А потом из жаркой тишины раздался крошечный крик.

— Это действительно мальчик, — объявила Элианор, ее лицо светилось от облегчения. Она быстро и аккуратно обтерла ребенка с помощью Дафны и завернула его в свежее белье.

Слабая и измученная Габриэлла протянула руки, трясаясь от затраченной энергии.

— Дай его мне, — потребовала она.

Элианор положила ребенка в руки матери. Он покричал еще мгновение, моргая словно в страхе перед внезапно открывшимся огромным миром. Габриэлла беспомощно улыбнулась ему, когда бережно приняла на руки.

— Он прекрасен, — объявила Сигрид, аккуратно положив свою руку на лоб мальчика. — Молодец, Габриэлла. Вы оба молодцы.

Элианор промокнула лоб салфеткой и счастливо вздохнула:

— Как вы его назовете, Ваше Высочество?

Габриэлла задумчиво взглянула на повитуху, а затем на сына. Он перестал плакать, как только его щека прижалась к ее груди, как будто он слушал. Конечно, он слушал. Он слышал, как бьется ее сердце в течение последних девяти месяцев. Это был самый утешительный в мире звук для него.

— Я не знаю, — сказала она и устало рассмеялась. — Я еще не решила. Это должна решать не одна только мать. Его отец поможет.

Сигрид приняла это терпеливо.

— Так как мы будем называть его до тех пор?

Габриэлла улыбнулась своему ребенку.

— Зовите его тем, кто он есть, — ответила она. — Зовите его... Маленький принц.

— Тем самым, — произнес епископ Тримейн позже тем вечером, его голос эхом раздавался в просторах академического собора, — мы благодарим Тебя, наш Небесный Отец, за дар этой новой жизни. Даже посреди наших земных страданий Ты предоставил нам доказательство Твоего обещания вечной жизни через возрождение.

Габриэлла с любовью держала ребенка на руках, стоя перед епископом. Маленький принц спал, с серьезным видом поджав губки бантиком. Она обернулась и улыбнулась своему отцу, который сидел на троне в первом ряду. Он кивнул ей с сияющими глазами, видимо, сгорая от нетерпения снова поддержать внука, как только церемония будет закончена. Позади него собралась довольно удивительная толпа людей, образуя весьма вдохновляющую смесь знатных людей и крестьян. Они улыбались в полумраке, освещенном только розовым светом заката, слегка окрашенным цветными витражами.

— У меня возникают некоторые сомнения по поводу этой церемонии крещения, — иронично заметил Тримейн, меняя тон голоса, — поскольку обряд крещения, как правило, требует дать имя.

В толпе раздался дружеский смех. Тримейн снисходительно улыбнулся Габриэлле, а затем слегка коснулся ножек ребенка.

— Но Бог наш Отец не нуждается в том, чтобы мы говорили Ему имя молодого принца. Как гласит писание, наш Господь уже благословил это дитя еще в то время, когда он был в утробе своей матери. Его имя известно обитателям небес, равно как и число его дней и течение всей его жизни.

Габриэлла нежно обняла ребенка, испытывая восторг от теплоты этого маленького комочка и медленного, размеренного движения его груди. Кто-то засопел позади нее. Она не была уверена, но подумала, что это профессор Тоф.

— Итак, мы крестим этого молодого принца именем, которое его родители вскоре выберут для него, — продолжал Тримейн. — Именем, которое Бог Всемогущий уже записал на его крохотном бьющемся сердечке. Пусть жизнь его будет долгой, принесет много плодов, и пусть он превзойдет нас всех мудростью, статью и благородством. Аминь.

Толпа ответила в унисон, повторяя последнее слово епископа.

Передние двери собора распахнулись, впуская вечерний ветерок и догорающий свет заката. Снаружи, колокола башни начали звонить, отчетливо разносясь в чистом воздухе. Шум разбудил ребенка, который пошевелился, вытянул маленькие кулачки и начал плакать.

— Позволь мне, дочь, — сказал король, приближаясь к ней, когда толпа стала расходиться. — Кажется, только вчера я успокаивал твой младенческий плач. Давай посмотрим, помню ли я до сих пор как это делается.

Габриэлла неохотно подала сына своему отцу, а затем улыбнулась при виде их обоих. Вокруг слышалась болтовня, смех, шарканье ног, пока толпа продвигалась к широко открытым дверям. Надо всем этим, колокола продолжали звонить, с энтузиазмом управляемые парой молодых прислужников.

— Маленький принц, — сказал король, щекоча мальчика под подбородком. Ребенок с важным видом посмотрел на него и выдул пузырь между губами. — Придумай ему имя в ближайшее время, Габриэлла, чтобы кличка не прилипла к нему на всю жизнь.

— Мы придумаем, отец, — пообещала она, сопровождая его в сумерках к дверям. Внезапно ей пришла в голову одна мысль, и она коснулась его локтя. — Подожди меня снаружи. Я оставила свой плащ у алтаря.

Король кивнул, едва слушая, пока он счастливо заглядывал в лицо своего внука.

Легкой походкой (намного легче, чем была еще рано утром) Габриэлла зашагала через опустевший собор, приближаясь к алтарю. Ее плащ, казавшийся красным как кровь в полумраке, лежал на алтаре, именно там, где она оставила его. Подхватив плащ, она повернулась к выходу, а затем остановилась.

Последний удар пробил, оставляя только эхо прокатиться по всей долине, лежащей в тишине. Вместе с ним затих, наконец, и гул голосов в соборе. Возле выхода, снаружи стояли Сигрид и Трейнор, спокойно говорившие в медном свете. Габриэлла сделала глубокий вдох и медленно, выдохнула, наслаждаясь на мгновение необычным чувством одиночества.

Она снова повернулась и положила руки на алтарь. Свет, проникающий через центральное витражное окно, окрасил ее черты, когда она подняла глаза на него. Там был изображен король Артур, с благородством опустившийся на колени у ног Иисуса, который стоял в сияющей славе с раскинутыми руками, демонстрируя рубиново-красные раны от гвоздей.

— Благодарю Тебя, Господи, за моего мальчика, — молилась она одними губами. Ее отношения с Богом, о чем свидетельствовала ее вспышка гнева на кладбище всего несколько дней назад, были далеки от совершенства. Он все еще пугал ее почти столько же, сколько и утешал ее. Но на сегодняшний день она была благодарна ему, и она чувствовала, что она должна это выразить. — Спасибо... спасибо Тебе за моего Маленького принца.

В соборе царила полнейшая тишина, нарушаемая только едва различимым мерцанием свечей в боковой галерее.

Габриэлла смотрела на них в течение долгого времени. Медленно задумчивый взгляд коснулся ее лица.

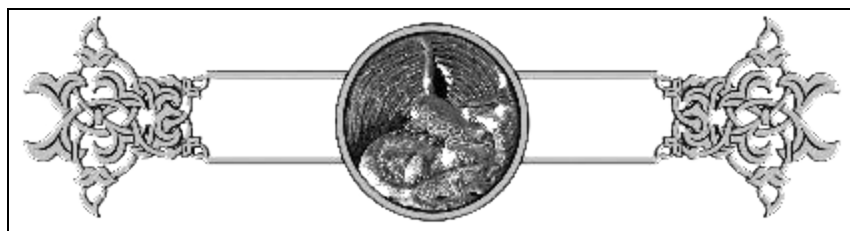
Она оставила свой плащ, осторожно обогнула алтарь, не отрывая глаз от галереи свеч и поднялась на помост. Ее движение было медленным и нерешительным. Постепенно замедляя шаг, Габриэлла остановилась в нескольких футах от одной из ниш. Она смотрела в ее мягко мерцающий свет, нахмутив брови и сморщив лоб в молчаливом недоумении.

Наконец, она пододвинулась ближе, почти как во сне. Она положила руки на перила,

которые шли вдоль галереи.

— Нет, — произнесла она тихо, чуть громче шепота.

Перед ней, в окружении танцующих огоньков всех остальных свечей, свеча Дэррика стояла холодная, ее черный выгоревший фитиль был совершенно и окончательно темный.

— Свечи — это всего лишь символы, Габриэлла, — старалась заверить ее Сигрид в ту ночь. — Случайное дуновение ветра может погасить одну из них, или капля воды из щели в крыше собора может случайно потушить ее пламя.

— Я почувствовала это еще до того, как он уехал, Сигрид, — прошептала Габриэлла, опустив сына в колыбельку. — Эта миссия была обречена. Участие Дэррика было ужасной ошибкой. Я должна была приказать ему остаться.

— Ты не смогла бы, даже если бы попыталась, — настойчиво увещевала ее Сигрид, выводя Габриэлла из темной детской и тихо прикрывая дверь. — Ты еще не королева. Полномочия короля превыше всех.

Она повернулась к Габриэлле, и выражение ее лица смягчилось.

— Ты не можешь отказаться от надежды, принцесса. Твой муж вернется вместе с армией и сэром Ульриком. Все мы знаем, что они почти уже здесь, даже в эту самую ночь. Подумай, какой глупой ты себя почувствуешь, когда он снова поприветствует тебя, когда ты убеждена, что его душа уже покинула этот мир!

Пожилая женщина потянулась, чтобы коснуться плеча Габриэллы, но девушка отвернулась и направилась через комнату к окну. Темно-синяя ночь прижималась к стеклу.

— Я боюсь, что ты ошибаешься, Сигрид, и ты сама это знаешь. Его свеча догорела. Так же, как у моей матери.

— Это символы, Габриэлла, — с нажимом повторила Сигрид, все еще стоявшая возле двери детской. — Мы зажигаем их при переходе во взрослую жизнь. Мы гасим их, когда те, которых мы любили, умирают. Магии в них не больше, чем в нас самих, что бы там ни говорил профессор Гоф.

Габриэлла смотрела через свое собственное отражение в оконном стекле. Ее глаза были опухшими и покрасневшими. Она перевела взгляд на отражение Сигрид позади нее.

— В ту ночь, когда моя мать умерла, — мягко сказала она, — мой отец послал тебя погасить ее свечу. Он сам мне сказал. И ты говорила об этом тоже.

Сигрид кивнула.

— Да. Это был мой долг, не только перед мертвой королевой, но и перед Королевством. Это был первый шаг, чтобы объявить людям о ее убийстве.

Габриэлла повернулась и встретилась взглядом с Сигрид. Сигрид оглянулась на нее, выражение ее лица было напряженным и ожидающим, почти настороженным.

— Скажи мне, Сигрид, — тихо спросила Габриэлла, вглядываясь в лицо своей няни, — ты погасила свечу? Или она уже была холодной, когда ты пришла туда той ночью?

Возникла долгая пауза. Выражение Сигрид не изменилось. Наконец, она вздохнула и

медленно ответила:

— Я погасила его. Я зажала пламя двумя пальцами. Я до сих пор помню ее тепло. Я плакала, принцесса, в тот момент, когда от свечи твоей матери в последний раз поднялся дымок и исчез.

Габриэлла продолжала смотреть в лицо Сигрид в поисках какого-нибудь признака лжи. Спустя мгновение она отвернулась к окну. Она сделала глубокий вздох и с усилием выдохнула.

— Милая моя, — сказала Сигрид, приближаясь к ней и взяв ее за плечи. Габриэлла уступила в этот раз и позволила своей старой няне принять ее в материнские объятия. — Не волнуйся. Не бойся. Молись. Если Бог пожелает того, наши близкие вернутся к нам. Мы скоро увидим. Дэррик снова зажжет свою свечу. В конце концов, это может только он, не так ли? Он действительно вернется к нам. Если Господь пожелает...

Габриэлла позволила Сигрид обнять ее, но не было никакого утешения в этом, и она не закрыла глаза. Ее взгляд был направлен в сторону темно-синего оконного стекла, глаза ее были красные, но теперь уже сухие. «Если Господь пожелает этого... вот чего я боюсь, — подумала она, но ничего не сказала. — именно этого я и боюсь...»

Томас и Язим провели ту ночь в тени мертвого замка. Его сломанные башенки и шпили возвышались черной громадой на фоне неба, закрывая луну. Время от времени налетал капризный ветерок, обрушиваясь на огонь и разбрасывая искры по всей поляне, поднимаясь вверх в колючие заросли древнего розария. Тернистые лозы обхватили соседний мост, почти похоронив его под собой, в то время как пышные цветы наполняли воздух тошнотворно сладким запахом.

— Ты веришь в привидения? — спросил Томас, поднимая взгляд на темные руины.

Язим пожал плечами.

— Возможно.

Они сидели в тишине, наблюдая как опускается ночь, слушая шум ветра в зарослях роз. Наконец, Томас снова заговорил.

— Оказалась ли права няня принцессы? Вернулся ли ее муж домой?

Язим покосился на своего спутника.

— А ты как думаешь?

— Не знаю, что и сказать.

Язим медленно кивнул.

— Молодой фельдмаршал вместе с главнокомандующим сэром Ульриком действительно достигли лагеря врага. Они занялись расстановкой войск и составлением плана нападения. Такие дела требуют продумывания почти до мелочей, и они потратили на это много недель. Армия распроложила по всей долине палатки, установила осадные машины таким образом, чтобы они внушали страх и трепет. Для изучения вражеских укреплений были разосланы шпионы. Все детали были тщательно учтены и распланированы.

В конце концов, муж принцессы, Дэррик, потерял терпение в связи с тактикой Ульрика. Он почувствовал что-то неправильное, как и предупреждала его принцесса.

— Но вне всякого сомнения, силы короля значительно превосходили силы противника, — вставил Томас. — Те были просто сборище негодяев и крестьян, многие из которых были набраны против их воли. Что они могли сделать против хорошо организованной королевской армии?

— Так, конечно, и думал Главнокомандующий Ульрик, — согласился Язим. — Но фельдмаршал Дэррик отвечал за шпионов и то, что он услышал в их отчетах, насторожило его. Никто сегодня не знает подробности этих донесений. Может быть, Меродах заключил союз с иностранными державами, получив значительное тайное подкрепление, чтобы помочь ему свергнуть Камелот. Если даже так, то уже ничего нельзя доказать. Так или иначе Дэррик посоветовал Ульрику нанести удар скрытно, обойдя вражеские лагеря с фланга ночью, а не противостоять им лицом к лицу при дневном свете, каким был план Верховного Главнокомандующего.

— Но я догадываюсь, Ульрик отказался, — заметил Томас. — В конце концов, скрытность и хитрость вряд ли может быть тактикой благородной армии. Зачем прибегать к коварному нападению в темноте, когда можно полагаться на численную мощь и твердость убеждения?

— Из тебя получился бы превосходный Главнокомандующий, мой друг, — мрачно усмехнулся Язим.

— Увы, я не стал бы, потому что у меня самого нет таких убеждений. Я слишком заинтересован в целостности моей шкуры, чтобы рисковать ею ради Королевства. Но мы говорим о Камелоте. Мужчины действительно были готовы умереть в его защиту. Они считали это высокой честью.

— Умереть, да, — кивнул Язим, повернувшись лицом к огню, — но не идти на убой.

Томас медленно покачал головой.

— Но как такое могло случиться?

— Это тайна, которая мучает рассказчиков на протяжении многих десятилетий, — признал Язим. — Все, что известно наверняка, это то, что Меродах просто ждал. Он появился не для того, чтобы возглавить наступление против войск королевской армии. Когда армия двинулась в атаку, люди Меродаха просто отбивались, но со странной, смертельной яростью. Битвы не было. Ряды королевской армии пали перед мечом врага, как пшеница перед косой. Говорят, неожиданно налетевшая буря обрушилась на передние ряды, уводя армию назад от предгорий и позволяя противнику спуститься на них в открытую, окружив их в кольцо. Когда все закончилось, вся долина превратилась в месиво из грязи и крови королевских солдат, большинство из которых умерли ужасной и жестокой смертью.

— Значит, Дэррик действительно умер в тот же день, — серьезно согласился Томас.

— Нет, — возразил Язим, взглянув на своего друга. — Сэр Ульрик и муж принцессы были захвачены в плен. Его история была рассказана его личным слугой, которому удалось вырваться из вражеского лагеря в ту ночь вместе с несколькими другими. К тому времени, когда они добрались обратно в замок, на следующий день после рождения молодого принца, их осталась едва ли сотня, чтобы рассказать обо всем случившемся.

Томас нахмурился, когда ветер снова налетел, принеся с собой опавшие лепестки роз.

— С какой целью? Разве мерзавец Меродах намеревался использовать их в качестве обмена?

Язим иронически рассмеялся.

— Чтобы обменять на что? У короля не было ничего, что хотел бы Меродах, за исключением самого трона. Единственной целью Меродаха было разрушение и хаос.

— Тогда зачем ему нужен был муж принцессы — Дэррик?

Язим снова посмотрел на Томаса, а затем на силуэт разрушенного замка.

— Все довольно просто, по-моему, — рассудительно ответил он, — чтобы допросить его.

Убежище Меродаха находилась на вершине невысокой башни крепости, которая была захвачена много месяцев ранее. Она едва охранялась в то время, будучи главным образом забытой и заросшей, но Меродах превратил ее в благополучное средоточие своей власти, укрепленное не менее чем тридцатью дозорными и охранниками.

Дэррик сидел на скамье рядом с Главнокомандующим Ульриком недалеко от центра круглой комнаты в окружении шести самых жестоких, самых бесчеловечных на вид людей, которых он когда-либо видел. Двое других пленных, слуги Дэррика и сэра Ульрика, были прикованы к стене кандалами. Их захватчики стояли напротив изогнутых стен, скрестив руки на рукоятках мечей, их лица почти ничего не выражали в вечернем сумраке. За узкими окнами шел дождь, заполняя комнату непрерывным шумом и прохладным туманом. В центре комнаты был тяжелый стол, достаточно близко, чтобы Дэррик мог видеть листы пергамента, разбросанные по нему. На большом свитке был аккуратно набросан план, детально показывающий расположение лагеря королевской армии. К столу был придвинут богато украшенный стул, по-прежнему впечатляющий несмотря на свой возраст и изношенность.

— Они хотят допросить нас, — пробормотал Дэррику сэр Ульрик, его голос сипло звучал. Он был ранен, но не смертельно. Левая сторона его лица представляла собой маску высохшей крови, окрасившую его рыжие бакенбарды и козлиную бородку в темно-бордовый цвет. — Мы должны выдержать любые пытки, которые они применяют к нам ради Королевства. Если мы переживем эту ночь, то у меня есть план...

— Придержи свой язык, — прорычал один из охранников с растянутым акцентом, — или мы вырвем его у тебя.

— Делай, что должен, — ответил Ульрик, поднимая подбородок. — Мы не будем выполнять ваши приказы.

Глаза охранника сузились, и его пальцы сжали рукоять меча. Однако, через секунду мелькнула тень, и комнату озарил свет. По лестнице поднялся человек, держа в руках факел.

— Простите, что заставил вас ждать, уважаемые господа, — сказал человек, улыбаясь Дэррику и сэру Ульрику и устанавливая факел в железную подставку. Он был худой, но мускулистый, со слегка лысеющими темными волосами, коротко подстриженными и зачесанными вперед, акцентируя его квадратные, правильные черты лица. Он был больше похож на приятного школьного профессора, чем на военачальника. — Битва отнимает массу

времени, как вы наверняка знаете, — продолжал он, игнорируя стул и прислонившись к углу стола, ближайшему к пленникам.

— К счастью, как мне кажется, наша теперешняя стычка, по большей части, позади. Даже у вас этот факт должен вызвать облегчение, несмотря на ваше затруднительное положение.

Меродах взглянул на стол, заметил кусок тряпки на краю, и потянулся к ней. Эффектным жестом выхватив свой меч, он вытянул его перед собой, демонстрируя полосы темной крови, окрасившие его. Он поднял тряпку, чтобы вытереть лезвие, а затем остановился, взглянув на Дэррика и сэра Ульрика.

— Теперь нет никаких оснований делать эту процедуру такой уж неприятной, — сказал он, переводя взгляд с одного на другого. — Я предполагаю, что вы уже знаете, почему я привел вас сюда, да?

— Лучше убей нас, ты, трусливый пес, — Ульрик сплюнул, вытянувшись вертикально и намереваясь встать. — Мы никогда не поклонимся тебе, ты никогда не дождешься...

Меродах двинулся, почти лениво. Он взмахнул мечом, описав широкую дугу, и нанес диагональный удар по горлу сэра Ульрика. Дэррик пригнулся, когда из горла брызнула кровь. Ульрик закашлялся, захлебываясь собственной кровью, и машинально схватился за шею. Когда Дэррик снова посмотрел на него, то увидел, что голова сэра Ульрика почти отделилась от тела. Через мгновение Верховный Главнокомандующий перевалился через скамью и упал на пол замертво. Он лежал там согнувшись, одна нога все еще была перекинута через скамью, его глаза глядели вверх с немым шоком.

— Ну вот, — сказал Меродах, снова прислоняясь к столу и разглядывая свой меч. — Как я уже говорил, нет никаких оснований причинять вам неприятности. Вам же не будет неприятно, — спросил он, взглянув на Дэррика, — не правда ли, милостивый сударь?

Дэррик был слишком ошеломлен, чтобы говорить. Он посмотрел на Меродаха и заставил себя промолчать. «Удивительно то, — подумал он, — что, если бы я столкнулся с ним в бою, я думаю, я смог бы победить его. Но в чем причина такой его самоуверенности?»

— Так-то лучше, — ответил Меродах, как будто Дэррик ответил ему. — У меня всего лишь несколько простых вопросов. Ничего такого, чего я не смог бы узнать с помощью других источников, если бы возникла необходимость, так что вы не должны чувствовать, что предаете вашего короля, отвечая на них.

— А зачем, — начал Дэррик хриплым голосом, а затем откашлялся, и заговорил более уверенно, — зачем мне отвечать тебе? Ты просто убьешь меня, когда закончишь.

Меродах слегка нахмурился.

— Зачем мне делать что-то подобное? Вы думаете, мне нравится убивать людей? Вы ведь молодой человек, у вас целая жизнь впереди. Я бы скорее пожелал уничтожить бесценные произведения искусства, чем закончить вашу благородную жизнь. Ответьте мне на мои вопросы, и, конечно же, вы проживете, чтобы увидеть еще один день.

Дэррик подумал, а затем медленно покачал головой.

— Ты лжешь, — сказал он, прищурился. — Ты убил сотни людей. Мы все знаем истории о твоей жестокости. Твое имя внушает ужас во всем Королевстве.

При этих словах Меродах поморщился. Он опустил свой меч на колени и принялся чистить его тряпкой.

— Прискорбно слышать, но это необходимая мера, — объявил он со вздохом. — Увы, я был вынужден предпринять несколько весьма неудачных действий во имя моей миссии, но

это не превращает меня в чудовище. Тем не менее, я уважаю то, что вы сомневаетесь в моих словах. Правда состоит в том, — сказал он, снова подняв глаза, — что вы нужны мне живым. Вы зять короля, не так ли? У вас есть его доверие. Он прислушивается к вам. Вы нужны мне живым... чтобы доставить для него сообщение от меня.

Дэррик некоторое время изучал лицо Меродаха, а затем взглянул ему в глаза.

— Какое сообщение?

— В свое время, — ответил Меродах, взмахнув тряпкой в своей руке, как будто вопрос был неважным. — Для начала, давайте выясним несколько пустяковых вопросов. Скажите мне, уважаемый сэр Фельдмаршал, сколько катапульта осталось охранять городские стены Камелота?

Дэррик сделал паузу. Он задумчиво опустил подбородок, а затем поднял его снова.

— Пятнадцать, — ответил он, глядя прямо в глаза Меродаха.

Меродах улыбнулся Дэррику, а затем усмехнулся. Усмешка превратилась в легкий смех, и он опустил меч так, что его кончик касался пола. Ни один из его охранников, заметил Дэррик, не присоединился к своему лидеру в его веселье.

— Ну, хорошо, — рассмеялся Меродах, качая головой. — Это, по-моему, самая неудачная ложь, которую я когда-либо слышал. Перестаньте, будьте разумным. Я хочу оставить вас в живых, если только так вы можете выполнить мое маленькое поручение. Не заставляйте меня убить вас за такую трогательную попытку обмана. Ответьте мне честно. Сколько катапульта защищают городские стены?

Дэррик глубоко вздохнул. Он отвел взгляд в сторону узких окон и падающего дождя позади них.

— Шесть, — ответил он, а потом покачал головой. — Может быть, меньше. Я не помню.

— Я думаю, что вы очень хорошо помните, — сказал Меродах с понимающей ухмылкой, — но достаточно. Спасибо. Теперь, какова численность дружины короля, и каков его ежедневный график?

Дэррик снова встретился взглядом с Меродахом и нахмурился.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду. Я только недавно переехал в замок после моей свадьбы, и отправился в поход почти сразу. Я не знаю...

— Ежедневный график короля! — крикнул вдруг Меродах, вскакивая на ноги и сверкая своим мечом. — Когда он покидает замок?! Кто сопровождает его? Сколько людей?! — слюна вылетела изо рта Меродаха, пока он кричал, наклонившись к лицу Дэррика. — Солги мне еще раз, и ты вернешься в замок без рук и без ног! Скажи мне сейчас же!

— Он не придерживается регулярного графика! — громко ответил Дэррик, откинувшись назад и ненавидя себя за дрожь в своем голосе. — Он действует так, как ему заблагорассудится! Он Король!

— Сколько человек в его дружине?! — потребовал Меродах, выпучив глаза.

— Три! — воскликнул Дэррик. — Он берет всего лишь троих охранников с собой, когда покидает замок!

— Только три? — спросил Меродах своим нормальным голосом, выпрямившись и вопросительно склонив голову в сторону Дэррика. — Насколько я помню, прошлые короли, когда совершали поездку по окрестностям, брали себе в сопровождение не менее шести вооруженных человек для охраны. Не хотите ли вы сказать, что король Ксавьер весьма самоуверен?

Дэррик содрогнулся. Пот стекал по его вискам. Он изо всех сил старался контролировать дыхание, чтобы не показывать свой страх.

— Значит, три, — добродушно заметил Меродах. — Удобное число, я должен сказать. Спасибо, мой друг. Ты не возражаешь, если я буду звать тебя Дэррик? Ненавижу формальности, особенно с учетом обстоятельств.

Дэррик не ответил, держа губы крепко сжатыми. Снаружи беззвучно сверкнула молния.

— Отлично, Дэррик, — сказал Меродах, полусидя на столе, и перевернул свой меч на колене. Он снова стал чистить его тряпкой. — Сколько существует проходов в замок? Кроме главного входа, конечно.

Дэррик молчал. Он сжал зубы и снова отвел взгляд на темные окна. Дождь непрерывно лил в сгущающейся тьме.

— Кажется, ты в самом деле, не понимаешь, Дэррик, — заметил Меродах, останавливаясь. — Я действительно пытался быть терпеливым с тобой. Ты хочешь, чтобы я попросил Брома сломать тебе несколько пальцев? Я не хочу делать это, но...

— Четыре, — ответил Дэррик, уставившись на своего похитителя. — И я отвечаю только потому, что это общеизвестно всем, кто живет в пределах видимости замка.

Меродах обезоруживающе улыбнулся.

— Благодарю тебя за то, что ты поделился с нами этой незначительной информацией, Дэррик. Приятно иметь дело с кем-то, кто проявляет такой поразительный здравый смысл. Конечно же, мне известно о четырех главных входах. Нет ли там тогда секретных проходов? Ты совершенно уверен?

Лицо Дэррика было бледным, но мужественно бесстрастным.

— Я уверен.

— Хорошо, — кивнул Меродах. — Потому что, если бы я обнаружил, что ты солгал мне... ну, я уже проиллюстрировал необходимость сохранения устрашающего образа, ведь так? Ты бы поставил меня в досадное положение преподать тебе урок. Я уверен, что мне не нужно объяснять, к каким последствиям бы это привело.

— Я не лгу, — сказал Дэррик, слегка покачнувшись на скамейке.

— Отлично. Тогда мы почти закончили. Бром, будь любезен, пожалуйста, принести послание, которое я приготовил для короля Ксавьера. Оно находится в сейфе в моей комнате. Вот ключ.

Бром, охранник, который раньше угрожал Ульрику молчать, шагнул вперед. У него были взлохмаченные, черные волосы и рябое лицо. Его глаза были странно мертвы, когда он взял ключ у Меродаха. Через мгновение он исчез внизу лестницы башни.

— Видишь, — сказал Меродах, рассматривая блеск своего меча и опуская тряпку, — Я могу быть разумным человеком. Истории про меня не совсем правдивы.

Дэррик не ответил. Он наблюдал, как его похититель задумчиво проводит пальцем по мечу. Запах крови сэра Ульрика заполнил комнату, смешавшись с влагой дождя.

— Есть еще одна вещь... — сказал Меродах, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Пустяк. Запоздалая мысль. Скажи, Дэррик: если король Ксавьер решит, что побег его единственная надежда на спасение, куда бы он мог скрыться? Я понимаю, есть много крепостей в его распоряжении, но какую бы он выбрал в качестве убежища?

Лоб Дэррика нахмурился. Собрав все свое мужество, он выпрямился и посмотрел Меродаху в глаза.

— Я уже помог тебе, — ответил он тихим голосом. — Но я не буду отвечать за твой

успех в нападении на замок и поиске короля. Моя жизнь не стоит проклятия такой вины или смертей, которые это повлекло бы за собой.

Меродах нахмурился, размышляя, а затем кивнул:

— Я понимаю затруднительную ситуацию, в которую ты попал, мой друг. Если ты ответишь на мой вопрос, то, возможно, станешь свидетелем гибели ваших людей. Если откажешься, возможно, погибнешь только ты. Да? Но, безусловно, в этом есть изъян, не так ли?

— Нет, — ответил Дэррик, укрепляясь в своей решимости. — Я солдат Камелота. Я с гордостью пожертвую собой за его сохранение.

Меродах глубоко вздохнул и медленно, почти с сожалением покачал головой.

— Я не хочу разочаровывать тебя, Дэррик, но мою миссию ждет успех, независимо от того, что ты соизволишь сказать, выберешь ли ты жить или умереть. Сохраняя молчание, ты не спасешь ни Камелот, ни себя. Но сказав мне правду... — он поднял брови и наклонил голову в примирительном жесте.

— Нет ничего, что ты можешь предложить мне, чего стоила бы такая измена, — сухо ответил Дэррик, отворачиваясь.

— Как ты думаешь, — беспечно спросил Меродах, — принцесса, твоя жена, согласилась бы с этим?

Дэррик замер. Он смотрел невидяще в тень, чувствуя, как кровь отхлынула от его лица.

— Я знаю, что она беременна, — добавил Меродах, вздыхая. — Возможно, что младенец, твой сын или дочь, уже родился сейчас. Разве не так?

Дэррик снова обратил взгляд на Меродаха, выражение его лица было холодным.

— Если ты прикоснешься к ним...

— О пожалуйста, — прервал его Меродах, закатив глаза. — Пустые угрозы такая бесконечная трата времени. Как я уже говорил, Дэррик, я разумный человек. Я предлагаю тебе сделку. Ответь мне, что я требую, и когда придет время, я прослежу, чтобы твою жену и ребенка пощадили. Откажешь мне, и... ну, я действительно не буду отвечать за то, что произойдет. Тебе решать.

Дэррик с ненавистью уставился на человека перед собой. Долгое молчание опустилось между ними, заполненное только шумом дождя и слабым треском факела. Наконец, на лестнице снова появился Бром. Он подошел к Меродаху и вручил ему небольшой пакет, запечатанный красным воском. Меродах взял его, не отрывая взгляда от Дэррика.

Наконец Дэррик спросил хриплым голосом:

— Как я узнаю, что ты сдержишь свое слово?

Меродах снова поморщился и поднял правую руку, неопределенно взмахнув своим мечом.

— Боюсь, ты не сможешь узнать этого. Такова природа подобного типа сделки. Но я скажу тебе следующее: мне нужен король и его трон. Как только он будет свергнут, принцесса не будет представлять никакой угрозы. Мне нет никакого смысла вредить ей или ребенку, которого она родила тебе.

Дэррик слегка покачал головой, его лицо исказилось в гримасе мучительной нерешительности.

— Вот что я тебе скажу, — сказал Меродах, делая шаг вперед. — Тебе не обязательно отвечать громко, чтобы все услышали. Ты можешь шепнуть мне свой ответ на ухо. Это так просто. Я спрошу еще раз: где, в случае бегства, укроется король и его люди? Ответь мне на

этот вопрос, и твоя жена и ребенок смогут жить.

Меродах сделал еще один шаг вперед, осторожно, как будто Дэррик был оленем, который мог убежать при малейшем поводе. Потом, почти комически, он наклонился вперед и приложил ухо к губам Дэррика.

Дэррик молчал в течение долгого, ужасающего времени. А потом, почти беззвучно, его губы зашевелились. Он произнес одно слово, и выражение на лице Меродаха изменилось. Его улыбка погасла, и глаза потемнели. Он выпрямился и поправил плащ и доспехи.

— Я выражаю вам глубокую благодарность, уважаемый сэр Дэррик, — объявил Меродах, возвращаясь к столу. — Вы оказали мне огромную помощь. Я не забуду этого.

Он со звоном вложил меч в ножны. Позади него Дэррик опустил голову. Взмокшие волосы упали ему на лицо.

— Что за послание? — пробормотал он.

Меродах оглянулся, слегка нахмурившись.

— Извини?

— Послание, — повторил Дэррик, в его голосе нарастал гнев, готовый вот-вот вырваться наружу. Он вызывающе поднял голову:

— Что за послание ты хотел, чтобы я доставил королю?

— Ах, да, — ответил Меродах, поднимая пакет, который он держал в руке, и посмотрел на него. Красная печать выглядела как пятно крови в полумраке. — Знаешь, Дэррик, ты оказал мне такую большую помощь, такую великолепную помощь, — сказал он, вынимая короткий кинжал из-за пояса, — что думаю, я смогу доставить это послание... без твоего участия.

— И тогда, — дрожащим голосом произнес слуга, боясь встретиться взглядом с Королем или Принцессой, — тогда этот монстр... бросился на фельдмаршала. Он обнажил зубы как дикое животное и ударил его кинжалом, и не один раз, просто чтобы убить, но снова и снова, даже после... — он остановился, как будто ему было трудно говорить, а затем умоляюще поднял глаза, — даже после того, как бедняга был мертв. Я ничего отвратительнее не видел в своей жизни... — слабо признался он. — Когда все было закончено, Меродах стоял над телом, тяжело дыша, и...

— Перестань! — вдруг воскликнула Габриэлла, ее голос вырвался из нее криком сильного душевного страдания. — Перестань! Я больше не могу это слышать! Я не вынесу!

Ее отец приблизился к ее трону и накрыл ее руку своей. В беспомощном жесте Габриэлла закрыла лицо другой рукой. Она зажмурилась, пытаясь остановить поток эмоций, который угрожал захлестнуть ее. Она не могла вынести мысли, что ей придется поделиться своим горем с придворными, с этими, казалось бы, случайными людьми, никто из которых не знал Дэррика как она, большинство из которых относилось к его смерти как всего лишь к еще одной жертве, еще одной в длинном ряду смертей от руки нечестивого злодея Меродаха.

— Как же ты сбежал? — сурово спросил его король.

— Сэр Ульрик, — ответил слуга, сглотнув комок в горле. — Это он все устроил. Он приказал своей личной дружине быть готовой спасти нас в случае нашего захвата в плен. Он знал о скрытом заднем проходе в башню, давно похороненном в зарослях виноградника и, скорее всего, неизвестном Меродаху и его людям. Эта дверь была неохраняемая, что позволило оставшимся людям сэра Ульрика прокрасться в темноте и освободить нас. Они убили охранника темницы, и мы ушли, прежде чем кто-нибудь заметил.

— Скажи мне, Мастер Брайс, — вмешался Тоф оттуда, где он стоял с другой стороны королевского трона. — Я знаю, что это не в твоей компетенции, но в отсутствие сэра Ульрика и Дэррика, каково окончательное число тех, кто вернулся с тобой?

— Семьдесят семь человек, по последним подсчетам, — ответил слуга, медленно покачивая головой.

Король глубоко вздохнул:

— А что с катапультами и осадными машинами?

— Захвачены или уничтожены, Ваше Величество. Ни одно не вернулось с нами.

Воцарилась долгая, гнетущая тишина, это почувствовали все в Приемном зале короля, понимая масштабность угрозы, с которой они теперь столкнулись.

— Ваше Величество, — осторожно сказал Персиваль, начальник дворцовой охраны, выступая вперед, — мы действительно оказались в очень плачевном положении. Нет никакой гарантии, что Меродах задержится, чтобы отпраздновать свою победу. Даже сейчас, надо полагать, он готовится к походу на город.

Король Ксавьер взглянул на Персиваля так, будто эта мысль еще не приходила ему в голову. Выражение его лица не передавало ничего, кроме мрачной неуверенности, с сожалением и тревогой отметила про себя Габриэлла.

Наконец, король отвел взгляд, озабоченно нахмурившись.

— Что ты предлагаешь, Персиваль?

— Я не вижу других вариантов, Ваше Величество, — объявил нерешительно Персиваль. — Мы должны покинуть замок.

Король как громом пораженный сидел на своем троне, еще больше нахмурившись.

— Бежать, ты предлагаешь? Но, я уверен, в этом нет необходимости...

— При всем уважении, сир, — мягко вмешался Тоф, — у нас осталось едва ли достаточно людей, чтобы выставить стражу на городских стенах, если только мы не начнем вербовать детей и стариков. Мы не можем отбить атаку любой значимой силы, ни противостоять решительной осаде города. Бегство, на самом деле, наша единственная реальная возможность.

— Но, — сказал король, наморщив в смятении лоб, — что будет с народом? Если нас не будет здесь, чтобы защитить их...

— На самом деле, Ваше Величество, — Персиваль тщательно взвешивал слова, — для них будет даже лучше, если вы не окажетесь здесь. Надо полагать, именно вы являетесь целью этого злодея, не замок и не город. Если вы будете править втайне, хотя бы ненадолго, Меродах, возможно, сам освободит город.

— Это безумие! — внезапно воскликнула Габриэлла, не в силах сдерживать себя больше. — Он уничтожит все и всех в пределах городских стен! Этот человек не жалеет городов, которые остались незащищенными и не представляют никакой угрозы! Вы слышали, что он сделал с Дэрриком! То же самое он сделал с каждой деревней и городом, которые встретились ему на его кровавом пути! Он сжигает и уничтожает скорее ради

своего собственного удовольствия, чем ради какой-нибудь стратегической выгоды! Он настоящий безумец!

— Ваше Величество, — мягко начал Тоф, — для нас осталось очень мало вариантов. У нас просто не хватает людей, чтобы организовать серьезное сопротивление.

— В этом городе есть не только мужчины, — в негодовании Габриэлла внезапно вскочила на ноги. — Если предоставляется выбор: бежать, спрятаться или сражаться, я осмелюсь предположить, что каждый мужчина, женщина и ребенок внутри этих городских стен выбрали бы последнее!

— Но мы не сможем победить, принцесса, — сурово возразил Персиваль.

— Тогда мы умрем с честью! — воскликнула Габриэлла, отвергая его слова. — Лучше так, чем жить в трусости!

— Дочь, — обратился король, поднимая глаза туда, где она стояла. Его голос звучал с нежностью, но твердость уже вернулась к нему. Принцесса остановилась, едва сдерживая ярость, а затем снова посмотрела на отца.

— Дочь, скажи мне, ты сможешь встать среди народа и сказать любой матери, что скоро она увидит своего ребенка убитым ради чести?

— Я сама теперь мать, ты, возможно, помнишь, — ответила Габриэлла, дрожа от гнева и страдания.

— Я хорошо это помню, дорогая. Но прежде всего ты принцесса, и тебе как таковой хорошо известны такие вещи, как потеря и жертва. Другим, кто ниже тебя, возможно, нет. Ты готова сделать этот выбор за всех? Готова ли ты приказать им всем пойти на смерть и предать смерти их детей? Некоторые из них действительно решат остаться и бороться, но еще многие могут пойти с нами, если мы покинем город. Крепости могут вместить сотни, если это необходимо, какой бы продолжительной осада не была. Тем временем, другие будут прятаться в окрестных поместьях и деревнях у дальних родственников, в безопасности от того, что может случиться с этим городом. Сможешь ли ты забрать у них эту возможность? Скажи мне!

Габриэлла почувствовала, как тяжесть слов ее отца опустилась на нее словно песок. Она пыталась сопротивляться, но медленно, с грустью она поняла, что он прав. Ее колени ослабли, и она села обратно на свое место.

— Иногда, дочь, — тихо сказал король, — быть принцессой, и королем, и королевой означает нечто большее, чем пожертвовать своей жизнью. Иногда, для спасения всех это означает пожертвовать своим благородством.

Лицо Габриэллы стало серьезным при этих словах, но она не ответила. Она схватилась за ручки своего трона так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Как скоро мы можем отправиться в путь? — спросил король, обращаясь к Персивалю.

— Если мы издадим указ сегодня, Ваше Величество, мы сумеем собрать население замка в течение двух, может быть, трех дней. Мы должны будем определить, кто среди граждан сможет сопровождать нас, приняв во внимание тех, кто выразит такое желание. Остальные уйдут в деревни или останутся в городе, если того пожелают. Однако, я бы порекомендовал оставить небольшой отряд для охраны входов замка, для защиты от случайных грабителей.

— Так скоро? — мрачно спросил король. — Разве необходима такая спешка?

— Мы не можем рисковать, Ваше Величество, — с нажимом ответил Тоф. — Если

Меродах и его армия находятся на пути к замку в настоящее время, как мы вынуждены предположить, то они будут здесь в течение нескольких недель. Мы не только должны закрыть ворота замка к тому времени, но и уверенно обосноваться в любой крепости, какую вы выберете.

— И это подводит нас к вопросу, — кивнул Персиваль, вглядываясь внимательно в короля, — принимая во внимание историю слуги несчастного сэра Дэррика, какое убежище мы будем рассматривать?

— Как ни печально, это ясно, не так ли? — сказал король, бросив на Габриэлла взгляд сожаления. — Мы должны бежать на юго-запад, к пограничной крепости в Херренгарде.

Габриэлла выпрямилась на своем троне и повернулась к отцу.

— Херренгард? Это никоим образом не лучший выбор! Она меньше, и гораздо менее защищенная, чем восточная крепость в Амаранте!

— Принцесса, — сказал Персиваль, стараясь чтобы его голос звучал разумно, — вы слышали историю слуги. Фельдмаршал раскрыл первичный выбор для отступления короля. Амарант будет бесполезен для нас, если Меродах знает, что это наш пункт назначения. Он, скорее всего, оставил там засаду или даже приготовил нападение на нас по пути.

— Его звали, — расвирипела Габриэлла, — Дэррик. Называй его по имени, или ты хочешь объявить его изменником?!

— Дочь, — снова начал король, но Габриэлла заговорила первой, поворачиваясь к нему.

— Отец, Дэррик не предавал нас. Слуга не слышал, какой ответ дал Дэррик, когда Меродах спрашивал его о королевском плане отступления. Он никогда бы не раскрыл наш первоначальный план. Он соврал бы, отправив Меродаха и его людей в бесполезную погоню!

Тоф покачал головой.

— Мы не можем знать этого наверняка, Принцесса...

— Зато я знаю, — яростно прервала она. — Он был моим мужем! Вы должны верить мне! Он солгал злодею, дал ему ложное местоположение! Я вас уверяю, что он обманул их, заставил поверить, что местом отступления будет на самом деле Херренгард, а не Амарант! Мы отправимся прямо в ловушку, сведя на нет попытку Дэррика спасти нас всех!

— Мы не можем так рисковать, принцесса! — настаивал Персиваль, теряя терпение.

— Нет никакого риска! — воскликнула Габриэлла, снова вскакивая. — Ни одна другая южная или восточная крепость не находится достаточно близко или недостаточно укреплена, как Амарант!

— Ни одна крепость не может быть достаточно прочной, чтобы защитить нас, если злодей уже находится в ней!

— Если вы отказываетесь верить мне, — кричала Габриэлла, слезы гнева наворачивались у нее на глазах, — тогда мы все умрем, и жертва Дэррика будет напрасной!

— Молчать! — приказал король, стукнув кулаком по ручке своего трона. Эхо его голоса разнеслось по комнате, и все затихли. Габриэлла осталась стоять, ее глаза сурово смотрели на Персиваля, она с шумом вдыхала воздух через нос. Персиваль опустил свой взгляд и сжал губы в тонкую линию.

— Я не позволю никому в совете говорить с моей дочерью в подобной манере, — тихо, но твердо заметил король. — Персиваль, ты забываешься.

— Да, Ваше Величество, — ответил сразу же Персиваль, не поднимая глаз. — Я приношу свои глубочайшие извинения. Пожалуйста, примите мое смиреннейшее сожаление.

Король опустил голову и закрыл глаза. Габриэлла оглянулась на него. Ее отец, казалось,

крепко задумался, его лоб покрыли глубокие морщины. Наконец, после долгого молчания, он снова поднял голову.

— Издайте указ, — сказал он хмуро. — Королевская семья покинет замок Камелот и сам город в течение двух дней и двух ночей. Все, кто пожелает сопровождать нас в путешествии, должны обратиться к начальнику дворцовой стражи, который будет отдавать предпочтение детям, женщинам и пожилым людям, в таком порядке. Те, кто остаются, могут укрыться в окружающих поместьях или деревнях, или остаться в пределах городских стен по своему усмотрению.

Он сделал паузу, размышляя, а затем продолжил.

— Если кто-нибудь из оставшихся решит организовать защиту города или самого замка, им будет выражено должное почтение, даже в случае смерти, от имени его Величества, короля Ксавьера, и его дочери, принцессы Габриэллы. Да будет известно всем, что даже в свое отсутствие королевская семья в полной мере и надлежащим образом все еще является правителем Королевства Камелот до дня нашего триумфального возвращения.

Персиваль кивнул, отмечая в уме каждый пункт. Наконец, он поднял голову и еще раз посмотрел прямо на короля.

— Замечательно, Ваше Величество. И к какой крепости мы будем держать путь?

Король глубоко вздохнул и взглянул на Габриэллу.

— Пусть оставшиеся солдаты готовятся к сопровождению в Херренгард, — сказал он. — Но не раскрывайте место назначения кому-либо еще.

Габриэлла почувствовала, как все внутри нее сжалось. Она встретила взглядом со своим отцом, потеряв дар речи.

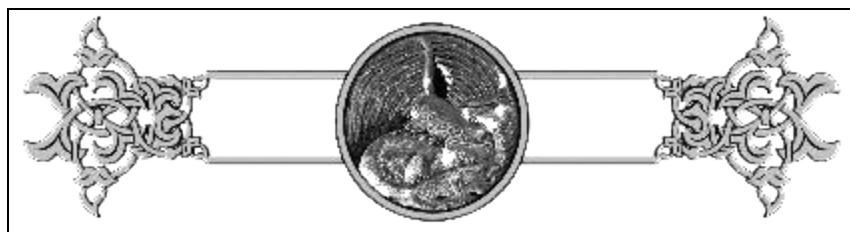
— Значит Херренгард, Ваше Величество, — снова кивнул Персиваль. — Мы должны немедленно начать подготовку.

Король проигнорировал его.

— Мне очень жаль, Габриэлла, — сказал он, но девушка отвернулась от него. Она была слишком взволнована, чтобы ответить. Она все еще стояла беспомощно, теперь, когда совет был закончен. Комната наполнилась суетливым движением, так как члены совета начали собираться и готовиться к отъезду.

— Дочь, — сказал король, слегка повысив голос.

— Я пойду собирать вещи, — спокойно ответила Габриэлла, ее голос звучал низко и монотонно. С этими словами она подобрала юбки и повернулась к боковой двери, скрывшись за ней, прежде чем король смог заговорить снова.

Однако, она не стала собираться в тот день. Она вернулась в свои покои как раз, когда Маленький принц проснулся. Сигрид подошла к кровати, но Габриэлла позвала ее обратно, что означало, что она хочет поприветствовать ребенка сама. Она осторожно достала его из кровати и положила на плечо. Он все еще был сонным, но его крики прекратились, когда он положил голову на ее плечо. Потом вздохнул, вздрогнул и расслабившись в ее руках.

Она подумала о Дэррике.

— Тебе принести что-нибудь, принцесса? — мягко спросила Сигрид.

Медленно, не глядя на нее, Габриэлла покачала головой.

Последовало дуновение ветерка и тихий щелчок, когда пожилая женщина вышла из комнаты.

Слезы снова наполнили глаза Габриэллы. Как всегда, она сопротивлялась им. Она моргнула, зажмурилась, и двинулась к окну. Оно было открыто, впуская свежий осенний ветерок. Воздух был блаженно прохладным, наполненным ароматом хрустящих листьев и отдаленной грозы. Занавески мягко покачивались. Ребенок шевельнулся, полностью пробуждаясь.

Габриэлла бедром подтолкнула кресло-качалку ближе к окну. Потом она села, бережно взяла ребенка на руки и начала кормить его.

Снова она подумала о Дэррике.

«Он никогда не увидит этого, — беспомощно размышляла она, окунаясь в воды своего горя. — Он никогда не сможет наблюдать, как его жена кормит ребенка грудью. Никогда не подержит сына в своих руках, никогда не почувствует этот крошечный кулак, крепко схвативший его палец».

Слезы полились теперь свободно, несмотря на ее сопротивление. Они молча катились по ее щекам, пока Маленький принц сосал грудь, не осознавая своей собственной потери. Габриэлла ощутила, как будто ее печаль размером с океан, покрытый льдом, и она идет по нему. Она знала, что лед скоро треснет, и она упадет в воду. Это сломает ее. Она боялась этого, боялась, что однажды горе поглотит ее и никогда не отпустит, как бы долго она не жила.

Ее грудь содрогалась, беспокоя ребенка, но он был непреклонен. Он с жадностью продолжал.

Слезы падали с подбородка прямо на колени, на руки Маленького принца, пока он прижимался к ней.

«Он никогда не узнает своего отца, — думала она, и ее горе стало затвердевать, обретать форму. — Он едва даже узнает, что он потерял, за исключением пустоты на том месте, где должен быть его отец».

Слезы все еще капали, но лицо становилось спокойнее. Любой, кто увидел бы ее, удивился бы жуткому, почти сверхъестественному спокойствию этой женщины. Ее подбородок был поднят к окну, и свет полностью падал на ее щеки, линию носа и зажигал темный блеск в ее глазах. В течение нескольких минут она не двигалась.

Наконец, Маленький принц закончил. Он пошевелился, томно потянулся и зевнул, округляя ротик своими совершенными, маленькими губками. Габриэлла посмотрела на него и улыбнулась, несмотря на слезы, которые все еще не высохли на ее щеках. Он моргнул ей. У него были глаза Дэррика.

«Милый Маленький принц, — произнесла она, все еще улыбаясь. — Мамочкин сладкий Маленький принц».

Снаружи со двора Габриэлла слышала растущий шум голосов. Указ уже был оглашен. Смущение и тревога распространились по городу, как щупальца. Меродах идет. Хотя его имя не было упомянуто в указе, никто не сомневался в истинности этого факта.

— Не волнуйся, — сказала Габриэлла, ее улыбка слегка увяла. — Не беспокойся, мой маленький принц. Мамочка защитит тебя. Так или иначе...

На следующий день Габриэлла начала сборы. Небо было грозovým, низким и пасмурным, влажный ветер принес с собой сильный холод. Сигрид закрыла окна и затопила камин.

— Пусть слуги упаку́ют только несколько платьев, принцесса, — деловито давала указания старая няня. — Для роскоши не будет места в течение нескольких месяцев. Нам придется удовлетвориться одной и той же одеждой неделю за неделей.

Габриэлла молча кивнула, оставаясь угрюмой.

Остальная часть замка словно улей была полна нервной энергии. За обедом не было привычной болтовни, разговаривали приглушенными голосами, в основном уточнялись планы, рассматривались возможные маршруты, вносились изменения или отвергались какие-то детали. Габриэлла держалась подальше от этого. Она улыбалась только, когда держала Маленького принца, кормила его или укачивала. Его крики, даже пронзительные, звучали для нее словно музыка. Сигрид наблюдала, как она ухаживает за ребенком, и всегда была готова помочь, но никогда не вмешивалась. Сигрид любила Маленького принца почти так же, как и его мать. Габриэлла поняла это по тому, как женщина смотрела на мальчика, держала его, ворковала с ним даже во время работы.

К концу второго дня приготовлений город уже казался полупустым. Габриэлла стояла на своем балконе, обхватив себя руками, холодный ветер пронизывал ее насквозь. На улицах внизу почти не было света, несмотря на ветреную темноту. Из многих дымоходов не шел дым. Она знала, большинство из тех, кто остался в городе, готовились покинуть свои дома на следующее утро, присоединившись к королевской свите, направляющейся в Херренгард. Девушка не могла избавиться от ощущения, несмотря на уверенные слова своего отца, что этот вид опустевшего города и путешествие, которое вскоре должно последовать, сигнализировали приближающийся конец Камелота.

— Ты был нужен городу, — прошептала она, взывая к памяти своего мужа. — Им был нужен герой, как ты и говорил. Ты был прав. Возможно, ты действительно был нужен Камелоту больше, чем мне. Но ты мне обещал... — Она медленно покачала головой. — Ты обещал мне. И я поверила.

Где-то там, негодяй, который заставил Дэррика нарушить свое обещание, был жив и здоров. И он приближался, наступал, чтобы сделать с остальными то же, что он уже сделал с ее мужем. Если он их найдет, он не пощадит никого. Даже ее ребенка.

— Мы собрали вещи, принцесса, — объявила Сигрид, открыв балконную дверь ровно настолько, чтобы ее слова были услышаны. — Маленький принц спит. Ты тоже должна вздремнуть. Утро настанет быстро.

Габриэлла не двигалась некоторое время. Наконец, она повернулась к свету, идущему из ее комнаты.

— Спасибо, Сигрид. Спокойной ночи.

Старая женщина слегка нахмурилась и моргнула, как будто что-то почувствовав в лице принцессы. Она стояла, сгорбившись в дверях, наблюдая за ней.

Габриэлла снова заговорила, спокойным тоном.

— Спокойной ночи, Сигрид.

Сигрид выпрямилась. Все еще хмурясь, она кивнула. Через мгновение дверь на балкон

закрылась, и она ушла.

Габриэлла подождала несколько минут. Когда она вернулась внутрь, она закрыла и заперла двери балкона за собой. Маленький принц тихонько посапывал в своей кровати. Габриэлла откинула волосы со своей щеки и нагнулась взглянуть на него. Потом она повернулась и задумчиво посмотрела на сумки, сложенные рядом с дверью. Она медленно нахмурилась.

Так тихо, как только могла, Габриэлла вышла из спальни, оставив дверь приоткрытой, и направилась в общий зал в верхней части лестницы. Огонь в огромном каменном очаге разожгли на ночь, и он горел, обеспечивая комнате единственное освещение. Прямо напротив камина, мягко сверкали на своей подставке ее боевые доспехи. Она приблизилась к ним, нахмурившись, и положила руку на нагрудник. Металл был холодным на ощупь. На золоте и стали не было ни царапины. В конце концов, такое экстравагантное вооружение было предназначено скорее для показа, чем для настоящего боя. Все знали это.

Позади нее по лестнице прозвучали легкие шаги, а затем остановились.

— Ваше Высочество, — тихо и осторожно произнес мужской голос. Она узнала его, даже не оборачиваясь. Это была слуга Дэррика, Брайс.

— Да, — ответила она, все еще касаясь металла своей брони.

— Извините, принцесса, — нерешительно обратился к ней Брайс, по-видимому, борясь с самим собой. — Я знаю, вы не хотели услышать мой рассказ до конца. Я полностью понимаю. Но...

Она повернулась теперь, глядя через плечо на этого человека. Он был всего лишь на год или два старше ее. Она помнила его по академии.

— В чем дело, Брайс? — осторожно спросила она.

Он сжал губы, все еще стоя на верхней ступеньке лестницы, а затем быстро вздохнул и решительно сказал:

— Я подумал, вы должны это узнать, ваше высочество, — продолжил он, подняв глаза, чтобы встретиться с ее взглядом, — ваш муж, сэр Дэррик, он... он умер с достоинством. Он был храбрым. Он не дрогнул и не умолял, даже после того, как сэр Ульрик был убит прямо перед ним.

Габриэлла знала это, конечно, но услышать этот факт о нем от человека, который стал свидетелем его гибели, было неожиданно. Глубокая боль пронзила ее сердце.

— Спасибо, Брайс, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. Она уже хотела снова вернуться к своим доспехам...

— Там было кое-что еще, Ваше Высочество, — сказал Брайс другим голосом.

Габриэлла остановилась, но не обернулась. Она ждала.

— Когда Меродах убил его... — продолжал Брайс, тщательно подбирая слова, — когда... когда сэр Дэррик был уже мертв, этот мерзавец увидел что-то на нем. Он взял это.

Габриэлла почувствовала волну внезапного холода, спустившуюся на нее, заполняющую ее и твердеющую в ее глазах.

— Говори, — сказала она спокойно.

— Это была... подвеска, — ответил Брайс тихим голосом. — Какой-то знак. Темный, но с зеленым камнем, вставленным в него. Меродах, казалось, сильно заинтересовался им, как будто он знал, что это было, или как будто это было... важно для него каким-то образом.

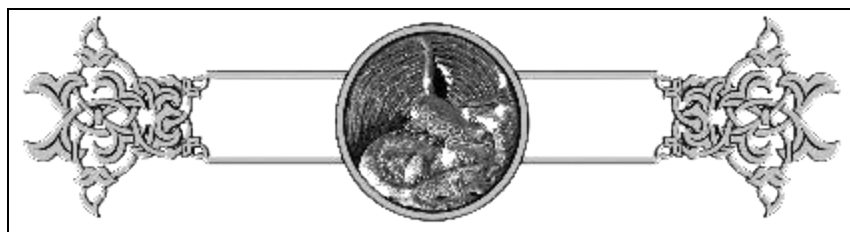
Габриэлла все еще стояла спиной к слуге. Ее лицо было маской холодного гнева. Мягко она произнесла:

— Спасибо, Брайс. Спокойной ночи.

Брайс посмотрел на нее мгновение. Она почувствовала это. Потом его шаги снова зазвучали, спускаясь назад, откуда он пришел.

Она подняла руку, прикрывая сигилу на своей груди. Как всегда, она была теплой, ее металл был грубым и тяжелым.

Она отпустила подвеску и начала собирать свою броню.

— Сигрид, — резко прошептала Габриэлла, встряхивая женщину в ее постели. Комната няни примыкала к ее собственным покоям, свет от открытой двери ложился золотой лентой по полу. — Сигрид, пожалуйста, проснись. Мне нужно, чтобы ты сделала кое-что.

Сигрид забормотала сонно, а затем вздрогнула, полностью просыпаясь в считанные секунды. Она села в своей постели, широко распахнув глаза.

— Что случилось? На нас напали?

Габриэлла покачала головой.

— Нет, но ты должна уехать. Немедленно. Этой ночью.

Сигрид быстро моргнула, качая головой в замешательстве.

— Но поездка в Херренгард намечена на утро. Я не...

— Ты не можешь поехать в Херренгард, — прервала ее Габриэлла, крепко схватившись за плечо Сигрид. — Это ловушка. Люди Меродаха будут уже там, или нападут на караван по пути.

Сигрид нахмурилась в смятении.

— Но король...

— Мой отец отказывается слушать. Он был предупрежден, но он не изменит свой план.

— Я не понимаю... кто предупредил его? Почему...

— Я предупредила его, Сигрид, — прошипела торопливо Габриэлла. — Дэррик погиб, пытаюсь спасти всех нас, а мой отец отказывается верить в это. Его Совет такой же упрямый и самонадеянный, как и тот идиот Ульрик!

— Не говори так о мертвых! — тут же укорила ее Сигрид с растущей тревогой. — Габриэлла, ты меня пугаешь. Что это... ты...

Ее глаза расширились.

— Ты надела свои...!

Габриэлла плотнее затянула свой плащ вокруг плеч. Нагрудник ее доспехов блеснул в тусклом свете.

— Мне жаль, Сигрид, — сказала она, печально качая головой. — У меня нет времени, чтобы объяснять дальше. Ты должна уехать сегодняшней ночью. Возьми Трейнора с собой и скажи ему, это мой приказ. Бегите в Амарант. Там вы будете в безопасности. И Сигрид... — она остановилась, с трудом сплотнула и продолжила, понизив голос. — Вы должны взять ребенка с собой.

Сигрид еще больше нахмурилась, когда бремя просьбы принцессы опустилось на нее.

— Ты считаешь, что те, кто будут в караване, погибнут, — выдохнула она. — Король и все, кто сопровождает его. Но... ты не можешь...

— Пожалуйста, Сигрид, — умоляла ее Габриэлла. — Нет времени. Вы должны уехать сегодня ночью!

— Но это безумие! — прошептала Сигрид, сбросив с себя одеяло и опустив ноги на пол. — Что ты собираешься делать? Если бы я не знала тебя, я бы решила, что ты отправляешься искать возмездия! Ты же не можешь...

Лицо Габриэллы потемнело. Она встала в полный рост и сделала шаг назад.

Лицо Сигрид побледнело, это видно было даже в темноте.

— Это безумие! — прохрипела она. — Принцесса, я отказываюсь... Я... Я запрещаю это!

Габриэлла ничего не могла с этим поделать. Она улыбнулась, несмотря ни на что.

— О, дорогая Сигрид, я так люблю тебя.

— Прекрати, — твердо сказала Сигрид, вставая и приближаясь к принцессе. — Пожалуйста, Габриэлла! Ты нужна своему ребенку!

— Это ради него я уезжаю, Сигрид, — серьезно настаивала Габриэлла, встретившись с глазами женщины в темноте. — Ради него и всех остальных. Но ты должна уехать сегодня вечером. Возьми Маленького принца и Трейнора. Вам нужно будет еще найти кормилицу, но вы должны поспешить. Отправляйтесь в Амарант и спрячьтесь там. Я найду вас, когда я закончу свое дело, если я смогу...

— А если не сможешь? — потребовала Сигрид. — Что тогда?

— Тогда ты должна вырастить его, — ответила Габриэлла. — Ты должна стать его матерью, так же, как ты была моей, в конце концов. Держи его происхождение в секрете. Пусть никто не узнает, что он является последним из линии королевской семьи Камелота. Для его же собственной безопасности. Обещай мне, Сигрид.

Сигрид в отчаянии кусала губы. Потом она покачала головой.

— Я не могу, принцесса, — ответила она, с несчастным видом протягивая к ней руки. — Это слишком. Это не мое...

— Обещай мне! — прошипела Габриэлла, хватая за руки женщину. — Ты единственный человек, которому я могу доверять!

Сигрид покачала головой, опустив глаза. Затем, очевидно, собрав всю свою волю, она сделала глубокий вдох. Не поднимая головы, она кивнула.

— Я сделаю, что смогу, принцесса. Ради тебя и Принца.

— Спасибо, — выдохнула Габриэлла, выпуская руки Сигрид. — Спасибо.

— Куда ты едешь? — спросила Сигрид тихим голосом. — Скажи мне, хотя бы это.

Габриэлла остановилась, повернувшись к двери.

— Перед тем как уйти, мой муж сказал мне, — ответила она слабо, — что народу нужен герой.

Серьезность ее слов повисла в воздухе, как звон колокола. Наконец, она пошевелилась. Подошла к двери. Не оглядываясь, она выскользнула в коридор.

Она была уже на полпути вниз по лестнице, слегка гремя своей броней из золота и стали, взяв с собой только небольшой заплечный мешок с запасами и одеждой, когда она услышала, как дверь открылась у нее над головой. Она остановилась, держа одну руку на перилах, и взглянула вверх.

Сигрид смотрела сверху вниз на нее, ее лицо приняло мрачный вид решимости.

Медленно, она глубоко вздохнула и открыла рот.

— Охра-а-ана-а-а! — закричала она, оставляя все, что могла, позади, так что ее голос дрогнул от усилия. — Охрана! Принцесса в опасности! Сюда! СКОРЕЕ!

Габриэлла не теряла ни секунды. В следующий момент она неслась во весь дух вниз по лестнице, бормоча про себя ругательства. Сигрид продолжала поднимать тревогу. Позади нее, отзываясь удаляющимся эхом, присоединился к поднятому шуму и разбуженный Маленький принц.

Габриэлла метнулась под лестницу, через передний зал и вниз по узкому коридору. На кухне не было никого из охранников, и двери для слуг были широко распахнуты в окружении дорожных мешков с едой, подготовленных для путешествия. Холодный воздух, наполненный шепотом ночи, ворвался внутрь.

— Кто идет? — крикнул вдруг кто-то невидимый, когда Габриэлла выскочила в задний двор. — Кто это, я спрашиваю? Охрана!

Позади нее в окнах замка начал зажигаться свет. Габриэлла старалась не смотреть назад. Перед нею маячили конюшни, пахнущие сеном и конским навозом. Она пробежала через двери и остановилась, тяжело дыша. Фонари внутри не горели.

— Принцесса пропала! — крикнули поблизости, их голоса эхом прокатились по двору.

— Там! — закричал другой голос. — Я только что видел, как кто-то пробежал мимо, покидая замок! Шпион!

— Сюда!

— Обыщите конюшни, но остерегайтесь засады! Может быть, злодеи уже среди нас!

Двое солдат побежали к двери конюшни, занимая позиции по обе стороны. Они осторожно вынули свои мечи.

— По моей команде, — прорычал тот, кто был слева, кивая в сторону входа. — Один... два...

Лошадь вырвалась через открытую дверь, уже на полном скаку. Низко пригнувшись, ее всадник управлял ею умело, хотя и отчаянно, видна была только его темная фигура и развевающийся плащ. За считанные секунды, лошадь и всадник промчались в сторону дворцовых ворот, оставленных открытыми в подготовке к завтрашней поездке, и исчезли в темноте улиц.

— За ним! — громко скомандовал первый гвардеец. — Обыщите город! Возможно, сама жизнь принцессы поставлена на карту!

Но было слишком поздно, и оставшиеся гвардейцы знали об этом. К тому времени, когда они оседлали своих лошадей, шпион — кем бы он ни был — давно уже исчез.

Проносясь через тихий туман городских улиц, Габриэлла отчаянно цеплялась за поводья. Броня гремела и болталась на ее теле, пока ее лошадь скакала во весь опор, обнажив зубы, дико выкатив глаза на луну.

Менее чем через минуту она была за пределами города, на главной дороге, и спускалась в темный холод ночи, не оглядываясь назад.

Габриэлла проехала оставшуюся часть ночи, повернув на запад, подальше от дороги, и ориентируясь по большой северной звезде. После ее первоначального, внушительного побега, она вскоре была вынуждена осторожно пробираться по случайным тропам, оленьим следам, и даже через нетронутый лес. Холодный ночной воздух остудил ее пот и вызвал мелкую дрожь, пока она продвигалась вперед, все еще не уверенная точно, куда она собиралась ехать, и как она туда доберется. Одно Габриэлла знала наверняка — она должна была держаться западного курса — направления, с которого возвратились остатки армии.

Наконец, когда небо за деревьями начало бледнеть, окаймленное жемчужно-розовым светом, Габриэлла остановилась. Она была истощена, как из-за недостатка сна, так и ее длительной поездки. Она соскользнула с лошади, устало похлопав ее по боку, и бросила поводья на ветку. Ноги ее тряслись, и все тело нестерпимо болело от чрезмерной скачки, случившейся так скоро после тягот родов.

Оставив лошадь, она открыла свой легкий мешок, раскатала одеяло на влажной от росы земле, и упала на него замертво. Через минуту она перекатилась на спину и устала на розовеющее небо, виднеющееся через кружево ветвей и увядающей листвы.

«Немного вздремну, — пообещала она себе. — Всего несколько часов. Это все, что я могу себе позволить. Я должна спешить, если я хочу попасть туда вовремя...»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но вопреки своим мыслям, несмотря на бугристую прохладу земли и росу, которая падала отовсюду, ее глаза закрылись.

Розовый край горизонта озарился, распространяясь во все стороны, а затем засиял в свете восходящего солнца. Роса засверкала на траве и опадающих сухих листьях. Вскоре воздух стал нагреваться, и роса превратилась в туман. В деревьях запели хором птицы, начиная с щебетания, а затем переходя в неумолкающую какофонию голосов.

Звук легких шажков послышался из травы рядом с Габриэлкой. Сухая листва разлетелась, и появился нос, гладкий и красный, подергивающиеся усы, а затем черные глаза лисицы. Лисица поглядывала на спящего человека на некотором расстоянии и поскуливала про себя. После некоторой внутренней борьбы, известной только ей, она проворно выпрыгнула из кучи листьев — ее ноги в черных чулках бесшумно двигались по траве — и стала осторожно приближаться, то рыча, то тихо повизгивая. Она подняла голову, всмотрелась в блеск чего-то зеленого и затихла. Блеск исходил из тени у горла спящего человека.

Более уверенная теперь, лисица подошла. Она остановилась возле головы Габриэллы, понюхала ее волосы и щеки. Видимо удовлетворенная, она наострила уши и огляделась, ее блестящие глаза осмотрели туманную долину. Наконец, она аккуратно улеглась, свернувшись вокруг головы Габриэллы и спрятав свой хвост под подбородком девушки, где он соединился с черным носом лисы. Лисица глубоко вздохнула и засопела, выпуская воздух, а затем расслабилась в поднимающемся солнце.

День начался. Под ним, беспомощно и тревожно, в сопровождении своего странного товарища, спала Габриэлла.

Когда она проснулась, солнце было огромным, золотым шаром, на полпути между горизонтом и сапфировым куполом неба.

Все тело ныло и онемело, но она мгновенно встряхнулась, заставляя себя встать, и свернула одеяло. Странные сны еще занимали ее мысли, фантастические видения Дэррика и Маленького принца, Сигрид, зовущей охрану, себя самой, пойманной ими и вынужденной идти с ними в Херренгард, где смерть ожидала их всех. Еще более странно, она вспоминала видения, словно за ней наблюдали во сне, как будто все виды существ, от суетливых пауков до больших лесных зверей, пробирались мимо нее, роняя свои дикие мысли в ее спящую голову. Нетерпеливо, она потрясла головой, проясняя ум и готовясь к наступившему дню.

Габриэлла была ужасно голодна и жаждала горячей ванны, и больше всего на свете она чувствовала глубокий, внезапный страх, что было уже слишком поздно, что ее путешествие был обречено.

— Перестань, — приказала она сама себе, запихивая одеяло в свой мешок и откапывая там ломоть хлеба. — Просто продолжай двигаться. Все остальное не имеет значения.

Ее сумка была чрезвычайно легкой, она содержала лишь небольшой запас из кухни замка, кремень, фляжку и несколько монет. Она порылась на дне в поисках кожаного ремешка для волос, и наткнулась на тяжелый предмет, завернутый в ткань. Он коснулся ее руки, и она со вздохом вытащила предмет.

Конечно, Габриэлла взяла его не из кухни замка. Она взяла его из академического собора. Она отправилась туда за ним прошлой ночью, после того как сложила свои скудные припасы, но прежде, чем надела свои доспехи и собралась разбудить Сигрид. Это была свеча Дэррика, взятая из его семейной ниши в галерее собора. Габриэлла ощутила ее маленькую, плотную форму, и даже хотела развернуть ее на мгновение, но затем отказалась от этой идеи. Она спешила, в конце концов. Достаточно было просто знать, что свеча там, с ней, даже если это в действительности только символ. Девушка поместила сверток обратно в сумку и туго затянула узел.

И тем не менее, это чувство закрадывающегося беспокойства все нарастало. Наконец, когда она встала и закинула за плечи сумку, наклонив голову, чтобы услышать звук ручья, который она знала, находился рядом, Габриэлла поняла, что произошло.

Угол солнца указывал не на позднее утро, а на ранний вечер. Она проспала почти целый день.

Стон панического разочарования раздался из глубины ее горла. Она повернулась на месте, а потом поняла, что все даже хуже. Ее глаза расширились из-под спутанных прядей волос.

— Нет! — сказала она полупшепотом, качая головой в отрицании. — Нет! Как я могла быть настолько глупой?

Габриэлла пробежала несколько шагов туда и сюда, лихорадочно вглядываясь сквозь деревья. Через минуту ее ноги с плеском попали в ручей, который она первоначально искала. Теперь это было маленьким утешением.

Ее лошадь исчезла.

Она хлопнула себя рукой по лбу, запустила пальцы в волосы, и испустила гортанный крик смешанного гнева и отчаяния. Она не привязала лошадь как следует, когда остановилась отдохнуть. Вероятность была велика, что лошадь уже вернулась обратно в конюшни замка.

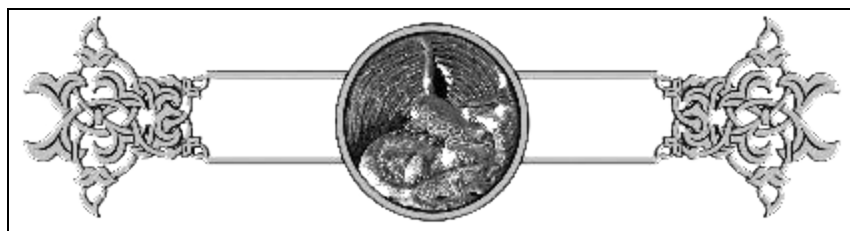
Ей придется идти остаток пути пешком.

После нескольких минут бесполезной ярости Габриэлла заставила себя успокоиться. Все еще негодуя, она встала на колени у ручья, плеснула водой на лицо, убрала волосы назад в спутанный, но практичный хвостик, и вновь взвалила на плечи свой мешок. Мгновенно оценив угол тени и высоту солнца, она отправилась в путь.

Она молода, напонила Габриэлла себе. Она могла путешествовать гораздо дальше в течение дня, чем любое подразделение армии с его запасами и арсеналом. К тому же, она не пойдет по тому пути, по которому шла армия. Они были вынуждены двигаться основными дорогами и трактами. Что более важно, они не смогли подойти к Меродаху по прямому маршруту. Они сделали крюк через Развалины, Перевал Гобрэмгит, и Долину Бродмур, и наконец, приблизились к лагерю Меродаха в каменистых предгорьях горы Скелтер.

Теперь, однако, Меродах и его армия были в пути. У Габриэллы не было времени воспользоваться длинным маршрутом, особенно если она вынуждена путешествовать пешком. У нее не было выбора, кроме как добраться до этого человека как можно быстрее. Для этого ей придется срезать путь — пойти самой лучшей и самой кратчайшей дорогой, которую можно себе представить.

Она отправится прямо через проклятые земли Штормовой Пустоши.

Солнце постепенно сползло вниз, в то время как Габриэлла брела дальше, делая приличные успехи даже без своей лошади. Пока что ее путь вел через такой густой лес, что она нисколько не выиграла бы времени, путешествуя верхом. Тьма от деревьев скрывала дневной свет, внимая наступившему вечеру, и Габриэлла решила, что она будет продолжать идти и ночью, при свете звезд, чтобы наверстать упущенное время. Пока она шла, она съела почти весь хлеб и сушеную оленину из своей сумки, заботясь только о том, чтобы съесть достаточно для поддержания силы. К счастью, по пути ей попадались многочисленные ручьи, позволяя ей пополнять и сохранять необходимый запас воды в ее фляжке. Они часто проходила мимо диких кустов ежевики, которые она собирала и питалась, даже когда шла.

Медленно и прочно ночь обживалась на небе. Расстояние между деревьями стало увеличиваться. Огромные, древние дубы толщиной с колонны, с покрытыми мхом стволами, начали уступать место молодым березкам и елям. Воздух остыл и наполнился движением, поднялся ветер. Разноцветные опавшие листья хрустели и шуршали под настойчивыми шагами Габриэллы, время от времени поднимаясь на ветру и улетая прочь, как испуганные птицы.

Она начала видеть признаки человеческой деятельности. Появились поляны, покрытые

пнями, часто попадались маленькие хижины или домики с зажженными свечами в окнах и тонкими струйками дыма, выходящего из каменных дымоходов. Их она обходила вокруг, подавляя желание подойти, постучать в тяжелые двери и попроситься на ночлег, получить даже простую соломенную постель и чашку горячего бульона. Но она устояла. Она должна была двигаться дальше. В какой-то степени, несмотря на серьезность своей миссии, она боялась, что, если она остановится один раз, даже для малейшего комфорта, для нее может оказаться вдвойне трудно начать путь снова.

«Ради Маленького принца, — думала она, заставляя себя идти вперед. — И ради Сигрид, и моего отца, и всех остальных».

А затем добавляла более мрачно:

«И ради Дэррика. И Рисс. Ради их памяти и мести...»

Она вынуждала себя идти вперед, пока месяц дугой висел в небе над деревьями, отбрасывая холодный свет и создавая свои собственные причудливые тени на земле.

Время от времени сквозь подлесок стали проглядывать залежи серых горных пород в виде бугорков и острых выступов. Габриэлла проходила мимо них с растущим трепетом, зная, что она приближается к самым удаленным границам жуткой Штормовой Пустоши. Чем дальше она продвигалась, тем меньше человеческих поселений она обнаруживала. Этот факт, наряду с порывистым ветром и безмолвным взглядом луны, наполнял ее тихим ужасом. Тем не менее, она не остановилась и не замедлила шаг. Она придерживалась намеченного пути, несмотря на ее невыразимый страх.

Ходило много историй о Пустоши. Большинство из них, напомнила она себе, были чистой фантазией, изобретенной ради забавы, чтобы рассказывать за полуночными посиделками у очага в безопасных стенах таверн и замков. Возможно, только небольшая доля этих сказок были правдой.

Но ее не переставал мучить вопрос, какая именно доля?

Непроизвольно в ее памяти всплыли старые легенды, которые она слышала еще когда была очень маленькой девочкой. Бесплодная степь была проклята древней черной магией, как утверждали эти истории, она являлась свидетельством тех дней, когда там сражались волшебники, выжигая землю самыми худшими и самыми изобретательными боевыми заклинаниями. Магия, заразившая скалы и равнины, так и не рассеилась, но проникла в землю, как кислота. Она незримо скапливалась в пещерах и оврагах, прорастая в самой траве, отравляя существа, которые питались ею, и превращая их в жутких мутантов.

Хуже того, легенды гласили, что магические армии использовали для своих целей мистических существ — драконов и кентавров, эльфов и гоблинов, великанов и циклопов, а также чудовищных пауков, ходячие деревья и горных троллей с кулаками величиной с глыбу. Многие из этих существ были оставлены, и они блуждали по Пустоши на протяжении многих веков, в безумии и злобе нападая на неосмотрительного путника.

Но, что ужаснее всего, мифы шептали об армиях мертвецов, которые до сих пор бродили по равнинам, проклятых призраках, отвергнутых даже адом, вечно марширующих в поисках врага, чтобы убить и сожрать его, принеся себе в жертву.

Не может быть, чтобы самая худшая из историй оказалась правдой. Как и большинство легенд, реальность была, конечно, не такой ужасной, как сказки, которые выростали вокруг нее. Даже сегодня, отчаянные авантюристы время от времени отправлялись в Пустошь в поисках артефактов и сокровищ, остатков магии, которые можно использовать для собственной выгоды. Многие из них вернулись, имея в избытке безумные истории и желая

произвести впечатление на своих покорных слушателей. Конечно же, без преувеличений не обойтись. Но вероятно, самое худшее, что можно было ожидать от этих бесплодных степей — это нехватка питьевой воды, случайный могильный холм с наложенным на него проклятием или нападение дикой кошки.

Габриэлла говорила себе эти вещи, в то время как ночь сгущалась вокруг нее, а деревья утончались, становясь чахлыми и голыми. Она продолжала путь, и земля, как ей смутно казалось, уходила постепенно вниз, растительность исчезала, уступая место все более крупным участкам мертвых камней и щебня.

Ей встречались древние места стоянки, которые выглядели как черные отметины, где когда-то горел костер, окруженный разбросанными мелкими костями. Однажды она натолкнулась на заброшенную хижину, почти похороненную в зарослях плюща, разделенную пополам скрюченным дубом, выросшим через ее крышу. Над открытым дверным проемом давным-давно были нанесены символы, но теперь они исчезли в волнующую неизвестность. Габриэлла обошла вокруг, держась на расстоянии и стараясь не думать о том, что это наклонившееся строение наблюдало за ней, пока она проходила мимо.

Высокая, желтая трава стала преобладающей чертой пейзажа, усеянного лишь изредка низкорослыми деревьями и чахлыми кустарниками. Трава деловито покачивалась, когда ветер проносился через нее, создавая тысячи шепчущих голосов, похожих на слова.

Луна, взгромоздившаяся на небо, висела словно фонарь высоко над головой. Тень Габриэллы двигалась рядом с ней, короткая, но отчетливая, как чернильной призрак.

Она устала и проголодалась. Холод затянувшегося ночного бдения уже начинал тяготить ее. Девушка остановилась, наконец, в центре океана шелестевшей травы и решила прилечь на нескольких часов. Теперь она, должно быть, находилась очень близко к границе Пустоши, а ей не хотелось закрывать глаза в пределах этого проклятого места даже на одну ночь.

Габриэлла немного перекусила, раскатала свое одеяло, а затем, с мучительной болью избавившись от доспехов, легла.

Она страстно желала зажечь костер, но была слишком измучена, чтобы найти хворост и использовать камень для разведения огня. Однако, даже в холоде она чувствовала едва уловимое тепло подвески вокруг своей шеи. Возможно, это было ее воображение, но, казалось, от сгиллы с соколом исходил волнами жар, неся ей утешение и успокаивая ее дрожь. Такое невозможно, конечно, но она не отвергла ее помощи, даже если это было всего лишь вымыслом ее изможденного ума. Рядом с ней, весело подпрыгивая на ветру, висел в паутине между двумя стеблями паучок. Габриэлле казалось, что он приглядывает за ней, напомнив ей паука в стенах замка, того, который нанес ей короткий визит в ночь убийства Рисс.

— Присматривай за мной, дружок, — прошептала она, отворачиваясь. — Будь моим охранником этой ночью.

Она лежала в высокой траве, медленно моргая, испытывая пугающее чувство дежавю. Ей казалось, что она слышит школьный колокол, слабо доносившийся под порывом ветра, чувствует склон холма под собой, ведущий вниз к ручью долины и мосту возле замка. Она закрыла глаза и вспомнила тень Дэррика, когда он был еще мальчиком, его грязное лицо и растрепанные волосы, вырисовывающиеся на фоне солнца.

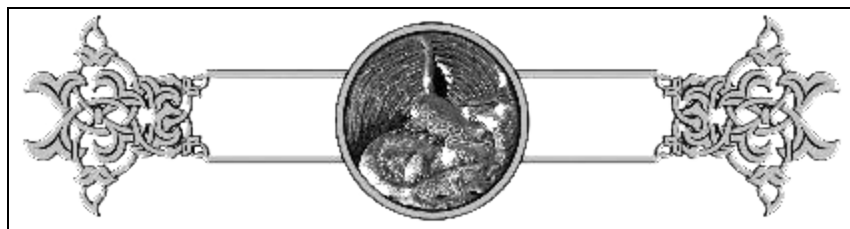
«Это был ветряной порошок... Я не расскажу никому, если ты дашь мне немного».

Она всегда хорошо ладилась с магическими инструментами и зельями. Именно поэтому

ей всегда удавалось вызывать ветер с помощью волшебного порошка, или перебирать струны зачарованной арфы, или произносить заклинания, порождающие дымчатые видения. Тоф всегда говорил ей, что у нее талант в магическом искусстве.

Она закрыла глаза. Мимолетно она ощутила память о первом, порывистом поцелуе Дэррика в уголке ее рта как обещание, что хорошие дела еще ждут впереди. В ее памяти, она прикрыла тот поцелуй своей рукой, когда он побежал к академии, озорно ухмыляясь.

На самом деле она уже спала посреди мертвой травы и бледного лунного света приграничья. Паук, не шевелясь, наблюдал за ней, мерно покачиваясь на ветру.

Следующее утро выдалось ярким и солнечным, разбудив ее пылающим оранжевым светом. Она села, продрогшая до костей, и снова испытывающая ужасный голод. Моргая и потирая глаза, она посмотрела вокруг.

Небольшая горсточка ягод лежала поблизости, на самом краю смятых стеблей ее бывшей постели. Она глядела, нахмурившись, на них сверху вниз. Ягоды были крошечные, яркие, сложенные аккуратной кучкой красного и темно-фиолетового. «Дикая бузина и малина», — подумала она. Были даже несколько желудей среди этой смеси, как будто кто-то или что-то, оставившее эти припасы, было немного не уверено в том, что, собственно, существо вроде Габриэллы лучше всего предпочитает на завтрак.

Она подняла глаза и огляделась, всматриваясь в колышущиеся стебли травы. Но больше ничего не было видно, кроме нескольких отдаленных деревьев и тощих кустарников.

Девушка осторожно потянулась за ягодами, взяла одну. Она сунула ее в рот и пожевала задумчиво. Кто бы их ни принес, они были крайне вкусными. Ее живот жадно заурчал в ответ, и она быстренько зачерпнула оставшуюся часть кучки. Ягоды были методично съедены, остались только желуди. Габриэлла решила попробовать один, даже подержала его между зубами. В конце концов, однако, она решила сохранить их на тот случай, когда она будет менее удачливой во время своего путешествия. Она опустила желуди в свой мешок, встала и потянулась в утреннем солнечном свете.

Кем бы ни был ее таинственный благодетель — и каким бы странным это, конечно, ни казалось — это пробуждение сильно отличалось от того, что она ожидала. Возможно, магия этого странного места, так близко расположенного к Штормовой Пустоши, была не совсем темной в конце концов.

Если, конечно, ягоды не были отравлены.

Размышляя об этом немного обеспокоенно, она снова отправилась в дорогу.

Травянистая долина продолжалась в течение некоторого времени, отливая золотом в утреннем свете. Ей повстречался еще один ручей, бегущий тонкой струйкой через круглые, пурпурного цвета камни, девушка остановилась, чтобы освежиться. Заполняя свою фляжку, она с осторожностью подумала, что вода, возможно, не будет проблемой, пока она будет пересекать степь. Но в еде, однако, вскоре может оказаться недостаток при условии, что ее странный ночной благодетель не появится снова. Она ломала голову над его загадкой,

двигаясь все дальше и дальше.

Вскоре после полудня Габриэлла заметила на горизонте какое-то строение. Оно неравномерной формой выступало вверх, и в чем безошибочно угадывались очертания развалин. Оно было слишком мало, чтобы быть замком, но слишком большим, чтобы быть простой хижинкой. Когда девушка приблизилась, щурясь на безжалостном полуденном солнце, предмет начал принимать форму давно забытой таверны. Основное здание стояло лишенное какой-либо крыши. Его кирпичные и каменные стены выглядели голыми словно кости в траве. За ним, почти полностью скрытая плющом, криво наклонившись на беспрестанном ветру, виднелась конюшня. Наконец, подойдя к тени древнего сооружения, Габриэлла выхватила взглядом остатки колодца. Ведро давно исчезло, а каменная кладка к несчастью обрушилась внутрь.

Приблизившись к главному зданию, она замедлилась. Часть ее хотела войти, чтобы поискать какие-либо запасы или инструменты, которые могут быть полезными. Другая часть ее, гораздо глубокая и менее выразительная, настаивала на том, что она должна держаться подальше от этого места.

«Оно проклято, — вдруг подумала она, как будто эта идея пришла к ней из самого воздуха вокруг нее, шепчущего и постанывающего сквозь кости старой гостиницы. — Что-то ужасное произошло здесь. И по-моему, я знаю, почему. Это граница. Это был последний форпост человечества, прямо на краю Пустоши, дающий приют искателям приключений и охотникам за волшебными сокровищами. Он действовал некоторое время, может быть, даже десятилетия, но в конце концов, Пустошь потребовала и его, полностью и безвозвратно».

Габриэлла сделала шаг назад. Обычно она гордилась тем, что не была суеверной. Это чувство, однако, было больше, чем пустая нервозность, которую она ощущала, огибая заброшенную хижину днем раньше. Это было похоже на запах в воздухе или слабую пульсацию, только неуловимую слухом, но тем не менее ощутимую. «Держись подальше», — словно предупреждали ее, без всякого сомнения. Она решила, что это хороший совет.

Девушка сделала широкий круг вокруг сооружения, не спуская с него глаз ни на секунду. Скелет огромной лошади лежал в бурьяне рядом с таверной. Трава шелестела и стенала сквозь обнажившиеся ребра. Ее череп, казалось, имел три глазницы. Но это, конечно, было иллюзией. Она взглянула снова и почувствовала, как у нее стынет кровь при виде этого, а затем отвернулась.

Здание было совершенно неподвижным и тихим, когда Габриэлла обошла его со всех сторон, и тем не менее, оно не казалось мертвым. Девушка вздрогнула, не в силах избавиться от ощущения, что тишина была лишь фасадом, и таверна смотрела на нее пустыми черными окнами и дверными проемами, оценивая ее, решая позволить ли ей пройти мимо.

Наконец, к счастью, она осталась позади. Габриэлла шла дальше, оглядываясь через плечо, боясь упустить из виду ее недремлющую пустоту, пока не оказалась достаточно далеко от этого места. По мере того как таверна уменьшалась на расстоянии, девушка почувствовала, что сила ее взгляда, кажется, начинала ослабевать. Она глубоко вздохнула, отвернулась от нее в последний раз и продолжила свой путь.

Она вошла в Пустошь. Мертвая степь вытянулась перед ней как каменный океан, нетронутая деревьями, переливающаяся волнами желтой травы. Пелена одиночества заполняла пространство, простираясь повсюду до плоского горизонта.

Габриэлла двинулась дальше.

Она пела про себя, просто чтобы заполнить пустоту тишины. Она вспоминала каждое сказание барда, которое могла вспомнить, и цитировала отрывки, которые ей больше всего понравились. Ее голос звучал безупречно в отсутствие эха, и чисто, как серебряные колокольчики в абсолютной пустоте. Однако, в конечном счете даже звук ее собственного голоса начал пугать ее. Она замолчала и побрела вперед, оставляла след из сломанных стеблей позади себя.

Иногда, трава уступала место обширным участкам гладкой, потрескавшейся горной породы, некоторые из которых были больше, чем двор замка, в котором она выросла. Здесь ничего не росло, и все же, время от времени, ей встречались странные каменные пирамиды, отбрасывающие на солнце резкие тени. Некоторые пирамиды были почти такими же высоким, как и она, и выглядели такими неустойчивыми, что казалось, малейшее дуновение ветра могло опрокинуть их. В другой раз, ей попадались каменистые выступы с вырезанными на них древними символами, некоторые были настолько велики, что она могла различить их даже стоя в центре. Словно они были предназначены для того, чтобы их можно было увидеть с высоты, самими птицами в воздухе. Ни один из символов не имел никакого смысла для нее, даже те, которые были достаточно малы, чтобы увидеть их целиком, и все они оставляли у нее странное чувство, вызывающее дрожь даже в теплоте осеннего солнечного света.

Наконец, солнце начало опускаться, бросая ее тень вперед. Габриэлла следовала за ней, наблюдая как она растягивается дальше и дальше. Желтая трава приобрела медный оттенок в свете садящегося солнца. Пейзаж теперь разбавили несколько деревьев, которые выглядели скрюченными и мертвыми. Причудливой формы гигантские валуны торчали из травы, как будто сброшенные огромными метательными машинами многие века назад, оставленные словно фрагменты игры на чудовищной игровой доске.

Габриэлла остановилась возле одного из них и прислонилась к нему, спиной к солнцу, сверкающему на западном горизонте, его красный свет уходил в темную линию земли.

Она вынула фляжку из своей сумки и стала пить небольшими глоточками, стараясь не допустить, чтобы даже капля упала с ее подбородка. Она подумывала остановиться на ночлег. День был долгий и утомительный, и как бы сильно ее не страшило потерянное время, она знала, что она только истратит все свои запасы, путешествуя усталой, когда она была менее работоспособной.

Габриэлла положила сумку и встала на колени рядом с ней. Но прежде чем она успела раскатать одеяло, какое-то едва уловимое чувство овладело ею. Она слегка нахмурилась, а затем опустила руку, прикасаясь к каменистой почве перед собой.

Девушка ощутила глухой звук. Он был очень слабым, и она не могла сказать, слышала ли она его или чувствовала. Оставив сумку, она снова встала и осмотрела степь вокруг себя. Обойдя валун, она взглядела в линию северного горизонта. На первый взгляд, она не увидела ничего. Потом вдалеке она различила облако, которое постепенно росло, будто гонимое ветром. Она наблюдала, прищурившись в умирающем свете, и чувствовала, как ее сердце начинает ускоряться.

Гул стал более заметным, и темные пятнышки под облаком стали принимать очертания. Слишком низкие, чтобы быть всадниками на лошадях, и слишком малочисленные, чтобы быть стадом какого-то местного степного животного. Из-за их размера трудно было судить о расстоянии. Прежде, чем Габриэлла поняла, что происходит, они уже оказались возле нее. Она угрюмо смотрела с замиранием сердца, когда ближайшее существо полностью попало в

ее поле зрения. Это был большой, уродливый зверь с приплюснутой, косматой головой, он скидывал голову и фыркал, его широко расставленные глаза сверкали желтым в свете заката. Витые рога росли по бокам его головы, изгибаясь вниз и наружу. Его копыта взбивали землю, как поршни, поднимая вверх куски взрытой земли и травы на своем пути. Габриэлла узнала это существо из волшебных сказок. Это были быки-мутанты, звероподобные, одичавшие потомки древнего минотавра. Что-то ехало верхом на спине у животного, крепко вцепившись и согнувшись так низко, словно шепча ему на ухо двигаться вперед.

Габриэлла поняла, что существа несутся прямо на нее. Она отступила к соседнему валуну, а затем повернулась и бросилась за камень в страхе, что звери могут растоптать ее в своей спешке.

Она едва успела укрыться за валуном, как первое существо с грохотом промчалось мимо, сотрясая землю и поднимая облако песчаной пыли. Габриэлла прижалась спиной к камню и обняла колени, охваченная ужасом, существо проскочило вперед, неся свою странную ношу. Всадник оказался человеком, но был одет лишь в лохмотья, так что полосы и обрывки ткани развеивались позади. Бледная кожа обтягивала выпирающие ребра, а его сгорбившийся позвоночник проглядывал изредка посреди бешеной скачки. Копна торчавших, черных волос вздымалась между костлявыми плечами всадника.

Остальные звери уже были близко, на бегу сотрясая Габриэлла шумом и грохотом. У каждого существа на спине был всадник, и Габриэлла увидела, что все они были вооружены. Мечи были привязали к поясам на исхудалых бедрах седоков или свисали с их спины, но не было видно ни щитов, ни шлемов.

Укол подозрения внезапно пронзил грудь Габриэллы, вызывая озноб. Что если эти отвратительные существа были на службе Меродаха? Что если это были его передовые силы, брошенные к Херренгарду, чтобы устроить засаду для королевского каравана? Не раздумывая, она вскочила и со звоном металла выхватила свой меч.

Она развернулась, выглядывая из-за валуна и заметила еще троих всадников, с грохотом приближающихся к ней, пасти зверей скрежетали, а седоки свирепо глядели вперед, низко прижимаясь к спинам своих ездовых животных. Габриэлла собралась с духом, повернула меч лезвием вниз, а затем вскарабкалась на валун, представляя в полном виде перед приближающимися всадниками.

— Остановитесь именем принцессы Камелота! — вскричала она, поднимая обе руки, ее меч все еще торчал из правой руки.

Звери ни замедлились, ни уклонились от курса. Пустые лица всадников даже не дрогнули. Ближайшие всадники миновали камень, на котором стояла Габриэлла, один справа, а другой слева. Третий скакал прямо на нее, как будто собирался протаранить головой наклонную поверхность валуна. Габриэлла смотрела, расширив глаза, подавляя желание отскочить с его пути. Она присела и повернула меч в вертикальное положение, держась за рукоять обеими руками.

В последний момент всадник дернул гриву своего зверя, и огромный бык рванулся вверх, разрезая воздух своими передними ногами и, поразительно, опустился на склон валуна. Его горячее дыхание дохнуло прямо в лицо Габриэлле, копыта царапнули камень, снова поднимаясь вверх, чтобы перепрыгнуть.

Габриэлла отпрыгнула в сторону, мгновенно выбрасывая свой меч. Удар пришелся по наезднику, вонзаясь в него, а затем и зверь, и Габриэлла повалились в разные стороны.

Она ударилась о землю и покатила, выронив меч. Мгновение спустя, приземлился зверь, сотрясая землю. Он споткнулся, двигаясь по инерции вперед, перекувырнулся, поднялся на ноги, а затем снова ринулся вперед, направляясь вслед за своими собратьями.

Всадник, однако, свалился. Омерзительная фигура неловко прокатилась по земле, хлопая ногами как плавником, и пытаясь принять вертикальное положение.

Плечо Габриэллы отозвалось пульсирующей болью, когда она приземлилась на него, но девушка вскочила на ноги, схватила свой меч и бросилась в погоню. Бежавшая впереди нее фигура, хрипло дыша, пыталась нагнать зверя.

— Стой! — кричала Габриэлла, задыхаясь. — Я приказываю тебе! Куда вы направляетесь? Зачем? Скажи мне! Я не причиню тебе боль!

Но, как девушка могла ясно видеть, она уже это сделала. Несмотря на его скорость походка человека была неуклюжей, потому что у него не хватало левой руки. Она была грубо отрублена чуть выше локтя. Черная кровь капала из раны, окрашивая остатки его туники.

Габриэлле едва не стошнило, но она не замедлила движение. Она гналась за ним. Он был высокий и нескладный, как молодой человек, хотя и с косматыми, седыми волосами как у старухи. На его оставшейся руке двигались мускулы, он неуклюже размахивал ею, пока бежал.

— Стой, черт возьми! — скомандовала Габриэлла, сделала рывок и схватилась за лохмотья фигуры. Она дернула изо всех сил, и человек споткнулся. Внезапно он развернулся и занес над ней свою уцелевшую руку, словно клешню... Лицо существа было обвисшим и лишенным жизни вокруг разинутого рта, из которого выходило хриплое дыхание со звериным зловонием. Его глаза были мутными, как белый мрамор, и страшно вытаращенными.

Габриэлла выпустила рваную тунику, отшатываясь назад в отвращении. Ее ноги скользнули, и она упала, инстинктивно поднимая меч, вопреки охватившему ее ужасу. Это был не человек. По крайней мере, больше им не был.

Существо тут же остановилось. Даже не взглянув на Габриэлла, оно развернулось и побежало снова, следуя за своими товарищами. Они были уже далеко впереди, просто дрейфующее облако на фоне последних лучей солнца.

Габриэлла по-прежнему держала свой меч и дрожала. Она взглянула на него, заметила пятно черной крови, размазанной по ее середине, и бросила его в ужасе. Она отскочила в сторону, дыхание резкими толчками вырывалось из ее груди.

Страшная фигура была теперь лишь отдаленным силуэтом, все еще бегущим, с кровью, капающей с обрубка его левой руки.

Прежде она думала, что всадники могли быть авангардом, высланным Меродахом, с намерением перехватить караван на пути к Херренгарду. Чем бы они ни были, но они не были человеческой армией. Они были монстрами. Такие существа просто не могли служить Меродаху.

Или могли?

Медленно, все еще дрожа, Габриэлла встала на ноги и снова взяла свой меч. Она вернулась обратно к валуну. Полоса взрытой земли и примятой травы указывала на место падения зверя.

У основания камня в свете заката виднелась отрубленная рука. Кровь, сочившаяся из обрубка тонкой струйкой, была цвета сливы в угасающем солнечном свете. Белые пальцы сгибались и разгибались медленно, ритмично, как ноги мертвого паука.

При виде этого Габриэлла чуть не вырвало. Она почувствовала, как тошнота подступает к горлу, и прикрыла ладонью рот, отчаянно пытаясь удержать.

Она, спотыкаясь, забежала за камень. Ее сумка все еще лежала в тени с другой стороны. Она подхватила ее, не останавливаясь, и бросилась вперед, несмотря на усталость, желая только убраться как можно дальше от ужасной отрубленной руки, насколько было возможно.

Всадники не были ни живыми, ни мертвыми. Отрубленная рука, ее пальцы сгибающиеся и сокращающиеся, доказывали это. Возможно, она поползет вслед за своим хозяином, так же, как ее хозяин гнался за теми, другими, следуя какому-то неведомому мрачному долгу, который побуждал их двигаться вперед. Хуже того, а вдруг отрубленная рука поползет за ней, медленно, но упорно продвигаясь через шуршащую траву, оставляя мерзкую черную кровь на своем пути?

Габриэлла побежала дальше, задыхаясь и спотыкаясь на скалистой земле, когда солнце, наконец, скользнуло за горизонт. Она просто не могла спать, зная, что этот отвратительный предмет находится вблизи.

Смутно у нее мелькнул вопрос, сможет ли она когда-нибудь снова заснуть.

Усталость в конце концов догнала ее.

Она захватила ее, когда Габриэлла пересекала большое каменное плато, лишенное травы и потрескавшееся, как огромная тарелка. Она упала на одно колено, тяжело дыша, и просто не смогла подняться снова. Она так и стояла, одной рукой и одним коленом прижимаясь к холодному камню. Через минуту она полностью опустилась на землю, обняла свою сумку как подушку, и свернулась калачиком, чтобы защититься от ветра.

Она спала. И ей снился сон.

Теплота медленно накрыла ее, отзываясь в суставах, сглаживая их болезненность. В течение, казалось бы, долгого времени, она просто лежала и наслаждалась этим приятным, успокаивающим теплом. Это было знакомое ощущение. Фактически, это был солнечный свет.

Габриэлла медленно открыла глаза, не вставая. Каменный уступ был залит золотыми лучами солнца. Лучи гладили ее по щеке. Нежный ветерок шевелил близлежащую траву и поднимал ее волосы. Пахло вереском. Габриэлла выпрямилась и огляделась по сторонам. В радостном солнечном свете степь преобразилась. То, что раньше казалось бесплодным и пустынным, теперь выглядело просто тихим и странно выжидающим.

Изменение это было очень благоприятным, также, как и сдвиг в ее отношении. Живший в ней страх заменила торжественная безмятежность. Теперь она чувствовала со спокойной уверенностью, что все будет в порядке. Ее миссия, какой бы она ни была, внезапно показалась не такой уж важной. Конечно, она была не важной. Бедствие (какое бы оно ни было) было предотвращено. Все ужасы были исправлены. С Маленьким принцем все будет прекрасно, равно как и с Сигрид, и с отцом, и даже... Дэрриком.

Он был еще жив. И Рисс тоже. Они шли ей навстречу.

Восторг охватил Габриэллу, и она вскочила на ноги. Ее лицо покраснелось от переполнявшего ее чувства, когда девушка огляделась вокруг, заслоняя глаза рукой, затаив дыхание в надежде, что она скоро уже увидит их. Омытая солнцем Пустошь казалась умиротворенной на много миль в каждом направлении. Ни Дэррика, ни Рисс нигде не было видно.

Но это ничего. Габриэлла опустила руку и глубоко вздохнула от счастья. Мысль о том, что Дэррик и Рисс идут, сама по себе приносила радость. Она будет наслаждаться ею и ждать их там, на своей потрескавшейся, белой скале. Забавно, как она подумала о ней, как о своей собственной скале, хотя в этом был смысл. Здесь ее любимые найдут ее. Они будут искать ее здесь и только здесь, ибо это место является волшебным маяком для них. Пока они не пришли, оно будет ее домом. Она будет ждать терпеливо, предвкушая счастливую встречу.

Кто-то еще с ними шел, кто-то, чей голос она почти, но не совсем, забыла, по кому она скучала гораздо больше, чем по другим. Кто-то, кто обнял бы ее, приласкал, и спел ей свою песню. Ее мать. Она скоро придет. Эта мысль вызвала слезы радости.

Послышался шум, какой-то шорох позади Габриэллы. Это Дэррик! Он пришел! Он вышел из травы позади нее, улыбаясь с любовью, протягивая руки, чтобы обнять ее. Она обернулась, чтобы приветствовать его, бросаясь в его сторону. А потом она нахмурилась, потому что его там не было, в конечном итоге. Это был ветер.

Нет, не ветер. Это была Рисс, а не Дэррик. Она пряталась в кустах на другом конце плато, играя с ней как в детстве.

— Рисс! — позвала Габриэллу, оборачиваясь и смеясь. — Пожалуйста, не дразни меня! Выходи, дай мне увидеть твоё лицо! Давай посмеемся вместе, Рисс!

Она слышала ее, но не видела. Смех Рисс пронесся на ветру словно лента. Ее не было за кустами, но ее голос был где-то далеко, разносился ветром по безмолвной пустыне. Габриэлла опустила руки и покачала головой, лукаво улыбаясь. Ее подруга будет здесь скоро. И Дэррик с ней. А вскоре, и ее мать. Они все будут снова вместе и никогда больше не расстанутся. До тех пор, Габриэлла будет ждать.

Она будет ждать.

Она присела на теплый камень и прижала колени к груди. Ветер шептал и шуршал, создавая волнистые узоры на траве за каменным выступом. Она наблюдала, прислушиваясь к тем, кого она любила.

Что-то заверещало позади нее. Звук был внезапный и резкий, так что Габриэлла подпрыгнула. Она повернулась на коленях, оглядываясь назад.

На солнце сидела большая птица, ее глаза-бусинки сурово уставились на Габриэллу. У нее был крючковатый, серый клюв и рыжие перья на груди. Крылья были темнее, каждое перо было окаймлено коричневым. Пока девушка наблюдала, птица взъерошила перья, почти вдвое увеличиваясь в размере, и развернула свои крылья. А затем пронзительно закричала.

«Улетай, — подумала Габриэлла, нахмурившись. Звук, который птица издавала, был ужасен. Он отпугнет всех. Она поняла это инстинктивно. — Замолчи и улетай!»

Птица — а это был сокол — захлопала крыльями, делая шаг к ней, и снова заверещала. Она резко выбросила свою голову вперед, как будто собиралась клюнуть в лицо. Девушка отпрыгнула назад, в инстинктивном жесте прикрывая лицо рукой.

— Уходи! — зашипела она на птицу, ее голос звучал приглушенно, словно шепот ветра вокруг. — Оставь меня в покое, ты мерзкая тварь!

Птица не двигалась. Она наклонила голову, рассматривая девушку тем странным взглядом искоса, как обычно это делают птицы. Она расправила крылья полностью и снова подпрыгнула к ней, хлопая крыльями в воздухе и поднимая когти. Ее когти, обратила внимание Габриэлла, были черными и острыми, крючковатыми как шипы. Она попятилась от птицы, изо всех сил стараясь удержаться на ногах и защищая свое лицо одновременно.

Когда она подняла глаза, птица была еще там, хлопая и клекоча, почти рядом с ней. Ее глаза с золотыми ободками, казались такими же огромными, как блюдца.

Габриэлла бросилась назад, отталкиваясь обеими ногами. Она приземлилась в траве на краю каменного уступа и покатила, закрыв голову руками.

Трава вокруг нее была поразительно холодной. Она открыла глаза и подняла голову. Мрак окутал землю, полный шипящего, ледяного ветра.

— Нет! — хрипло выдавила она, с трудом поднимаясь на ноги, в смятении. — Нет! Дэррик! Рисс! Я не хотела! Я не хотела уходить с...

Но даже, когда она встала на ноги, реальность сна разбилась на куски. Сон улетел в темноту и осталось только щемящее одиночество. Дэррик и Рисс были мертвы. Они никогда не вернутся. Если она не поспешит, Маленький принц вскоре может быть мертв, наряду с Сигридом, Трейнором, ее отцом, и всем Камелотом.

— Нет, — простонала она, опускаясь в траву, безвольно роняя руки на колени. Это был такой прекрасный сон, непохожий на то, что она знала раньше. Он был такой реальный. Она действительно чувствовала лучи солнца, вдыхала запах вереска, слышала далекие голоса тех, кого она любила, радуясь тому, что они вернулись к ней.

Она взглянула в сторону на скалистый уступ, на котором она спала. К ее великому удивлению, сокол был все еще там, казавшись на удивление маленьким в синей темноте. Он снова свернул свои крылья и теперь просто стоял там, поглядывая на нее одним золотым глазом. Его перья слегка развевались на ветру.

— Это ведь ловушка, правда? — слабо произнесла она. — Место, чтобы заманивать людей на погибель. Они останавливаются здесь, разбивают лагерь и засыпают. И как только они начинают видеть сны, они не хотят больше просыпаться. Они останутся здесь навсегда, несмотря ни на что, даже если они знают, что это ловушка. Потому что иногда... — она мечтательно вздохнула, — иногда сон лучше, и реальнее, чем любая реальность.

Птица склонила голову и, казалось, не слушала. Спустя мгновение она повернулась, взъерошила свои крылья и отскочила. Габриэлла подумала, что она собирается улететь, а потом увидела, куда она на самом деле направляется. Сокол остановился возле ее сумки, опустил свой клюв и схватил узелок веревки, которая держала сумку. Потом, взмахнув крыльями для равновесия, он стал тянуть сумку по поверхности потрескавшейся скалы. Когда птица оказалась почти у покрытого травой края, она споткнулась и выронила веревку, испуская разочарованный крик.

— Спасибо, — сказала Габриэлла, потянувшись через границу, чтобы схватить сумку. Сокол тут же метнул голову вперед и клюнул ее в запястье, оставляя кровавую полосу. Габриэлла зашипела и отдернула руку, схватившись другой рукой за царапину.

— Ах, ты чертова птица! — закричала она сердито. Сокол лишь смотрел на нее, склонив голову, будто бы измеряя ее. Наконец, он повернулся еще раз, поймал веревку в клюв, и протянул сумку через оставшуюся часть каменного уступа.

Сделав это, сокол сразу же захлопал крыльями, ринулся в воздух и улетел прочь.

Габриэлла молча наблюдала, нахмурившись с печальным видом, а затем глубоко

вздохнула. Она открыла царапину на запястье и увидела, что она была лишь поверхностной, затем промыла ее несколькими каплями воды из фляжки.

В то утро не было никаких таинственных кучек ягод на завтрак. Вместо этого, она съела немного своего сокращающегося запаса хлеба и сушеной оленины, отпила несколько глотков воды, после чего поднялась на ноги.

Она остановилась. Медленно, почти беспомощно, она повернулась к голому уступу на скале позади нее. Он взывал к ней, обещая свою счастливую ложь. Габриэлла осознала с глубокой тревогой, что она желала эту ложь. Она могла бы, если бы она выбрала это, шагнуть снова на эту каменную площадку, прилечь и снова отдаться во власть этой сладкой надежды. Что с того, что надежда была только миражом? Почему воображаемое наслаждение должно быть хуже, чем ужасы реальности?

Она едва не сделала это. Единственное, что помешало ей, конечно же, было ее воспоминание о Маленьком принце. Дэррик, Рисс и ее мать были мертвы, но Маленький принц был жив, и он нуждался в ней. Она была его единственной надеждой.

Девушка глубоко вздохнула, содрогнувшись при виде холодного, серого камня. Наконец, неохотно она отвернулась от него.

Небо было низким и стальным, облака быстро двигались у нее над головой. Гром глухо пророкотал вдали, его отзвук, казалось, длился несколько минут. Вдалеке цеплялись за горизонт какие-то туманные фигуры, Габриэлла повернулась к ним, догадываясь, что это было. Зубчатые скалы были ее последним, и, возможно, самым большим препятствием, и они, наконец, были в поле ее зрения.

Габриэлла ступила в холодный, бледный свет зари.

Пошел снег.

Крошечные, белые хлопья кружились по воздуху и оседали на траве, прилипали к волосам и ресницам Габриэллы. Вблизи снег выглядел как белый песок. Вдали это был бледный туман, который беспрестанно двигался, заслоняя мир вокруг нее и скрывая зубчатую линию далеких Скал.

Они были самой выдающейся и самой легендарной частью Штормовой Пустоши. Зубчатые скалы образовывали разлом, тянувшийся на сотни миль и пересекающий Пустошь неровной линией, и являли собой почти непреодолимое препятствие. Никто не знал происхождения Скал, за исключением того, что они не были естественным явлением. Словно с небес на Пустошь упал огромный молот, разбивая ее пополам и обрушивая одну половину над другой, создавая таким образом неровную, невероятную ступень в сотни футов высотой.

Через них были проходы, Габриэлла это знала. Искатели приключений и странники нанесли на карту возможные пути вверх через Скалы. Наверное, будет очень трудно отыскать их, и они, вероятно, будут чрезвычайно коварны, но девушка знала, что они существуют. Известно, что целые армии волшебников свободно перемещались туда и обратно. Если вчерашние всадники на чудовищах, действительно, были посланы Меродахом, то им, наверняка, пришлось пересечь Зубчатые Скалы вместе со своими огромными зверями. Если бы она нашла дорогу, которой они прошли, то, возможно, смогла бы подняться тем же путем, каким они спустились вниз.

Шансов было мало. Но она решит эту проблему, как только доберется до Скал.

Самая сложная задача все еще была далеко впереди, и она не требовала физической силы. Ей нужно было найти Меродаха и его армию для того, чтобы перехватить их, даже если они направляются к Камелоту. Габриэлла не имела ни малейшего представления о том, как ей отыскать их. Если они шли в обход Пустоши, как и армия ее отца, то ей рано или поздно придется отклониться на запад и встретиться с ними лицом к лицу. Но где? Насколько далеко они могли уже продвинуться? Нет, недалеко, предположила она, из-за их численности и веса боевого снаряжения и припасов, но ее догадки были безосновательны и расплывчаты, в лучшем случае.

Хуже того, что именно она должна будет сделать, когда найдет их? На этом вопросе, однако, ее мысли остановились, превратившись в красную пелену у нее перед глазами. С этой задачей она тоже разберется, когда придет время. Она была в этом уверена. Пока Габриэлла знала одно: она должна найти негодяев. Тогда судьба сама решит.

Габриэлла проголодалась. Ее запас пищи теперь стал совсем скудным. Но она хранила то малое, что осталось, стараясь не думать о том, что было в ее сумке. Однако, довольно скоро холод начал обгонять чувство голода, становясь ее главной заботой. Она обхватила себя руками, продолжая идти вперед, шурясь от колкого снега, летящего ей в лицо.

Земля пошла под уклон, углубляясь в скрытую расщелину. Ветер уменьшился, встретив преграду из торчавших вокруг валунов. Габриэлла следовала вниз, пока трава не уступила голой земле, твердой и серой, как пепел. Теплый воздух мягко охватил ее, словно выдохнутый из массивного горла. Рой летающих снежинок тут же исчез, раскрывая перед девушкой низкий проход, тайную пещеру. Острые камни окружали вход как зубы.

Габриэлла слышала об этом месте, хотя (призналась она с дрожью), она считала его одним из мифов. Оно называлось Пасть Тролля. Легенды говорили о том, что громадный горный тролль был убит в бою, а впоследствии погребен, оставив на виду только его зияющий каменный рот. Правда или нет, Пасть Тролля якобы должна привести к цепочке туннелей и пещер, которые оплетали все пространство под Штормовой пустошью. Они использовались магическими армиями прошлых веков, служа в качестве скрытых убежищ, укрытий, даже крепостей. Ходили истории о захороненных богатствах в забытых глубинах пещер, заколдованных тронных комнатах, волшебных королях, погребенных со всеми их сокровищами.

Однако более разумные слухи, вспомнила Габриэлла, утверждали, что пещеры образовывали безопасные пути под истощенными землями Пустоши, выходящие на поверхность с другой стороны Зубчатых Скал.

Она в нерешительности топталась у входа, чувствуя, как теплый воздух из недр Земли овеивает ее, растапливая снежинки на лету. Несомненно, этот путь был бы теплее, но что если она не сможет найти дорогу наверх? Мысль о том, что она может заблудиться в бесконечных туннелях и пещерах, очень ее тревожила. Габриэлла собиралась повернуть назад, но тут другая мысль поразила ее. Что если страшные всадники прошли по этому маршруту? Что если по сути не было пути вверх через Зубчатые Скалы? Она могла бы пройти вдоль всего основания скалы только для того, чтобы вернуться назад, надеясь снова чудом найти вход в Пасть Тролля.

И к тому времени будет уже слишком поздно.

От нерешительности девушка застыла на месте. Наконец, осторожно она вновь приблизилась к Пасти Тролля. Пепельная земля резко шла вниз, исчезая в темноте под выступом скалы, образующей свод пещеры. У нее не было света. Безнадежно пытаться найти проход без факела или фонаря.

Но потом, заглянув в пещеру, в ее глубины, она увидела, что внутри было не совсем темно. Тусклое, белесоватое свечение исходило оттуда, возбуждая ее любопытство. Габриэлла подползла ближе, а затем, после короткой паузы, нырнула под навес пещеры, двигаясь осторожно в ее тень.

Земля продолжала спускаться в устье пещеры, теперь она была покрыта щебнем, который скользил и катался под ногами. По мере того как Габриэлла наощупь продвигалась дальше, потолок пещеры постепенно уходил ввысь. Свечение впереди было слабым, но ошибки быть не могло. Не похоже, что оно служило источником света, оно скорее висело в воздухе как облачко, которое было немного ярче у основания. Габриэлла дюйм за дюймом приближалась к нему. Через минуту ее глаза привыкли к темноте, и она увидела, что свет исходил из длинной трещины в полу пещеры. Сама трещина светилась, как слабая вспышка молнии, распространяясь дальше в глубину.

Габриэлла последовала за трещиной, стараясь не наступать на нее, опасаясь, что может провалиться в какую-нибудь скрытую комнату внизу. В конце концов, когда ее глаза полностью приспособились к полумраку, она смогла оглядеться вокруг.

Она находилась в узком коридоре явно природного происхождения. Трещина вдоль пронизывала пологий пол пещеры, образуя светящийся фонарь на много сотен футов. Наконец, когда Габриэлла прошла вслед за ней в более широкую и более высокую пещеру, трещина открылась полностью. Вниз, в голубоватое свечение вели ступеньки, вырезанные человеком, но сглаженные с веками. Девушка осторожно спустилась по ним. Камень был

влажным и скользким, блестящим в возрастающем свете. Однако, она все еще не могла видеть источник странного свечения.

Наконец, лестница повернула, заканчиваясь в огромной подземной комнате. Габриэлла заглянула вдаль нее и ахнула, едва не упав спиной на ступеньки.

Комната была освещена таинственными фонарями, каждый из которых представлял собой сосуд, наполненный какой-то туманной, голубой жидкостью, светящейся как болотные огоньки. Их были десятки, усеянных вдоль стен и уходящих в полумрак. Однако, не это удивило Габриэлла. А скопления фигур, стоявших в слабом освещении, которые заполняли пространство совершенными рядами и колоннами.

Это была армия, неподвижная как камень, их лица, такие же спокойные и непроницаемые, как у статуй. Габриэлла какое-то время таращилась на них с колотящимся сердцем, но постепенно начала понимать, что, на самом деле, это и были статуи. Она опомнилась и шагнула вперед, подняв правую руку. Ее тень упала на ближайшего солдата, и она заставила себя прикоснуться к нему. Он был каменный, совершенно мертвый и холодный на ощупь.

Габриэлла выдохнула, содрогаясь, и оглянулась на остальных. Каждая статуя выглядела реальной, одетой в полные (хотя и древние) боевые доспехи и вооруженной тщательно вылепленными мечами, луками, топорами и кинжалами. На некоторых были высокие шлемы, надвинутые на брови. Другие держали щиты почти такие же высокие, как они сами. Испытывая болезненное любопытство, Габриэлла стала ходить вдоль них, протискиваясь осторожно между рядами. Было жутко видеть, как некоторые из статуй были поглощены наростами сталагмитов, чьи гладкие конусы вздымались вверх к потолку пещеры, словно стараясь достичь своих капающих двойников сверху. Кроме того, некоторые из статуй попадали друг на дружку как домино, возможно, повергнутые давним землетрясением. Некоторые из упавших фигур были еще целы и неуклюже лежали лицом вниз. Большинство, однако, оказались сломаны и даже разрушены. Руки, ноги и головы валялись вразброс как сломанные игрушки. Габриэлла вздрогнула при виде них и поспешила вперед.

Теперь оказавшись глубоко среди армии статуй, девушка внезапно осознала, что она не уверена, с какой стороны пришла. Она подавила паническое желание попытаться повторить свои шаги. Вместо этого она направилась к ближайшей стене пещеры, к одному из странных фонарей. Габриэлла рассмотрела его вблизи. На самом деле, он скорее напоминал стеклянную банку, хотя и довольно толстую и круглую, как тыква. Она была заключена в медную рамку, которая свисала с железного крюка, прикрепленного прямо на стену пещеры. Под ним лежал в тени, куда он, по-видимому упал, железный шест с крючковатой петлей на конце. Габриэлла сразу же поняла его предназначение и издала неглубокий вздох облегчения. Подобрав шест, она подняла его кверху и, зацепив крючком фонарь, сняла его.

Стеклянный шар был маленький и относительно легкий, закупоренный керамической пробкой. Жидкость внутри была густой, как сироп, мерцающей голубым светом, который усиливался при движении. Девушка осторожно потрясла шар, и он засветился, холодным, но ярким светом, отбрасывая ее тень на каменную стену. Габриэлла оставила шар висеть на шесте и просто закинула его на плечо. Лампа покачивалась, освещая пространство вокруг нее.

Теперь у нее был фонарь. Она могла двигаться дальше.

Внезапный порыв ветра пронесся мимо нее с резким вздохом. Он поднял ее волосы, закружился вокруг нее, а затем пробежал по рядам каменных статуй. Габриэлла втянула

воздух и, развернувшись на пятках, инстинктивно присела.

Тишина, прерываемая лишь отдаленным капанием сталактитов, снова давила на уши. Габриэлла ждала, широко распахнув глаза в полумраке. Никакого движения.

С опаской, все еще оглядываясь вокруг, девушка начала пробираться к выходу. Она следовала вдоль стены пещеры, надеясь, что та приведет ее в туннели и, в конечном итоге, за пределы Зубчатых Скал. Постепенно она увеличивала темп, проходя ряд за рядом армию статуй.

Позади нее послышался шепот множества голосов, а затем раздался низкий вой. Он пронесся через ряды солдат, словно исходя отовсюду сразу, и теперь приближался к ней.

Габриэлла обернулась, ее глаза расширились, и ее свободная рука потянулась к мечу. Даже посреди страха, она напомнила себе постараться удержать стеклянный фонарь, чтобы не разрушить его и не пролить его загадочное содержимое.

Вой все увеличивался, разделяясь на несколько источников и пронизывая каменную армию. Габриэлла окинула взглядом все вокруг, но ничего не увидела. Ее сердце бешено колотилось, пульсируя в уголках ее глаз.

Внезапное движение охватило ряды статуй. Лента пыли поднялась в воздух и бросилась навстречу к ней, кружась между окаменевшими солдатами. При этом раздался низкий, пронзительный звук.

Габриэлла повернулась, схватила шест с фонарем обеими руками и побежала. Она бросилась вдоль стены, скользя ногами по сланцу, и задела одного из каменных солдат локтем. Статуя зашаталась, но Габриэлла не стала оглядываться. Послышался громкий стук камня о камень, статуя опрокинулась, сбив своего ближайшего товарища. Грохот зазвенел в воздухе — последовала цепная реакция. Воюющие завихрения ветра только увеличились, словно разгневанные этим. Их голоса перешли в яростные вопли, их число, казалось, увеличилось до нескольких сотен, и они приближались к ней.

Падающие статуи задевали Габриэлла на бегу. Она чувствовала их движение рядом с собой, когда они опрокидывались, разбиваясь о своих товарищей. Головы отламывались и скатывались в проход перед нею. Какофония грохота заполнила воздух, соревнуясь с криками ее невидимых преследователей.

Тут, к ужасу Габриэллы, ряд каменных солдат склонился в проходе перед нею, как если бы они вдруг ожили. Их безмятежные лица косились на нее, пока они падали, ударялись о стены пещеры и рассыпались. Ее путь был внезапно заблокирован, наполнен разрушающимися статуями и удушающей пылью.

Габриэлла повернулась, опуская шест с фонарем и хватаясь за меч. Светящийся шар ударился о землю и разбился, посылая вверх взрыв ослепительного голубого света, а затем погас. Габриэлла замерла во внезапно наступившей темноте. Тени нависали над ней, едва заметные в свете далеких фонарей. Воющий ветер окружил ее теперь, обрушиваясь на нее в виде змей из пыли и песка. У них были лица с маской зияющей ярости. Габриэлла подняла свой меч, зная, что защищаться было бесполезно, нелепо.

Плечо окатила волна воздуха, взбиваемая яростным взмахом крыльев. Пронзительный визг, суматоха движений, и Габриэлла поняла, что темная фигура была птицей, дико хлопающей крыльями, чтобы отогнать завывающие щупальца прочь. Птица снова заверещала, резко взмахивая в воздухе хвостовыми перьями. Вихри ветра слегка отступили от птицы, под напором ее крыльев, но не собирались сдаваться. Они сблизилась теснее, их непрекращающиеся завывания слились в мощный рев.

— Прочь! — крикнул голос, так громко и неожиданно, что Габриэлла съежилась в ужасе. Это был женский голос, ясный и сильный в спустившейся темноте. — Уходите прочь, армии Орудора! Это не ваш враг! Ваш день мщения еще не настал! Уходите прочь, возвращайтесь к своему сну!

Вспышка девственно-белого света взорвалась перед Габриэлкой. Кружащиеся щупальцы отпрянули, уменьшились и растворились в воздухе. Остался только мерцающий свет, который, как заметила девушка, шел из конца палочки. Палочку держала рука женщины, но она сама была невидна сквозь свет.

Габриэлла рухнула на колени, все еще сжимая меч, чувствуя слабость от облегчения и растерянности. Птица приземлилась перед ней, это был сокол, тот же самый, который посетил ее рано утром и вытащил ее из ловушки на проклятом каменном уступе. Он склонил голову набок, показывая ей один глаз в золотом ободке, и, похоже, был доволен собой.

Белый свет, наконец, померк, но не исчез полностью. Он опустился, показывая высокую женщину с рыжими косами, обрамляющими бледное, узкое лицо. Она была одета в платье цвета подсолнухов с черной мантией, наброшенной на плечи.

— Они были слишком близко, — серьезно сказала она, наклонив голову, чтобы встретиться взглядом с Габриэлкой.

Голос Габриэллы прозвучал хрипло.

— Что это было? — затаив дыхание, спросила она. — Кто вы?

— Увы, это была призрачная армия Орудора, — ответила женщина, оглядываясь на ряды каменных солдат. — Они прокляты оставаться внутри своих застывших тел, пока не придет их время расплаты. Когда-то они были весьма благородными, прежде чем превратились в камень по воле некоего корыстного колдуна. Теперь, будучи мертвыми, они не совсем... в здравом уме.

Габриэлла тоже взглянула на застывшую армию, многие статуи теперь были опрокинуты и сломаны. Каменная пыль по-прежнему поднималась от разбитых рядов. Ее окатило холодом от осознания того, что это были, на самом деле, не статуи, а окаменевшие люди, потерянные в веках. Она проглотила комок.

— Отвечая на твой второй вопрос... — сказала женщина, перекладывая свою палочку в одну руку и протягивая другую, чтобы помочь Габриэлле встать на ноги, — мы — Перышко и Елена. Я полагаю, ты сможешь догадаться, кто есть кто.

Женщина, Елена, вывела Габриэлку из пещеры с застывшей армией, спускаясь по зубчатому разлому еще глубже в землю. Перышко летел впереди, иногда делая круг назад и приземляясь на плечо женщины. Вскоре перед ними открылась еще одна пещера, освещенная странно сверкающей подземной рекой.

— Это я, — крикнула Елена, ее голос эхом отозвался в глубине. — И я привела с собой гостью.

Точка света возникла в полумраке пещеры, и Габриэлла увидела, что это была еще одна

палочка, которую держал вертикально в кулаке высокий человек.

— Это хорошая новость, — отозвался он. — Значит Перышко нашел кого искал.

— Похоже, что так, — ответила Елена, поглядев в сторону Габриэллы. При упоминании его имени, Перышко сорвался с плеча женщины и спиралью взвился вверх в темные высоты подземного зала. Оттуда свисали гроздья каких-то коричневых форм, издававших слабые, едва слышимые звуки.

Елена посмотрела вслед птице и покачала головой.

— Он воображает себя летучей мышью, — заметила она. — Почему ему нравится общаться с крылатыми грызунами, остается для меня загадкой, хотя временами это бывает полезным.

Человек приблизился, опустив палочку. Габриэлле он напомнил более высокий и менее суетливый вариант покойного Верховного главнокомандующего Ульрика. Его рыжая борода аккуратно выделялась на подбородке под морщинистым лицом и довольно серьезными глазами. Он был одет так же, как женщина, хотя его одежда была в основном бордового цвета, с капюшоном отороченным мехом. Подойдя к обеим женщинам, он немного мрачно улыбнулся.

— Неожиданная встреча, — сказал он, обращаясь к Габриэлле. — Ты можешь звать меня Гудрик. Я вижу, ты уже познакомилась с моими спутниками. Не останешься ли ты поболтать с нами немного? Не часто встретишь людей, зашедших так глубоко в Штормовую Пустошь. А ты, по причинам, пока неизвестным, привлекла к себе весьма настойчивое внимание нашего друга, сокола.

Габриэлла согласилась с этим, чувствуя, что она многим обязана своим благодетелям, несмотря на то, что почти ничего не знала о них. Все трое подошли к берегу подземной реки, и девушка увидела, что ее свечение исходило от тысяч крошечных, ослепительно сияющих рыбок, которые плавали в ее глубинах, оставаясь почти неподвижными в быстром течении.

Гудрик поднял палочку и направил ее в случайное место на каменном полу пещеры. Он произнес короткую фразу, и огонь загорелся прямо на камнях, весело потрескивая сам по себе. Немного повернувшись, он взмахнул палочкой еще три раза, а затем, после короткого раздумья, в четвертый раз. Вокруг костра появились три небольших, но украшенных резьбой деревянных стула, однако, совершенно подходящих под обстановку. Четвертый взмах вызвал походный стол с аккуратным серебряным подносом.

— Ну вот, — объявил Гудрик, убирая в карман палочку. — Теперь атмосфера более дружелюбная. Чай?

— Почему бы и нет, — ответила Габриэлла, едва не потеряв дар речи от изумления.

— Это всего лишь трансфигурация речной воды, — прокомментировала Елена, садясь на стул. — Также, как эти стулья — из плавучего леса. Тем не менее, они оба вполне удобны и согреют нас во время беседы. Садись. Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, — сказала Габриэлла, улыбнувшись, и присела на свой стул. — Я просто... Никогда не была в присутствии...

— Ты можешь сказать, моя дорогая, — вставил Гудрик, наклоняясь, чтобы вручить ей чашку и блюдце. — Да, мы волшебники. Я рад, что нам не нужно ничего объяснять.

Габриэлла взяла чайный прибор и осмотрела его. Чашка и блюдце были из тонкого фарфора, гладкие и хрупкие, как раковины. Она подняла чашку к лицу, почувствовала пар на щеках, и вдохнула душистый аромат. Это был черный чай, обжигающе горячий.

— Кто вы? — спросила она, все еще не осмеливаясь отпить. — Почему вы здесь?

— Мы являемся попечителями некоего общества для волшебников, — осторожно ответила Елена. — Нас когда-то было четверо, но теперь осталось только трое. Вот, вкратце, причина, почему мы находимся здесь, в Пустоши.

— Мы ищем кое-кого, — добавил Гудрик, почувствовав любопытство Габриэллы. — Одного из членов нашего общества, который... пропал без вести. Четвертый из нашего совета остался позади, чтобы управлять нашими делами. Мы собирались прекратить наши поиски, когда внезапный интерес нашего сокола привел нас сюда, к тебе.

— Понятно, — кивнула Габриэлла, нахмурившись. — А вы в точности такие же скрытные, как профессор Тоф рассказывал о вас.

Гудрик улыбнулся немного натянуто при этих словах, но Елена рассмеялась.

— Кажется, наша слава не знает конца. Даже после всех долгих лет секретности.

— То, что волшебный народ скрыл свои королевства от людей, — сказала Габриэлла, обращаясь к Елене, — не означает, что нам позволили забыть о вас. Некоторые из ваших людей по-прежнему живут среди нас, торгуют своими магическими предметами. Я и сама пользовалась некоторыми из них.

Гудрик поднял брови.

— Неужели? Возможно, это и привлекло внимание Перышка.

Габриэлла покачала головой.

— Я не взяла с собой в путешествие никакой магии. Я не прикасалась ни к порошку, ни к зелью с момента выхода из академии.

— Тогда что, — спокойно спросила Елена, — как ты думаешь, могло побудить нашего друга помогать тебе, и так сильно, что мы вынуждены были следовать за ним сюда в поисках тебя?

Габриэлла пожала плечами и поставила свою чашку обратно на блюдце.

— Не знаю, — ответила она, а затем остановилась в задумчивости. — Если только не это.

Она потянулась к застежке плаща и вытащила на свет подвеску с соколом на длинной цепочке.

Волшебники уставились на нее. Лицо Гудрика медленно напряглось. Он многозначительно посмотрел в сторону Елены.

— Как, скажи на милость, — спросила женщина, не отрывая глаз от подвески, — тебя зовут, дитя мое?

Габриэлла внезапно занервничала. Она хотела солгать, но ничего подходящего не приходило ей на ум.

— Габриэлла Ксавьер, — ответила она настороженно.

— Габриэлла, — повторил Гудрик, загадочно кивая. — Ну, тогда, возможно, скажешь нам, что ты сама здесь делаешь, моя дорогая, так далеко от дома?

Опять же, по причинам, которых она не совсем понимала, девушка не хотела говорить правду волшебникам. Возможно, они не были такими добрыми, как хотели казаться. Как и раньше, однако, она не смогла придумать ничего, кроме как сказать правду. Габриэлле не часто приходилось обманывать.

— Я нахожусь здесь с целью найти убийцу и безумца, — сказала она, наконец, тихим голосом. — Чтобы защитить своих близких, которые еще живы, и отомстить за тех, которых нет больше.

Елена очень медленно кивнула, размышляя о словах Габриэллы.

— А эти убийца и безумец, — уточнила она, — это два разных человека или один и тот же?

— Вы смеетесь надо мной? — воскликнула Габриэлла, слегка повысив голос, который тут же эхом разнесся по пещере. — Этого человека называют Меродахом. Его я ищу... и мечтаю убить.

Гудрик поставил чайную чашку обратно на серебряный поднос.

— Ты должна простить нас, Габриэлла, — осторожно проговорил он, — мы не вмешиваемся в дела людских королевств так, как было это раньше. Пожалуйста, будь так добра... расскажи нам свою историю.

И Габриэлла рассказала. Так кратко, как она могла, об истории Меродаха, о его жестокой тактике и его кровожадных бесчинствах. Она рассказала им о Дэррике и Риссе и кровавой расправе с армией ее отца от рук людей Меродаха. Гудрик и Елена и бровью не повели, узнав о том, что Габриэлла была дочерью короля Камелота, и не дрогнули даже при упоминании о зверствах Меродаха или возможности того, что он мог, если его не остановить, уничтожить всех тех, кого она любила, и захватить власть над Королевством. Более одного раза, однако, их глаза скользили в сторону сигилы с соколом на ее горле. Это беспокоило Габриэллу гораздо сильнее, чем она могла позволить себе.

— Таким образом, — заключила она, — я должна попытаться остановить его. Ради моего ребенка и ради Камелота.

Елена слегка склонила голову.

— Но ты ведь предупредила свою служанку, чтобы она бежала с твоим сыном, — спокойно заметила она. — Он будет в безопасности в любом случае, так?

— Я предупредила Сигрид, — вздохнула Габриэлла. — Но она не поверила мне. Она попыталась предупредить охранников о моем побеге. Меня чуть было не поймали. Я боюсь, что, в конце концов, она могла отвергнуть мой приказ и отправиться с караваном в Херренгард.

Гудрик, похоже, очень серьезно раздумывал над сказанным. Затем он покачал головой.

— Я надеюсь, что ты ошибаешься, — сказал он. — Если она тебе доверяла, то повиновалась бы приказу, даже если и не поверила твоей истории. Ты должна считать, что дело обстоит именно так. Но все-таки, возможно, для тебя лучше, если ты вернешься к ним и позаботишься о ребенке сама.

Габриэлла снова глубоко вздохнула.

— Возможно, — согласилась она. — Но теперь уже слишком поздно. Я боролась сама с собой почти на каждом шагу. Я должна продолжить путь. Это единственная надежда.

— Если ты простишь меня, принцесса, — сказала Елена, слегка склонив голову, — но мне это кажется довольно безнадежным делом. Этот человек, о котором ты говоришь, уничтожил большую часть армии твоего королевства, и ты собираешься взять его в одиночку?

Лицо Габриэллы стало жестким. Она отказывалась смотреть на волшебников.

— Я не хочу слышать это. Я сыта по горло подобными разговорами в совете моего отца. Иногда достаточно одного человека, чтобы противостоять врагу. Иногда... этого достаточно, чтобы повернуть ход событий.

— В сказках, может быть, — заметила Елена, покачав головой. — Но принцесса, конечно же, ты должна знать, что такой кровожадный человек будет только... — Она

остановилась, когда Гудрик поднял руку, приказывая ей взглядом замолчать. Лицо его было суровым.

— Габриэлла, — сказал он, и серьезность его тона заставила ее взглянуть на него. — Я уважаю твое мужество. Если честно, я тронут от всей души. Если бы была сотня таких как ты... нет, хотя бы десяток, я бы лично проводил тебя, дав свое благословение и испустив боевой клич. Но Елена права. В одиночку, молодая женщина против армии злодеев — такая храбрость не геройство, а безрассудность.

Ему, казалось, неприятно было говорить это, но он не отвел глаз от Габриэллы.

Елена добавила мягко:

— Наверняка, есть другой путь, принцесса. Если Бог желает, чтобы твое королевство было спасено, тогда...

— Не надо, — прервала Габриэлла, ее голос был низким и жестоким, — говорить со мной о Боге.

Воцарилась неловкая, звенящая тишина. Рядом журчала потихоньку река. Волшебный огонь ярко горел, пуская снопы искр, практически не создавая шума. Наконец, Елена снова заговорила.

— Ты знаешь, — спросила она, похоже, желая сменить тему, — откуда взялась твоя сигила, принцесса?

Инстинктивно Габриэлла обхватила рукой свою подвеску с соколом. Как всегда, она была теплой. Девушка сглотнула и сказала:

— Это был свадебный подарок. От моего отца.

Елена сжала губы:

— Это больше, чем свадебный подарок, и я полагаю, тебе хорошо это известно.

— Скажите мне, что вы знаете об этом, — спросила Габриэлла, почти шепотом.

Последовала долгая пауза. Гудрик посмотрел на Елену с непроницаемым лицом.

— Она принадлежала одному из нашего совета, — сказал он осторожно. — Я почувствовал память о его прикосновении в тот момент, когда ты показала нам ее, даже хотя ее первоначальная форма была изменена и вполне разумно сломана. Блеск этого зеленого камня не вызывает сомнений.

Габриэлла почувствовала, как будто мир ускользает под ней медленно, головокружительно.

— Кто он был? — умоляла она.

— Как ни странно, — ответила Елена, — это тот самый человек, в поиках которого мы оказались в Пустоши.

Гудрик продолжил дальше.

— Он был с нами в одну памятную ночь более десяти лет назад, когда мы посетили небольшой заснеженный домик. Мы были вызваны туда, чтобы защитить некую маленькую девочку — тебя, я смею предположить, от опасного безумного существа. Оборотня, по сути.

— Но... — начала Габриэлла, но голос подвел ее. Она отхлебнула глоток чаю, шумно сглотнула и попробовала еще раз. — Но кем? Кто мог знать о том, что произойдет, чтобы отправить вас? Что произошло той ночью?

Елена покачала головой.

— Некий колдун, Мерлин Амброзиус, пришел к нам с предчувствием вашей гибели. Он узнал об этом благодаря своим способностям, и он предвидел, что такому нельзя позволить случиться. С его помощью, мы отыскали ваш домик у озера и обнаружили там оборотня,

ожидающего твоего возвращения, когда ты, очевидно, ушла в поисках пищи. Монстр уже усмирил твою бабушку, и, будучи в своей человеческой форме человеком определенных драматических склонностей, надел одежду старухи в попытке одурачить тебя. Одному из нашего совета удалось спасти бабушку, обезвредить оборотня и отвезти его в близлежащий лес.

Мысли у Габриэллы спутались.

— Мерлин? — повторила она слабым голосом. — Но вы, конечно, не имеете в виду... но он уже давно мертв! Если только... — Ее глаза расширились. — Если только время не означает нечто иное для таких, как он...?

— Мы не можем раскрыть тебе больше, моя дорогая, — Елена натянуто улыбнулась. — Не только потому, что это является тайной, что так и есть, а еще и потому, что каждый ответ только приведет к большему количеству вопросов. Дни сосуществования волшебников и простых людей, к сожалению, закончилась. Мы не можем сообщить тебе больше, не рискуя секретностью нашего мира.

— Мы только раскрыли тебе небольшую часть, — хмуро добавил Гудрик, наклоняясь вперед на своем стуле, — потому что сигила, которую ты носишь на шее перекликается с некоторой очень глубокой магией. Конечно, это и привлекло к себе внимание Перышка, и я готов держать пари, что это был не первый раз, когда сигила оказывала такое влияние на животных. Ее магия безгранична и рассеянна, но она, видимо, приспособилась к тебе и приняла на себя отражение твоего существа, твои мотивы.

Глаза Габриэллы расширились, когда она вспомнила кучку ягод, оставленных каким-то загадочным полуночным посетителем. А до этого ей снился сон о лесных зверях, проходящих мимо нее, окружающих ее в темноте, наблюдающих за ней. И еще раньше — паук в залах замка, который спустился прямо на подвеску у нее на шее.

— Да, — тихо сказала она. — Тоф всегда говорил, что... у меня способности к магии. Означает ли это, что я... я...?

— Нет, дитя мое, — Елена покачала головой, слегка улыбаясь. — Ты не волшебница. Хотя, осмелюсь предположить, в твоей крови есть какой-то отпечаток магии, похороненный глубоко внутри. Может быть, когда-нибудь, в твоих потомках она проявится в полной мере, но не сейчас. И не в тебе. Ты, во всем своем славном и упорном благородстве, полностью человек.

Габриэлла слегка опечалилась, ее рука все еще сжималась вокруг символа сокола, словно защищая его.

— Но все же, — заметил Гудрик, — у тебя есть немного магии в твоем распоряжении. Ты не можешь контролировать ее, и ее влияние может быть чрезвычайно капризным, но на данный момент, она отражает тебя, подобно тому, как луна отражает солнце. Пока ты носишь этот знак... ты и тот, кто носит другую половину, его магия, возможно, захочет помочь тебе или не захочет. Ты должна быть осторожной и бдительной, Габриэлла из Камелота... такая магия может быть благословением, но также может быть и проклятием.

Габриэлла приняла это с мрачным видом. Наконец, она выпустила подвеску и засунула ее обратно под плащ.

— Я должна идти, — объявила она, переводя взгляд с Елены на Гудрика. — Но, может, вы могли бы мне помочь, если вы не против.

Елена лишь поджала губы, видимо, не желая помогать девушке в том, что она считала обреченным на провал. Гудрик, однако, долго изучал лицо Габриэллы.

— А какую помощь ты бы хотела получить от нас? — спросил он, наконец.

Габриэлла поставила чайную чашку на землю рядом с собой и со всей серьезностью обратилась к волшебникам.

— Говорят, что ваш народ свободно перемещался по этим пещерам, как по дорогам. Судя по легендам, можно пройти прямо под Зубчатыми Скалами и выйти с другой стороны. Если это правда, покажите мне путь.

— Как ты его найдешь? — вдруг спросила Елена, явно игнорируя просьбу Габриэллы.

Габриэлла взглянула на нее:

— Меродаха? Я... Я пока не знаю.

— Так одержима своей мстью, — сказала женщина почти с упреком, — что у тебя даже нет плана, как найти его?

— У меня есть план, — ответила Габриэлла, защищаясь. — Я просто решаю по одной проблеме за раз. Я направлюсь на запад, пока не встречу с ним, когда он будет обходить Пустошь. Он и его армия не могут уйти далеко.

— Елена, — начал Гудрик. Она повернулась и пристально посмотрела на него.

— Если у юной леди столь серьезные намерения, — твердо сказала она, — тогда пусть она узнает точно во что она ввязывается.

Гудрик сузил глаза.

— Что ты предлагаешь?

— Пусть встретится с Колрутом. Он расскажет все, что ей необходимо знать.

Гудрик покачал головой.

— Это необязательно и, кроме того, опасно...

— Не опаснее, чем противостоять безумцу и его армии! — настаивала лукаво Елена. — Правило простое. Если она будет следовать ему, то ей нечего бояться.

Габриэлла нетерпеливо спросила:

— Кто этот Колрут? Почему мне стоит встретиться с ним?

— Это скорее не он, — поправила Елена, — оно. Колрут очень, очень древний, и как таковой, он знает очень много. Очень немногое ускользает от его внимания. Если этот Меродах разбил лагерь где-нибудь в пределах Штормовой Пустоши, Колрут будет точно знать, где. Он расскажет все, что тебе нужно знать.

— Елена, — сказал Гудрик тихим голосом, — это ошибка. Пусть девушка идет, раз она желает. Мы можем сказать ей, как найти дорогу под скалами.

Волшебница посмотрела на него и вздохнула.

— Если это, действительно, ее судьба, Гудрик, — хмуро заметила она, — то пусть она встретится с ней с широко открытыми глазами.

Гудрик раздумывал долгое время. Затем он повернулся к Габриэлле.

— Тебе решать, принцесса. Пойдешь ли ты прямо под Скалами в направлении, которое мы тебе подскажем, или ты отправишься на встречу с Колрутом и спросишь его совета?

Габриэлла поглядывала то на одного, то на другого. Она видела, что что-то сложное происходило между ними, но совершенно не понимала, что это было. Наконец, она встала и решительно кивнула.

— Я схожу к этому Колруту, — отважно сказала девушка. — Если его совет приведет меня к злодею, тогда я должна получить его.

Гудрик медленно кивнул в знак согласия.

— Тогда мы подготовим тебя к твоему путешествию. Ты можешь начать, как только

пожелаешь.

Габриэлла покосилась в сторону Елены, но женщина все еще сидела, будто бы не обращая внимания. Она подняла пустую чашку Габриэллы и теперь вглядывалась в нее, изучая чайные листья, оставшиеся на дне.

— Да, — медленно ответила женщина. — Ступай к Колруту. Поговори с ним. Но если ты предприняла эту миссию только в надежде спасти своего ребенка, возможно, ты захочешь поменять свое решение.

Габриэлла озабоченно нахмурилась.

— Почему вы говорите такое?

— Потому что, — сказала Елена, поднимая взгляд от чашки и натянуто улыбаясь, — твой сын не в Херренгарде. И Сигрид тоже. Похоже, что они прислушались к твоему совету в конце концов.

У Габриэллы на кончике языка вертелся вопрос, как волшебница могла узнать об этом, но ответ был и так очевиден. Она увидела его, просто вглядевшись в россыпь листьев на дне чашки Габриэллы.

Девушка улыбнулась беспомощной, благодарной улыбкой. Затем сделала большой, прерывистый вздох.

«Как, наверное, хорошо быть волшебницей, — подумала она в момент облегчения.

Визит был короткий и не совсем приятный. Более того, после встречи со странными волшебниками Габриэлла ощущала себя еще более одинокой, когда ей пришлось вновь отправляться в путь в одиночку. Даже за короткое время своего путешествия, такие мирские удобства, как стул, горячий чай, и дружелюбные голоса стали, казалось бы, далекими воспоминаниями. Неожиданно получив все это в полумраке пещеры, она только почувствовала, как остро тосковала по дому.

Еще больше усугубляло осознание того, что в данный момент у нее не было дома, куда она могла бы вернуться. Ее замок теперь был практически пуст, также как улицы и дома вокруг него. Возможно, они вскоре заполнятся снова, и жизнь продолжится, как всегда, но Габриэлла не очень-то верила в это. В самом глубоком, потаенном уголке своего сердца, она боялась, что все изменилось безвозвратно и навсегда.

Она шла дальше, ее шаги теперь были единственным звуком в пещерной темноте.

Гудрик и Елена дали ей несколько вещей, которые могли бы помочь в пути. Первой из них был огонь, который наколдовал Гудрик. Гоблинский огонь, так он назвал его. Волшебник водрузил его на корягу, чтобы получился факел. Пламя, пояснил Гудрик, будет гореть долго благодаря магии, не истощаясь до тех пор, пока она не намочит его. Похоже, что даже волшебный огонь не мог выстоять против воды. Факел, казавшийся совершенно невесомым в руке, отбрасывал мерцающее сияние вокруг нее, пока она двигалась вперед. Единственной странностью в гоблинском огне, по мнению Габриэллы, было пламя, которое двигалось намного медленнее, чем обычный огонь, словно во сне. Его искры поднимались вверх и, кружась, уносились вперед. Девушка неотступно следовала за ними.

— Искры приведут тебя к Колруту, — объяснила Елена. — В конце концов, каждый огонь стремится найти собственный путь. Следуй за искрами, и ты найдешь то, что ты ищешь.

Порхание крыльев сопровождало Габриэлла на всем ее пути. Перышко парил впереди нее, выписывая дуги из стороны в сторону в неподвижном воздухе. Он решил отправиться с ней, по-видимому, по своей собственной воле. Гоблинский огонь и Перышко, однако, были не единственными, что Габриэлла получила от встречи с волшебным народом.

— Вот, возьми, — сказал Гудрик, когда она повернулась, чтобы уйти. Когда девушка оглянулась, он протянул ей тонкую деревянную палочку. Это была волшебная палочка, хотя и не его собственная.

— Но я не волшебница, — ответила Габриэлла, встретившись с ним взглядом. — Я всего лишь человек.

— Ты не простой человек, — возразил Гудрик. — Прими ее. Магия твоей сигилы слишком рассеянна. Эта старая палочка может послужить своего рода ориентиром для нее, если когда-либо возникнет такая необходимость. Я полагаю, что она и так будет работать, но в случае, если тебе потребуется некий... — тут он пожал плечами неопределенно, — магический поток, ты можешь попытаться воспользоваться палочкой.

Габриэлла приняла палочку, а затем с любопытством ее рассмотрела. Внешне она ничем не отличалась от простой деревяшки.

— Как это возможно? — спросила она, взглянув на волшебника.

Он лишь покачал головой и загадочно улыбнулся.

— Я не могу сказать. Желая тебе удачи в твоей миссии, принцесса. Я испытываю соблазн присоединиться к тебе, но увы... — Здесь, он глубоко вздохнул и оглянулся на Елену, которая с мрачным видом наблюдала за происходящим. — Мы поклялись не вмешиваться в дела людей. Боюсь, у нас достаточно работы, чтобы управлять миром волшебников.

Габриэлла искренне поблагодарила их, хотя и с грустью. Затем, не говоря ни слова, она отправилась в путь.

Это был долгий переход через подземный мир Пустоши. Габриэлла быстро поняла, что если бы она не столкнулась с волшебниками и не получила бы от них указания, она бы, в конце концов, безнадежно потерялась в бесконечных лабиринтах пещер и туннелей. Ее факел давал достаточно света для глаз, создавая золотистый купол тепла вокруг нее, а сопровождающее ее порхание Перышка приносило гораздо больший комфорт, чем она могла бы ожидать.

В первый раз, когда он уселся ей на плечо, царапнув когтями о ее доспехи, она была так напугана, что чуть не уронила факел. Вскоре, однако, она привыкла, чтобы оценить его почти неощутимый вес и тепло его перьев, когда они касались ее щеки.

Габриэлла заговорила с ним.

— Я даже не знаю, какое сейчас время суток, — мрачно заметила она. — Утро сейчас или ночь снаружи. В таких условиях легко идти дальше и дальше, не осознавая, что ты устал, пока не упадешь от утомления.

В ответ Перышко взъерошил перья на груди, а затем принялся начищать свой клюв о крыло, делая вид, что его это не заботит.

В течение долгого времени Габриэлла не чувствовала голод. Она размышляла о том, что возможно постоянная темнота имела какое-то странное влияние на ее аппетит, но решила не беспокоиться по этому поводу. Ее запас пищи почти иссяк. Девушка была рада всему, что помогло бы ей сохранить то немногое, что у нее осталось.

Тогда, впервые, она задумалась о соколе. Должна ли она кормить и его тоже? Вскоре, однако, птица сама ответила на этот вопрос.

Сокол резко сорвался с ее плеча, устремляясь вниз к земле. Еще один взмах крыльев, и он, похоже, схватил что-то с каменистого пола. Птица сделала круг назад, и Габриэлла увидела в ее сжатых когтях извивающееся серое тело крысы. Девушка вздрогнула, когда сокол, приземлившись на соседнем валуне, опустил клюв и с удовольствием стал потрошить несчастное создание. Она ждала, пока он ел, но старалась не смотреть в ту сторону. Она всегда ненавидела крыс.

— Фу, — сказала она, содрогаясь. — Я все слышу. Она еще пищит, что ли?

Перышко щелкнул клювом, а затем снова вцепился в крысу, явно наслаждаясь едой.

Путешествие продолжалось, минуя всевозможные места в подземельях под Пустошью.

Иногда Габриэлле приходилось следовать за течением подземной реки, даже когда та прорывалась через скалистые пороги и обрушивалась водопадами или внезапно останавливалась в жутком спокойствии. Ее воды всегда изобиловали множеством светящихся рыбок. В какой-то момент река образовала огромное озеро, настолько широкое, что его дальние берега были невидны в темноте. Здесь, некие полупрозрачные, голубоватые формы бороздили бездну медленно и ритмично, своими движениями напоминая шелковые шарфы, развевающиеся на весеннем ветру. Из-за своей неподвижности озеро было словно стеклянное, так что Габриэлла могла четко разглядеть существа, несмотря на его очевидную

глубину. Позади форм виднелись узкие ленты темно-фиолетового цвета, образующие плетевидные шупальца. Казалось, их там сотни, исчезающих в невообразимой глубине.

В других случаях, однако, Габриэлла и Перышко отклонялись в сторону от реки, следуя за бесконечными искрами гоблинского огня. Они то оказывались в узких шахтах таких тесных, что Габриэлла легко касалась обеих стен, и таких низких, что ей приходилось передвигаться на корточках. А то стены вдруг поднимались на сотни футов вверх, открывая огромные залы сталактитов и сталагмитов, стоящих царственно словно колонны и возносящихся в недосыгаемую темноту.

Один раз искры привели их в нечто вроде коридора с неестественно ровным полом и какими-то странными очертаниями, выступающими на стенах. Подняв факел, Габриэлла увидела, что на стенах были фактически вырезаны ряды дверных проемов и окон, лестниц и входов, образуя безмолвную картину забытой цивилизации. Она задумалась, насколько древним был этот странный подземный город. Над дверями виднелись слова, но они были незнакомыми и совершенно непонятными. Ближе к концу коридора масса сталактитов сформировала жуткий нарост прямо на фасаде здания. Там, внутри древнего жилища лежала полускрытая россыпь костей. С содроганием Габриэлла заметила, что там было несколько скелетов, хотя определенно ни один из них не был человеческим. Головы были слишком большими, а тела слишком маленькими. Скорее всего, гномы, подумала она. Однако нельзя было сказать наверняка. Девушка поспешила дальше.

В конце концов, она остановилась, почувствовав голод. Перышко приземлился на соседний уступ, а Габриэлла открыла свой мешок. У нее осталась последняя корочка черствого хлеба и полоска оленины. Повинуясь безотчетному чувству, она съела большую часть оставшейся пищи. Последние несколько кусочков она завернула в тряпочку и положила обратно.

— Вот и все, — сказала она соколу, со вздохом глядя на гоблинский огонь. — Еды осталось только на один раз.

Похоже, ей больше нечего было сказать.

Усталость навалилась на нее. Она еще не планировала спать, но теперь это казалось неизбежным.

Не вставая, она просто перекатилась на бок, подсунула свой мешок под голову и закрыла глаза. Прошла минута, а затем две. Ее дыхание замедлилось.

В темноте из-под камней высыпали пауки, они спускались с тусклых потолков, используя сталактиты, как дорожки. Они приблизились к Габриэлле (многие были бледны как кости, некоторые из них — размером с мужскую руку) и окружили ее. Перышко наблюдал за происходящим с опаской, его золотистые глаза неотрывно следили за спешащим сборищем, чтобы быть готовым нанести удар.

Наконец, собравшись в несколько десятков, пауки отвернулись от Габриэллы. Они образовали вокруг нее кольцо, выкатив свои чужеродные глаза во тьму пещеры.

Перышко увидел это. Через мгновение он расслабился.

В конце концов, он тоже уснул.

На следующий день Габриэлла, наконец, нашла Колрута.

Она провела утро (не то, чтобы она могла сказать, было это действительно утро или нет), спускаясь в длинную прямую шахту все глубже в землю. Стены туннеля стремительно поднимались выше и становились уже, так что она чувствовала себя мышью, ползающей в стенах дома. Воздух постепенно становился теплее, по мере того как она продвигалась дальше, и теперь уже было довольно жарко. Пот проникал в глаза, и она вытирала его внутренней стороной запястья.

Впереди завиднелся свет. В отличие от любого другого свечения, которое Габриэлла встречала в пещерах, этот свет был ни голубоватым, ни холодным. Он был обжигающе красным, постепенно становясь ярче по мере ее приближения. Искры ее факела летели вперед, следуя за ходом туннеля, как будто подхваченные сильным ветром несмотря на совершенную неподвижность воздуха.

— «Что бы ни случилось, — повторяла себе под нос Габриэлла, — ни слова о сокровищах. Это единственное правило. Чем меньше скажешь, тем лучше...» Мы сможем это? Как думаешь, Перышко?

Перышко приподнялся у нее на плече, взмахивая крыльями в попытке охладить себя. Габриэлла почувствовала на щеке жар от его крыла.

— Давай улетай, — прошептала она, слегка шлепнув его рукой. — Из-за тебя мне еще жарче.

Сокол взвился в воздух и раздраженно заклекотал. Он кружил вокруг нее, явно не желая улетать слишком далеко вперед.

Где-то вдалеке между стенами туннеля обозначилась вертикальная полоса ярко-красного цвета. В ее глубине было заметно слабое движение, словно медленно движущееся пятнышко.

— Думаю, мы уже близко, — сглотнув, произнесла Габриэлла, — судя по словам Елены и Гудрика, Колрут расскажет то, что нам нужно знать. Пока мы не произесем что-нибудь неправильное...

В воздухе запахло серой. Гоблинский огонь задрожал и ярко вспыхнул, устремляясь к красноватому свету впереди. Расщелина постепенно увеличивалась.

Послышался какой-то звук. Габриэлла догадалась, что он продолжается уже в течение некоторого времени, просто он был чуть ниже уровня слышимости. Это был глухой рокот, как будто сама земля неуловимо двигалась вокруг нее.

Перышко снова приземлился на плечо. Он щелкал клювом и яростно крутил головой, взъерошив крошечные перья на лбу.

— Я знаю, — ответила Габриэлла. Она и сама нервничала.

Наконец, спустя, казалось бы, слишком много времени они достигли конца туннеля. Прямо позади его высоких стен открывались светящиеся красным недра земли, которые тяжело ворочались словно грозовые облака на закате. Запах серы был просто ошеломительный. Габриэлла остановилась и сделала глубокий вдох через рот. Затем, взяв

себя в руки, она шагнула в красный свет.

Пещера была невероятных размеров. Ее полом служила разрушенная долина, раздробленная и изрезанная, усыпанная валунами. Дым сочился из трещин, затемняя воздух, и в то же время пространство заполняло алое сияние, распространяющееся на сотни футов вверх до самого конуса потолка.

В центре пространства, на переднем плане, находилось нечто, что Габриэлла просто не могла осознать. Оно было подобно скрученному дереву, настолько великому, что могло бы затмить размером весь замок Камелот. Оно было черное, как уголь, испещренное выступами, глубокими трещинами и бороздами. Его ветви выдавались во все стороны, такие широкие словно дороги и уходящие далеко в потолок пещеры. Далеко внизу корни дерева раскинулись словно каменные щупальца, пронизанные трещинами. Трещины эти светились оранжевым светом, как будто сердцевинкой каждого корня был чистый огонь. Хуже того, в центре ствола находилась зияющая пасть, пылающая ярко-красным, как будто выложенная углями. Это и был источник красноватого света, который заполнял пещеру.

Перышко вцепился в плечо Габриэллы, его когти сильно царапнули край ее брони. Медленно, уставившись широко раскрытыми глазами на невероятное создание, Габриэлла ступила на разрушенную равнину.

«Габриэлла Ксавьер».

Голос, который произнес ее имя, не был человеческим. И едва ли его можно назвать голосом. Казалось, он был создан грохотанием самой земли, проникая глубоко в уши и отзываясь во внутренностях. Этот звук был практически бесшумным и одновременно невыносимо оглушительным.

— Да, — ответила она. Ее собственный голос вырвался хрипом, казалось, она никак не могла заставить себя говорить громче.

«Габриэлла Ксавьер... Ксавьер... Габриэлла... авьер... элла...»

Голос прокатился раскатами, разделяясь на несколько отзвуков, десятки, а может и сотни. Отголоски затихали где-то вдаль, вызывая у Габриэллы жуткое ощущение, что они продолжают передаваться в каждом темном уголке подземелья.

— Гхм! — внезапно окликнул ее тонкий голосок. На фоне удаляющегося чудовищного эха, этот новый голос был крошечный и веселый, словно колокольчик в грандиозных просторах пещеры. Габриэлла огляделась в поисках его источника.

Среди змеящихся корней дерева сидел маленький человек. Его спина была согнута от возраста, а его лысая голова задвигалась, когда он махнул ей. Вопреки всем законам, человек, казалось, сидел в старом кресле-качалке. Он ликующе раскачивался взад-вперед на изогнутых дугах кресла. Даже на расстоянии Габриэлла могла увидеть, что он весело ухмыляется ей, подзывая к себе.

— Что это за... — пробормотала девушка с широко раскрытыми глазами.

Осторожно и аккуратно Габриэлла начала продвигаться по направлению к этой сморщенной фигуре. Она шла медленно из-за чудовищно разрушенного пола и столбов удушающего дыма, которые прорывались сквозь трещины. Когда она обогнула их, то увидела, что дым исходил из светящихся расщелин, таких же глубоких как каньоны. Гул земли был все еще слышен. Она ощущала его через подошвы своих сапог. Перед ней все больше вырисовывались ужасающие очертания дерева. Волны жара, поднимающиеся от его иззубренной поверхности, обжигали ее. Перышко беспокойно крутил головой из стороны в сторону, все еще цепляясь за край доспехов.

— Хи-хи! Иди сюда, принцесса! — тоненько подзывал крошечный старичок, не переставая махать. — Иди поздоровайся со мной. Давай поговорим! О, да! — захихикал он нетерпеливо и весело.

Пол вокруг извилистых корней был разбит на острые, неровные участки, каждый из которых был выше предыдущего. Габриэлла осторожно взбиралась по ним, приближаясь к человечку. Огромные, черные корни дерева были теперь повсюду вокруг нее, каждый выглядел обуглившимся, покрытым глубокими трещинами как уголек. Там, где они погружались в землю, камни светились огненным мерцанием. Скрученный ствол возвышался над ней, выжженный дочерна и покрытый глубокими, острыми бороздами.

— Вот умничка! — радовался старичок. Его голос был почти таким же надломленным, как камни вокруг него. Он улыбнулся ей слащаво, пожевал губами, но его блестящие глазки были острые и голубые, как лед в зимнем пруду. — Подойди ближе. Отдохни и погости немного. Задавай свои вопросы, принцесса и расскажи мне свою историю.

Габриэлла была уже достаточно близко к старику, так что ему теперь не было необходимости повышать голос, чтобы его слышали. Она приблизилась к нему с опаской, а он просто взирал на нее снизу вверх, его голова подпрыгивала на щетинистом стебле шеи. Он был одет в грубую, бесформенную рясу, капюшон лежал позади его шишковатых плеч. Между сплетенных рук виднелся набалдашник черной трости явно сделанной из камня, ее кончик утыкался в трещину перед его босыми ногами. Он энергично раскачивался, наблюдая за своей гостьей, видимо, ожидая, когда она заговорит.

Габриэлла изучала его хмуро, застыв в оцепенении. Наконец, она спросила:

— Это ты... Колрут?

Старик усмехнулся вдруг, вытягивая морщинистые губы и показывая свой беззубый рот. Он закачался немного быстрее. Этого, вероятно, было достаточно для ответа.

— Что это был за голос, который я слышала ранее? Тот, который звучал, как сама земля и произнес мое имя?

— Хм-м-м! — старик таинственно рассмеялся, в его глазах затанцевали искорки. Он поднял руку и коснулся пальцем носа, потом кивнул и захихикал.

Габриэлла еще больше нахмурилась.

— Меня послали сюда, — объявила она. — Мне сказали, что ты мог бы помочь мне в моей миссии. Это правда?

— Может быть! — ответил старик, кивая. — Все зависит, не так ли?

— Зависит от чего? — спокойно спросила Габриэлла.

Глаза старика прояснились на мгновение.

— Будут ли твои вопросы правильными.

Габриэлла вздохнула. У нее не было времени на загадки от помешанных стариков. Она оглядела алые своды пещеры.

— Что это за место? — спросила она, любопытство постепенно одолевало ее. — И кто ты?

— Ага! — просиял старик. — Вопрос, на который я могу ответить! Это неуспокойная могила Чаоренвара, также известного как Лорд Вулкан, бесспорного правителя расплавленных глубин. Это, — старик поднял руку, указывая над головой на обугленные очертания дерева, — его застывшие кости!

— Чаоренвар, — повторила Габриэлла медленно. — Древняя огненная гора?

— Точно, — с жаром воскликнул человечек, — древняя, но никогда не находящаяся

покоя. Эта пещера — то, что осталось от горного пика, который когда-то был его очертаниями! Увы, разбитые склоны его могучих плеч спали, оставив только тень в этой земляной могиле, но кости огненного ядра Чаоренвара остались. Не позволяй его древоподобному виду себя одурачить! Его ветви — это скважины, выходящие на поверхность, чтобы излить реки камней. Его корни — это желоба, ведущие к расплавленному океану сердца земли. А его ствол — адское горло его ярости, которую он когда-то изрыгнул жидким огнем высоко в облака, проливая пепельную смерть на много миль в каждом направлении.

Габриэлла была потрясена. Она взглянула на окаменелые кости мифического вулкана. Его расплавленное сердце все еще светилось, доказывая, что он не был мертв, а только спал. Старик качался и что-то бормотал про себя радостно. Потом захихикал. Через минуту Габриэлла снова опустила взгляд на него.

— Значит, ты, должно быть, дух вулкана, — рискнула она предположить. — Я читала о таких вещах в мифах. На самом деле ты не такой, как кажешься, а меняешь свою форму для каждого, кого ты встретишь. Я права?

Старичок усмехнулся в ответ и пожал костлявыми плечами, не то, чтобы он не знал ответа, но, как будто он не имел намерения его давать. Синева его глаз, казалось, вспыхнула в зловещем мраке. Он склонился к ней.

— Ты можешь называть меня Колрутом, — внезапно прошептал он, словно делился вкусным секретом.

Габриэлла продолжила:

— Что ты знаешь обо мне, кроме моего имени?

Колрут задумчиво покачал головой назад-вперед.

— Я знаю твое прошлое и будущее, но твое настоящее мне не ведомо. Такова природа моего существа. Время для нас является противоположным вашему, поскольку вы, наоборот, знаете настоящее, но не видите будущее и едва помните прошлое. О да. Гх! Многим суждено прийти ко мне через сотни лет, но я все равно чувствую их приближение. Мне известно также, как они уйдут. Если, конечно... — здесь его глаза встретились с ней, приняв резкое выражение, — им позволят уйти. Гх!

Он притворно вздохнул, а затем с грустью добавил:

— Но, увы, я никогда не знаю, что они могут сказать или сделать в те моменты, когда они со мной. Возможно, они приходят, чтобы искать свое будущее. Или, возможно, они приходят, чтобы украсть мои сокровища! Очень многие приходят с этим намерением, потому что я собрал множество сокровищ из забытых глубин земли! Больше, чем можно себе представить. Это меня забавляет! — он снова хихикнул с еле слышным хрипом, а потом спросил с заговорщической ухмылкой:

— Тебе известно о моих сокровищах, Габриэлла Ксавьер?

Габриэлла осторожно покачала головой.

— Я пришла за знанием, — ответила она. — И все.

Колрут пожевал губами, пока обдумывал ее слова, кивая головой с умным видом. Его пальцы крепко сжали набалдашник трости, костяшки рук резко выдались вперед.

— У меня очень много сокровищ, — подмигнул человек одним глазом, глянув на нее снизу вверх. — Прямо позади меня, в огромной пещере. Золото сияет как солнце в свете моих огней. Ты ведь хочешь взглянуть, разве нет?

— Нет, — настороженно ответила Габриэлла, страх змеиными кольцами уже

разворачивался у нее в животе.

— Я здесь, чтобы задать вопросы. Единственное, что я ищу, это знание.

Глаза Колрута сузились, и его улыбка захлопнулась, как капкан. Он перестал раскачиваться и уставился на нее. После очень долгой паузы, он начал качаться снова, более медленно на этот раз.

— Я помню, зачем ты пришла ко мне, — признался он.

Габриэлла выдохнула с облегчением.

— Тебе известно, что я ищу? И в чем состоит моя миссия?

Колрут медленно пожал плечами, его глаза были все еще сужены. Она должна была спросить, конечно. Существа, подобные ему, никогда ничего не давали охотно. Она выпрямила спину и сделала глубокий вдох.

— Я ищу кое-кого по имени Меродах, — отчетливо заявила она. — Я должна найти его и противостоять. Мне сказали, что ты знаешь, где он находится.

Губы Колрута растянулись в хитрой улыбке.

— Я знаю, где он был вчера, и я знаю, где он будет на следующий день, таким образом, я могу предложить вполне достойную догадку о том, где он находится сейчас. Но ты должна знать, Габриэлла Ксавьер, что такое знание имеет цену.

Габриэлла взглянула на него. Жар пещеры окутывал ее, высушивал пот на лбу мгновенно, если он появлялся.

— Мне почти нечего предложить, — ответила она. — Что ты хочешь от меня?

— О, это не такая цена, — усмехнулся Колрут, его раскачивание снова ускорилось. — Цена знания, принцесса, больше самого знания. Ты не сможешь взять только то, что ты желаешь знать. Тебе придется взять с собой бремя полной ясности. Это единственный путь.

Лоб Габриэллы наморщился с сомнением.

— Ты имеешь в виду, — уточнила она, — что ты расскажешь мне больше, чем я прошу? Это все?

Кудахтанье Колрута наполнило горячий воздух, поднимаясь, словно летучие мыши в темноту. На плече Габриэллы Перышко яростно взъерошил перья и защелкал клювом.

— Да! — ликующе прохрипел Колрут. — Да, это все! Но будь осторожна, принцесса! Это действительно цена, которую многие не желают платить! Полная ясность может уничтожить человека точно так же, как и любой меч! Многие из них решили остаться и умереть под тяжестью знаний! Гх! Их кости разбросаны среди камней там внизу, вместе со скелетами тех, кто пришел в поисках моего сокровища! В действительности, немногим из тех, что пришли увидеть меня, удалось покинуть меня! — он пронзительно, восторженно засмеялся.

Габриэлла мужественно стояла перед лицом безумного ликования старика. Она попыталась представить себе, какого рода знание могло привести ее к смертельному отчаянию, но не могла ничего придумать. Когда хихиканье Колрута наконец утихло, она повернулась к нему с бесстрастным видом.

— Скажи мне, что я хочу знать, — заявила она, — и я приму бремя всего, что ты дашь мне.

Колрут все еще хихикал про себя, даже когда его глаза остановились на ней, сузившись.

— Как пожелаешь, принцесса, — согласился он. — Тот человек, Меродах, не участвует в походе, как ты предполагала. Он будет в том же месте завтра, где он был вчера. Он ожидает в Разбитой Короне, как раз за северной окраиной Штормовой Пустоши. Там умер

твой муж, и там Меродах установил свою крепость.

Габриэлла впитала это с растущей путаницей у себя в голове.

— Он ждет...? — спросила она слабым голосом, озабоченно. — Но чего?

Старичок хихикнул сквозь закрытые губы, наклоняясь вперед в своем кресле, хотя продолжал качаться.

— Он ждет нечто, — признал он, — но не тебя.

Габриэлла нахмурилась в недоумении.

— Значит, он не идет на Камелот?

— Он — нет, — лукаво подмигнул Колрут. — Но его войска движутся, и их много! О да!

Действительно, много! Они дальше, чем ты можешь предположить, уже близко к своей добыче! Гх!

Сердце Габриэллы налилось свинцовой тяжестью внутри нее. Она медленно кивнула, сжав челюсти.

— Я пойду к нему, несмотря ни на что. Зверь должен умереть. Отмщение настигнет его, а его армии будут рассеяны.

Колрут не стал смеяться над этим. Вместо этого он остановился в кресле и наклонился еще дальше вперед, его глаза превратились в ледышки, когда он впился в нее взглядом.

— Дойдешь ли? — многозначительно спросил он. — И рассеются ли они?

Габриэлла смотрела в его холодные глаза. Дрожь пробежала по ней, несмотря на жару пещеры. Она уже начала ощущать, насколько крутой может быть цена за ее сведения.

Девушка сделала шаг назад от пронизывающего взгляда старика.

— Да, — выдохнул он. — Ты начинаешь видеть, не так ли? Твой Дэррик понял это в самый последний момент, с последним предсмертным вздохом. Даже твоя мать, она знала правду, когда она лежала на полу своей комнаты со стекленеющими глазами, истекая кровью, чувствуя, как жизненная сила медленно утекает из ее тела. Тебе был дарован драгоценный подарок, Габриэлла Ксавьер. Ты будешь знать то, что другие узнают, лишь когда уже будет поздно что-то изменить. Ты будешь знать нити судьбы и увидишь, насколько ты мала в сравнении с ними...

Габриэлла хотела отшатнуться, но ее ноги крепко засели в камне. Перед лицом этого безумного блеска, она пожалела о своем выборе. Она отчаянно хотела вернуть назад свои вопросы. Внезапно, знание, которое она приобрела, показалось маленьким и ничтожным по сравнению с тем, что может произойти в будущем. Глаза Колрута, казалось, стали больше, расширились в ледяные ямы, глубокие, как пещерное озеро, которое она встретила на своем пути. Ворчание земли повторяло его слова вместе с ним, образуя разрушительный унисон.

— Ты отправишься к человеку по имени Меродах в его крепость, и ты столкнешься с ним. Это твоя судьба, — зазвучали голоса, заполняя пещеру, их слова падали, как тяжелые камни. — Но... ты потерпишь неудачу в своей миссии. Королевство твоего отца уже в руинах. Камелота больше не будет. Его имя будет предано забвению, сократится до мифа, станет легендой. Все те, кого ты любишь... умрут. Они отправятся в преисподнюю. И вскоре, Габриэлла Ксавьер, ты присоединишься к ним.

Эхо слов Колрута зазвенело сквозь темноту, отчетливое, но звонкое, как железо, сотрясая пещерные своды. Он продолжал смотреть на нее, вглядываться прямо в нее, оценивая урон, который он нанес ее воле и, похоже, находил в этом удовольствие. Его улыбка была смертельно опасной, острой, как кремень.

Наконец, спустя, казалось, несколько минут, отголоски его речи угасли, удаляясь в

скрытые глубины подземелья Пустоши. Габриэлла стояла, обдаваемая жаром, алый свет отражался от ее брони.

Медленно, она кивнула.

— Так тому и быть, — прошептала она про себя.

Колрут смотрел на молодую женщину, его улыбка исчезла. И он сделал то, чего не делал в течение многих столетий, возможно, даже тысячелетий.

Он моргнул.

Остаток подземного путешествия шел, в основном, в гору.

Жар пещеры Чаоренвара постепенно уменьшался, пока Габриэлла и Перышко взбирались по длинным подземным склонам, заканчивающимся каменными площадками, безмолвными, как склепы. Здесь не было сокрытых рек или озер и все реже попадались сталактиты и сталагмиты. Пещерный камень был сухой, как кость, так что из-под сапог Габриэллы поднимались облачка пыли. Сам воздух казался мертвым, как будто он был иссушен каким-то невообразимым жаром много тысячелетий назад.

По мере их продвижения, у Габриэллы понемногу складывалось представление о подземной географии Пустоши. Пещера Чаоренвара была самой глубокой точкой, и, вероятно, находилась в самом центре, прямо под Зубчатыми скалами. Возможно, предположила она, вулкан и был ответственен за происхождение скал. Может быть, в каком-то далеком прошлом он извергнулся с такой силой и такой внезапностью, что разрушил самые кости земли, расщепив землю на две части и сместив массы одну над другой.

Кроме того, что, если извержение было не совсем естественным событием? Ведь ходили легенды о том, как самые могущественные армии волшебников применили разрушительные заклинания, чтобы вызвать такие силы, как землетрясения, ураганы, молнии и наводнения. Даже сам великий Мерлин, по слухам, приложил к этому руку.

В пещере окаменевшей армии, волшебница Елена ссылалась на некоего «корыстного колдуна», по вине которого вся армия была превращена в камень. Что если тот же колдун вызвал гнев вулкана Чаоренвара и спровоцировал его неестественную мощь? Возможно ли, что сам великий колдун, Мерлин Амброзиус, действительно, был еще жив где-нибудь? Было ли течение времени отличным для таких существ, как он? И если да, то могло ли быть правдой, что великий волшебник, чьи советы принесли пользу самому королю Артуру, знал о Габриэлле и принимал участие в ее судьбе? Мог ли быть рассказ Елены об оборотне и полуночном спасении в заснеженном домике у озера быть правдой?

Каждый раз, когда она сомневалась в этом, она вспоминала о подвеске у себя на шее. Она была все еще теплой.

Дэррик носил другую половину, пока Меродах не забрал ее.

Габриэлла мрачно размышляла об этих вещах, занимая свои мысли, пока проходила тоннели бесконечной ночи.

Она и Перышко спали дважды в течение этого отрезка пути. Еда у нее уже кончилась, а

ее фляжка наконец опустела. Последние несколько глотков она вылила в ямку на каменном полу для Перышка. Он пил, методично окуная клюв, а затем откидывая голову, позволяя воде стечь в горло. Когда вода кончилась, он легко вспарил в воздух и приземлился на ее плечо.

— Вот и все, — вздохнула Габриэлла, стараясь не чувствовать безнадежности. — Будем надеяться, что мы приближаемся к концу нашего подземного похода.

Голодные, томившиеся от засушливого окружения, эти двое продолжали путь.

Наконец, на третий день их постепенного восхождения, Габриэлла заметила слабый отблеск света где-то впереди. Она остановилась, расширив глаза, наполовину уверенная, что это был мираж.

— Ты видишь это, Перышко? — спросила она. — Мне это действительно не кажется?

Перышко слетел с ее плеча и захлопал крыльями вперед. Через некоторое время он исчез из сияния гоблинского факела. Его крик вернулся к ней эхом. Потом она снова увидела сокола — черную тень на чуть менее темном фоне. Свет был вполне реальным, хотя настолько слабым, что едва создавал пятнышко серого цвета.

Габриэлла направились к нему, ускоряя темп, несмотря на свою усталость. Так давно она не видела дневного света, что обещание его было почти невыносимым. Она побежала. Свет от факела прыгал на неровных стенах, бросая дикие тени во всех направлениях. Ее собственное дыхание резкими неровными толчками вырывалось из нее, эхом отзываясь в сводах туннеля.

Перышко снова заверещал на некотором расстоянии впереди, ведя ее за собой.

Свет рос медленно, но зрелище было восхитительное. То, что когда-то было лишь белеющим пятнышком, теперь являло собой устойчивое свечение, представляющее разительный контраст среди грубых очертаний стен и пола. Пока Габриэлла двигалась к свету, она наслаждалась постепенным его увеличением. В течение нескольких дней она жила в мире, который был едва ли больше, чем круг от ее факела. Вот, наконец, перед ней открылся туннель, он становился шире, выше. Стали видны обрамляющие его камни и выступы. Свет исходил из точки за следующим поворотом. Внезапно ослепительный луч с кружащимися частицами пыли пронзил туннель слева направо, освещая под углом остатки разрушенной скалы. На фоне этого, расположившись на одном из крупных валунов, сидел и ждал сокол, с тревогой вертя головой из стороны в сторону.

— Мы почти выбрались, — воскликнула Габриэлла, догоняя Перышко. Лежащие позади него камни образовывали широкий разлом, по-видимому, обвалившийся в огромную пещеру, наполненную белым светом. Габриэлла взволнованно улыбнулась, обходя завал, и направились в свет, окунаясь в его лучи.

Это действительно был дневной свет. Огромная, неровная расщелина освещалась впереди на несколько сотен шагов. Мир за пределами входа в пещеру был непрерывно и ослепительно белый. Холодный воздух пробивался сквозь разлом, издавая низкий стон среди скал. Пол последней пещеры, устланный щебнем и гравием, был пересечен огромными бороздами, как будто что-то очень большое неоднократно тащили по пещере.

И еще запах.

— Фу-у, — сморщила нос Габриэлла, передвигаясь по пещере. — Что это такое? Как во время потопа в лаборатории профессора Тофа. Но во много раз хуже...

Было хуже, потому что это был не просто запах горелых химикатов и гниения. Это был запах свежей смерти. Пурпурное зловоние крови ясно ощущалось в холодном воздухе. Перышко захлопал крыльями, направляясь к ближайшей стене слева. Он уселся на то, что на

первый взгляд казалось сплетением вырванных с корнем деревьев. С замиранием сердца Габриэлла поняла, что это была груда очень больших костей, черных с гниющими хрящами. Сокол приземлился на ребро и клюнул его клювом. Он затряс головой, по-видимому, от отвращения.

— Перышко, — обеспокоенно позвала Габриэлла. — Я думаю, нам лучше уйти отсюда побыстрее...

Позади нее послышался сильный шум, что-то вроде протяжного скрежета. Его сменил звук, похожий на шипение воздуха в гигантских мехах, который закончился еле слышным сопением. Химический запах внезапно стал острее.

Габриэлла застыла на месте с широко раскрытыми глазами и колотящимся сердцем. Затем, когда снова воцарилась тишина, она повернулась, стараясь не производить шума на усыпанном гравием полу.

К противоположной стене пещеры прижималась чудовищная фигура. Она была похожа на бурый комковатый холм, покрытый сплошь чешуей. Ряд зубчатых пластин торчал из него, как забор, который уменьшался в размерах, спускаясь вниз с костлявого хребта. Там, где хребет приближался к полу пещеры, он отделялся от существа и становился длинным, сужающимся хвостом, покрытым тремя рядами зубчатых шипов.

Пока Габриэлла смотрела, гора слегка увеличилась, а сопящий звук раздался снова. Не было никаких сомнений в том, что это было, хотя Габриэлла никогда не видела такое создание прежде. Она замерла на месте, окаменев от ужаса.

Медленно, величественно вся фигура стала приходить в движение. Хвост заскользил по гравию в сторону, вновь создавая тот хрустящий звук. Пара горбов возле вершины оказалась лопатками, зашевелившимися под чешуйчатой кожей. Последовал глухой удар, и гигантская, мускулистая нога показалась из-за убравшегося хвоста. Резко выступающие кости отмечали суставы лап. Крючковатые когти царапнули пол пещеры.

Дракон не спеша вставал во весь рост, его шумное дыхание заполняло пещеру и отдавало вонью.

Габриэлла, наконец, стряхнула оцепенение, когда увидела, как разворачивается змеиная шея. Она опустила факел и попятилась назад, в ужас отвернувшись от монстра, но отчаянно пытаясь найти укрытие. Она бросилась сломя голову за груду гниющих костей. Перышко все еще был там, бесстрашно восседая на массивных ребрах. Запах разложения был такой, что Габриэлле едва не вырвало, но она присела на корточки и закрыла рот рукой, сдерживая приступ тошноты.

Она все еще видела дракона через гущу хрящеватых костей. Он поднялся медленно, лениво, грациозно вытягивая голову. Позвонки на шее и спине заходили ходуном, все суставы выровнялись, и пластины в его хребте встали торчком. Дракон был такой огромный, что его туша заполняла почти пятую часть пещеры. Внезапно, с обескураживающей изящностью, эта громадина повернула большую, змеевидную шею и изогнула рогатую голову низко над землей, выдувая из ноздрей ленты дыма. Он с подозрением оглядел свое жилище, его оранжевые глаза деловито стрельнули по сторонам, как будто он учуял что-то неладное. Он остановился, и Габриэлла была уверена, что он заметил ее.

Что-то заурчало, и Габриэлла с тревогой поняла, что этот звук издавал желудок дракона. Дракон фыркнул, и отпрыгнул пламенем. Габриэлла проглотила комок в горле и заставила себя не двигаться. Над ней, на своей жердочке из костей невозмутимо прихорашивался Перышко.

Дракон приготовился, сощурил глаза и рванул вперед. Огромные, кожистые крылья развернулись за его спиной и поймали воздушную струю, как паруса, поднимая зверя с земли, когда он сделал бросок. Челюсти распахнулись, и наклонив голову в сторону, он резко выкинул длинную шею вперед. У Габриэллы не было времени среагировать. Она зажмурилась и уткнулась головой в руки, когда тень чудовищного зверя упала на нее.

Дракон приземлился на все четыре лапы с массивным грохотом, и челюсти его захлопнулись как ловушка. Последовал ужасный хруст ломающихся костей и разрывания плоти, смешанный с клокочущим звуком, наполовину ревом, наполовину рычанием.

Габриэлла разняла руки. Она все еще была цела, все еще сидела среди груды гниющей туши. Она выглянула через кости, едва не лишившись чувств от облегчения.

Дракон стоял прямо перед ней, яростно разрывая оставшееся мясо. Труп в его челюстях был похож на того зверя, которого Габриэлла встретила ранее в своем путешествии. Приплюснутая голова с изогнутыми рогами отвалилась, когда дракон оторвал одну из задних ног, пожирая ее целиком, с шумным хрустом костей. Зрелище было крайне отвратительное, дракон неистово изрыгал из пасти огонь, поджаривая пищу своим пламенным дыханием. Воздух наполнился зловонием от горелой шерсти.

Внезапно дракон отскочил назад и бешено замотал головой. Труп чудовищного быка, все еще зажатый в пасти дракона, разломился при этом пополам. Передняя половина полетела обратно в гнездо дракона, таща за собой нити внутренностей. Она ударилась о землю и покатилась. Дракон набросился на нее с злобным рычанием, как будто жалкая половина трупа пыталась убежать. Массивные когти дракона царапали и рыли землю, раскидывая камни во все направления. Его хвост поднимался к потолку, а затем со стуком обрушивался вниз, сотрясая землю и посылая вверх большое облако песка.

Габриэлла была в ужасе. Она отвела взгляд от неистовствующего дракона, и тут заметила выход из пещеры в тридцати шагах от себя. Чувствуя себя безнадежно медленной и неуклюжей, она выкатилась из-под груды костей, едва не споткнувшись о рыхлый пол пещеры, выпрямилась и со всех ног кинулась бежать.

Позади нее взревел дракон, его дыхание пускало вспышки голубого огня, освещающие всю пещеру вокруг. Камень и гравий отлетали от его когтей, осыпая Габриэллу с головы до ног. Она бежала дальше, приближаясь к выходу из пещеры. Что-то тяжелое пролетело через плечо и приземлилось со шлепком на каменистом полу прямо перед ней. Это была голова мертвого быка. Его череп был раскроен и измазан кровью. Его выпученные глаза смотрели в разные стороны. Сама голова была почти размером с Габриэллу.

Позади нее, ужасающе близко, дракон испустил протяжный рев. Жар его дыхания задувал волосы Габриэллы на лицо, они хлопали ее по щекам на бегу.

Девушка перепрыгнула через оторванную голову, используя один из изогнутых рогов в качестве рычага. Приземлившись с другой стороны, она подскользнулась на камнях и упала.

Гора чешуйчатых мышц неслась за ней, поднимая голову убитого зверя в воздух. Брызги крови попали на Габриэллу. Она рванула вперед, онемев от ужаса, и выскочила из пещеры наружу. Свет обрушился на нее, ослепляя ее, но она побежала дальше, спотыкаясь, скользя, выпрыгивая в морозную белизну.

Она упала, врезаясь лицом в сугроб, и кубарем полетела вниз по крутому склону. Блестящий белый свет окружил ее, не делая различия между небом и землей. Наконец, она приземлилась на спину, заскользила вниз по оставшемуся склону и, влетев в покрытую снежной коркой желтую траву, остановилась.

Габриэлла поспешно вскочила на ноги и оглянулась. Высоко над ней черной трещиной виднелось устье пещеры, окруженное заснеженными валунами. Дракон все еще бушевал внутри, его рык эхом доносился до нее, земля дрожала от его беснования. Габриэлла с трудом держась на ногах, выбралась на мерзлую землю и отбежала подальше от пещеры. Она нашла огромный валун, нырнула в его тень и рухнула от истощения, вызванного страхом.

Сначала девушка тряслась от испытанного ужаса, но тряска быстро перешла в мелкую дрожь от холода. Она обхватила себя руками и попыталась привести в порядок свои мысли.

Через некоторое время шум дракона стал слабым и исчез. Тишина окутала снежный пейзаж. Первым пришло чувство облегчения. Потом Габриэлла начала опасаться, что дракон унюхает ее. Возможно, он уже выслеживал ее, полз за ней по замерзшей траве.

Осторожно она перекатилась на колени и тихонько выглянула из-за камня, заставив себя осмотреться.

Никаких признаков дракона на склоне холма не было. Снег нарушали только зигзагообразные следы ее собственных ног. Тогда она напонила себе, что драконы могут летать. Она вгляделась в ослепительно белое небо.

Что-то действительно летело наверху, но оно было намного меньше, чем дракон. Это был Перышко, кажется, он что-то нес, с трудом удерживая дополнительный груз. Он кружился в небе, высматривая ее, и заметив, наконец, испустил отдаленный крик. Молча, он начал спускаться вниз к ней, и тогда Габриэлла увидела, что он нес в когтях факел. Гоблинский огонь продолжал гореть в холодном воздухе, почти невидимый в ослепительной белизне.

Габриэлла протянула руки и поймала факел, когда сокол подлетел ближе.

— Ты должно быть считаешь себя настоящим храбрецом, — заметила девушка с благодарностью, стуча зубами от холода.

Он приземлился на вершину камня и встряхнулся, распушив перья. Тонко заверещал и обвел взглядом холодные белые холмы. Габриэлла проследила за его взглядом.

Они были по другую сторону Зубчатых скал. Здесь земля была разбита на круглые холмы, вершины некоторых венчали черные скалы и обнажившиеся из-под снега кусты и деревья. Дальше на север, будто бледно-синие зубья пилы на фоне белого неба, вставала горная цепь. В центре, самой большой из них, была гора Скелтер. Габриэлла знала, что там, в ее тени, она найдет необычную, круглую долину, окруженную неровными предгориями, носящую имя Разбитой Короны. Девушка была всего в нескольких днях от нее. Ее миссия, какой бы безнадежной она ни была, приближалась к концу.

— Может, Колрут ошибался, — сказала она себе, глядя вдаль на едва видимый, неровный пик. — Может...

Но она не верила в это. Вот почему Елена настаивала на том, чтобы она, Габриэлла, посетила дух вулкана.

— Он расскажет все, что тебе нужно знать, — загадочно объявила она.

Теперь Габриэлла точно знала ее намерение. Елена хотела отговорить ее, показать ей смертельное безрассудство ее миссии. Это не сработало, конечно.

Потому что Колрут не сказал ей ничего нового, чего бы ей, в самой глубине сердца, уже не было известно.

После короткого отдыха, согретая магическим огнем своего факела, Габриэлла начала заключительный этап своего путешествия.

Трое мужчин сидели за грубым, деревянным столом, освещенным дневным светом из небольшого окна.

— Вот, — коротко сказал самый большой из мужчин, со звоном высыпая небольшую горстку монет на стол и подталкивая ее к двум таким же кучкам. У него было квадратное, загорелое лицо и мясистые руки. Он скрестил их перед собой на кожаном жилете. — Выручка за неделю. Как я уже говорил вам, это гораздо больше среднего. Сейчас пик сезона, в конце концов.

Язим спокойно кивнул и склонился, чтобы нацарапать заметку на листе толстого пергамента. Томас нахмурился и окинул взглядом низкую комнату. Помимо бара здесь было еще четыре стола, но только один клиент находился в поле зрения, и Томас подозревал, что это был отец владельца. Старик прислонился к стене в своем кресле, сложив руки на худощавой груди, и слегка похрапывал.

Язим постучал пером по пергаменту.

— Сколько скота и лошадей, вы сказали, держите, сэр?

— Три и два, — ответил хозяин, не моргнув. — Моя лучшая выючная лошадь сломала ногу прошлой осенью, и нам пришлось ее зарезать. Нам поистине тяжело без нее, господин, не сомневайтесь.

— Не сомневаюсь, — искренне ответил Язим. — Сколько времени вы уже владеете этим заведением, сэр?

— Четыре зимы. Первые две были самыми трудными. Едва ли удавалось скопить монетку, со всем строительством и ремонтом. В этом месте не было ни одной прямостоящей стены, когда мы заехали. Почти голодали, это правда.

Язим кивнул. Его перо все еще скрежетало по пергаменту.

— И поэтому вы до сих пор не сообщили об этом заведении в местный налоговый орган?

Хозяин настороженно кивнул.

— Я собирался, вы понимаете. Все по справедливости. Я и моя жена, мы лишь хотели внести свой вклад, каким бы маленьким он ни был.

Томас вздохнул и огляделся по сторонам:

— Здесь должно быть ужасно одиноко, когда сезон заканчивается, — заметил он, поднимая бровь, — если так выглядит твой бизнес на высоте. Содержание трактира и конюшни должно быть не особенно выгодно столь далеко от главной дороги.

— Вы правы, господин, — согласился владелец несколько подозрительно. — Пожалуй, может пройти несколько недель подряд, прежде чем появится хоть один прохожий.

— Это наводит на мысль, — спокойно продолжал Томас, встречаясь взглядом с хозяином, — зачем создавать себе хлопоты, держа трактир в подобном месте.

— Простая человеческая доброта, полагаю я, — объявил Язим, скручивая перо и чернильницу в пергамент и засовывая в мешок. — Качество, которое мы видим слишком редко в городе, к сожалению. Благодарим вас, добрый сэр. Вы можете рассчитывать на дружественный визит налогового управления этой области в течение года. Со своей стороны, однако, мы желаем вам хорошего дня.

С этими словами Язим встал, а Томас двинулся вслед за ним. Хозяин моргнув, глянув на

Язима, а затем перевел взгляд вниз на небольшие стопки монет на столе. Вопрос, на мгновение появившийся на его лице, быстро исчез. Он принялся сгребать монеты в свою огромную, мозолистую ладонь.

— Всегда рад принимать слуг короля, — громко сказал он, как будто стараясь приглушить звон монет. — Как я уже говорил, я и моя жена, мы просто хотим делать свою работу. Рад быть полезным. Прощайте же, господа. Безопасного пути.

Через десять минут двое мужчин уже были верхом на лошадях, удаляясь прочь от каменной гостиницы по едва заметной дороге.

— Я бы лучше предпочел остановиться в варварском лагере на ночлег, — заявил Томас, оглядываясь назад.

— Как потомок этих самых варваров, — спокойно прокомментировал Язим, — я полагаю, это говорит скорее о различиях между понятиями гостеприимства наших культур, чем об этой конкретной гостинице.

Томас нахмурился и покачал головой.

— Отбросим тот факт, что ты не взял никакого налога с владельца. Но ты должен знать, что в его конюшне больше двух лошадей. Там четыре стойла, и все они свежие. Почему ты позволил ему посчитать только двух?

Язим слегка усмехнулся и направил лошадь вперед.

— Налогоплательщик, который считает, что ему удалось перехитрить свое правительство, может оказаться удивительно преданным гражданином. Такие люди не устраивают мятежи, потому что они опасаются, что нового правителя, возможно, будет не так легко обмануть. Подобная безопасность стоит несколько потерянных монет в год.

— Ты научился этому у самого эрцгерцога? Что-то я не заметил такого указания, когда нас назначили на эту работу, — размышлял Томас, покосившись на своего друга.

Язим пожал плечами.

— Мы, варвары, умеем читать между строк.

Томас кивнул. В течение нескольких минут они ехали в тишине. Дорога повернула в чащу молодых деревьев. Тени несли прохладу после яркого света вечернего солнца.

Наконец, Томас сказал:

— Что касается чтения между строк, я все думаю о твоей истории...

— В самом деле?

— В самом деле. И я не перестаю задаваться вопросом, сколько из этого действительно правда, а сколько, ну, чистая фантазия. Не хочу проявить неуважения, так как это довольно хорошая сказка, и я весьма увлечен ею, но все же...

Язим сочувственно поджал губы.

— Да, история кажется довольно фантастической. По правде говоря, я не вспоминал об этой сказке в течение многих лет, с тех пор как был ребенком. Молодежь гораздо быстрее, чем взрослые впитывает такие вещи, как волшебники и оборотни, духи вулканов и драконы.

Томас выглядел слегка разочарованным.

— Означает ли это, что ты сам не веришь в эту историю?

Язим глубоко вздохнул. Перестук лошадиных копыт громко раздавался в полуденной тишине.

— Нет, я верю, — ответил он, — но не так, как я когда-то верил. Еще нет, по крайней мере.

Томас взглянул на своего друга.

— Что это значит?

— Это значит, что прошло слишком много времени, с тех пор как магия оказывала влияние на наш мир. Ее сила, по большей степени, ушла. Но намеки на нее остаются, свидетельствуя о времени сильно отличающемся от того, что мы знаем.

— Ты уже видел подобные доказательства?

Язим подумал.

— Я почувствовал это, — ответил он задумчиво. — Мы, в конце концов, на краю той земли, известной во времена Камелота, как Штормовая Пустошь. Теперь это просто неизведанная глушь, усеянная небольшими лесами и населенная преимущественно кочевниками. Магия ушла из земли, но земля не забыла ее. Разве ты не чувствуешь?

Томас покачал головой.

— Я чувствую только, что ты пытаешься напугать меня в преддверии ночи, и ничего больше, и я осмелюсь сказать, тебе это не удастся. Замок остался далеко позади, твой рассказ становится все больше сказкой. Но пусть тебя это не останавливает. Мне чрезвычайно интересно, даже если вся история — чистая фантазия.

— Тот трактир, — сказал Язим, почти про себя, — очень стар. Гораздо старше, чем известно самому владельцу. Камень его стен говорит о веках, а не десятилетиях. Может быть, то, что мы видели, гостиница, в которой мы останавливались прошлой ночью, перестроена на том самом месте, где принцесса, сама Габриэлла Ксавьер, обнаружила развалины проклятого трактира на границе Штормовой Пустоши.

Взгляд Язима обострился, и он косо посмотрел на своего спутника.

— Проклятие, возможно, давно ушло из того места, но есть что-то в нем неправильное, тем не менее. Скажешь, что ты этого не почувствовал?

Томас нахмурился. Он взглянул на смуглого мужчину, а затем снова отвернулся.

— Я спал внутри ее стен. И я до сих пор дышу, когда мы оставили ее позади.

— И все же ты испытываешь облегчение, — заметил Язим, слегка прищурив глаза. — Вот почему ты не стал настаивать на уплате налога. Ты, как и я, был рад убраться из того места. Ты почувствовал его неправильность так же, как и я. Тебе не нужно это признавать. Я вижу все по твоему лицу.

— Ты видишь только усталость и раздражение, — вздохнул Томас, по-прежнему не встречаясь со взглядом своего друга. — Но я признаюсь, что был рад оставить то место позади, но только потому, что спать под звездами более комфортно, чем на тех проклятых прогнивших матрасах.

Язим согласился с этим, медленно кивнув. Они поехали дальше.

— Зубчатые Скалы все еще существуют, — размышлял он вслух. — Даже сейчас они представляют собой чрезвычайно сложный переход для человека или армии. По сей день ходят слухи о бесконечных туннелях и пещерах, потерянных городах, скрытых под поросшей кустарником степью.

— Но Камелот мертв, — заявил Томас. — Даже если твой рассказ правдив, принцессе, возможно, не удалось завершить свою миссию.

Язим пожал плечами.

— Успех можно мерить по-разному, — предположил он загадочно.

Томас усмехнулся, затем покачал головой.

— Куда мы теперь отправимся? — спросил он через минуту. — На север, в самую Пустошь?

— Нет. Там нет ничего интересного для Королевства Аахен. Мы направляемся на восток.

— На восток? — повторил Томас, поглядев в сторону. — Наша миссия состояла в том, чтобы поехать на север, а затем следовать феодальной дороге обратно на юг и восток, посещая поселки, стоящие на пути. Восток вполне соответствует нашим планам.

— Восточная граница, да, — согласился Язим. — Но не центральные районы. Там может быть кое-что.

Томас озадаченно нахмурился.

— Ты что-то не договариваешь, Язим? Что-то скрываешь.

— Что-то действительно может быть сокрыто, — улыбнулся Язим в знак согласия, — и наша цель — раскрыть это. Не бойся. Если я ошибаюсь, мы просто продлим наше путешествие на неделю. Если я прав, эрцгерцог вознаградит наши старания.

— Ты полагаешь, среди холмов есть деревня? — поинтересовался Томас, наклонив голову. — Она является частью твоей странной истории?

В ответ Язим лишь повел свою лошадь дальше, щелкнув языком.

Томас вздохнул.

— Признаюсь, звучит интригующе. Но путешествие вряд ли стоит того, чтобы обнаружить несколько забытых деревенок в лесистых предгорьях. Налоги, вероятно, будут жалкие гроши.

— Мы ищем не только налоги, Томас, — важно заметил Язим.

— Просвети меня тогда, — ответил Томас, качая головой. — Что же мы ищем?

Язим слабо улыбнулся, когда они проезжали под деревьями.

— Мы ищем нечто гораздо более ценное, чем монеты, — тихо ответил он. — Мы ищем сведения. Мы ищем... доказательства.

Томас еще больше нахмурился, но не стал протестовать против изменения в планах.

Солнце начало клониться к вечеру, растягивая тени деревьев по дороге. Два путешественника добились хорошего прогресса, наслаждаясь дружеским молчанием. Наконец, Томас снова заговорил.

— Скажи мне одно: это чудовище, Меродах, был уничтожен, в конце концов?

Язим мрачно улыбнулся.

— Какое это имеет значение? Ведь, как ты говоришь, возможно, такого человека никогда не существовало. Это просто сказка.

— Я не говорил этого. Я высказал логический скептицизм. Расскажи мне окончание истории, не дразни меня.

Улыбка Язима исчезла.

— Боюсь, я не могу. Остался небольшой кусочек, но он не является окончанием.

— Черт тебя подери, — нетерпеливо вспыхнул Томас. — Как ты можешь говорить такое? Почему ты не сможешь рассказать мне, чем все закончится?

Язим глубоко вздохнул.

— Потому что, — он неохотно признал, — никто из живых не знает этого. Баллада о принцессе Габриэлле заканчивается загадкой. Многие пытались угадать исход, но никто не может предсказать правду с уверенностью.

— Черт тебя дери тысячу раз, — воскликнул Томас, хотя и невсерьез. — Ладно. Расскажи мне то, что ты знаешь. Я придумаю свое собственное проклятое окончание, если это будет нужно.

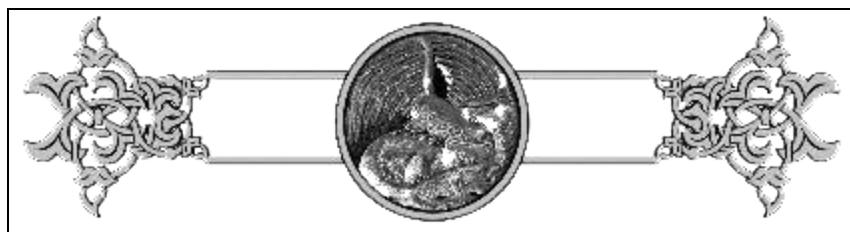
Язим, похоже, согласился. Он собирался с мыслями, пока солнце продолжало спускаться к горизонту. Наконец, он вздохнул и сказал:

— Путешествие принцессы близилось к завершению, и в то же время труднейшая часть была еще впереди. Самое сложное препятствие лежало перед ней.

— Что же будет теперь? — устало потребовал Томас. — Призраки? Демоны? Гигантские двухглавые козлы? С каким фантастическим врагом она должна была еще повстречаться?

Язим сухо засмеялся.

— С самым худшим из всех, — ответил он. — Врагом всех, кто путешествует по мертвой пустыне. Последним испытанием Габриэллы... был голод.

Габриэлла растопила снег, чтобы попить, но отсутствие пищи становилось невыносимым к тому времени, как темнота опустилась во второй раз после ее выхода на поверхность земли. Она разбила лагерь в лощине у подножия крутого холма, воткнула факел с гоблинским огнем в землю и подумывала съесть немного замороженной желтой травы. Она знала, что такая пища не обеспечит ей необходимого питания, даже если бы ей удалось проглотить немного. Может быть, завтра она найдет горстку ягод, оставленных ее тайными полуночными посетителями. Однако, она не сильно надеялась на это. Покинув пещеру дракона, она не видела практически никаких признаков жизни за исключением редких следов дикого зайца.

При мысли о зайце у нее мучительно потекли слюни. У нее не было лука, и способы ловли зверей, которые она изучала в академии, были к сожалению забыты. «Зачем принцессе знать, как ловить пищу?» — в то время думала она про себя. Теперь, медленно умирая от голода в сумеречном холоде, она вспомнила об этом и засмеялась с горькой иронией.

Перышко кружил высоко в вечернем небе, ища свой собственный ужин. Она безмолвно наблюдала. В конце концов, он сложил крылья и бросился к земле, превратившись в стремительную пернатую стрелу. Через несколько минут он появился в тени лощины с наполовину съеденными остатками мыши в когтях. Он бросил ее рядом с факелом, словно предлагая Габриэлле.

— Спасибо, Перышко, — вздохнула она, улыбнувшись. — Ты оставил мне самое вкусное, да? Голову и хвост.

Габриэлла не могла заставить себя съесть принесенное, но она уже была на грани. Если она не найдет пищи завтра, вполне возможно, она будет счастлива съесть мышиную голову. Девушка вздрогнула, хотя ее живот жадно зарычал в предвкушении.

Она заснула.

В ту ночь ее посещали навязчиво яркие сны. Ей снился Меродах в своей крепости, окруженный телами тех, кого она любила. Дэррик был там, бледный и окровавленный, также и Рисс, выглядевшая трогательно изможденной в своем платье подружки невесты.

Мать Габриэллы лежала в засохшей луже черной крови, с открытыми глазами, устрашающе пустыми в темноте.

Хуже того, ее отец был тоже среди них, пронзенный ржавым мечом. Рядом с ним лежали Сигрид и Маленький принц, вытянувшись на полу, как бревна, мертвые, но не похороненные, так и не похороненные.

И Гете там был. Его тело стояло прислоненное вертикально к столбу.

Меродах с усмешкой вышагивал между трупов, едва не наступая на них или отпिनывая их в сторону, когда проходил, и Габриэлла пыталась докричаться до него, умоляя больше не причинять им зла.

«Они уже мертвы! — пыталась она крикнуть сквозь сомкнутые губы. — Пожалуйста, не причиняй им зла! Позволь мне прийти и забрать их, чтобы почтить достойным погребением! Пожалуйста!»

Но безумец не слышал ее. Он бесконечно ходил, задумчиво бормоча и барабанил пальцами по короткой бородке, и каждый раз, когда его тень падала на эти бледные лица, Габриэлла съеживалась от беспомощного страдания, не в силах отвести взгляд, но и страхась смотреть.

А потом Гете начал двигаться. Он был мертв, но все же он выпрямился, отодвинувшись от столба, на который он опирался. Его глаза не смотрели ни на что, но они повернулись к ней невидяще. Его губы ощерились в пародии на улыбку, показывая гнилые зубы и черные десны. Его правая рука рывками поднялась, словно рука марионетки, а затем неуклюже опустилась на меч у его полуразложившихся бедер. Он промахнулся, снова дернулся, и наконец схватился за рукоять. Оживший труп медленно вынул меч из ножен. Лезвие было липким от засохшей крови.

Тело Гете двинулось вперед. Его походка не выглядела человеческой, каждый шаг был разной длины, его ноги безвольно шаркали по земле. Голова откинулась назад, ухмылка по-прежнему была на лице. Меч поднялся в воздух. Он собирался разрубить тела только ради мрачной забавы Меродаха.

Или, возможно, вовсе не это было его намерением. Возможно, он затевал нечто худшее...

Габриэлла попыталась закричать сквозь пелену сна. Она сползла на мерзлую землю, сбрасывая плащ, которым она накрывалась. Перышко проснулся. Он поднял голову из-под крыла и всмотрелся в своего спящего товарища. Она стонала и билась в свете гоблинского огня, ее волосы рассыпались по лицу.

— Нет... — пробормотала она. — Нет, Гете. Уходи прочь. Ты просто тень, призрак. Ты мертв. Не надо... — Она приняла жалкую позу, в ее столах звучало все больше паники, голос постепенно перешел на крик. — Нет, Гете! Это Меродах! Он использует их для забавы и грабежа! Не делай их марионетками тьмы! Нет! Не-е-т!!

И все же она не проснулась. Она перевернулась рывком на бок и издала долгий стон. Щеки были мокрые от слез. Вскоре, однако, ее беспокойство утихло. Ее дыхание снова стало ровным. Напряжение оставило ее спящее лицо.

Перышко пристально наблюдал за этим. Он подпрыгнул ближе, двигаясь в свете огня, и остановился возле плеча Габриэллы. Сон закончился. Сокол щелкнул клювом и встряхнулся.

Остаток ночи он не спал.

Утром Габриэлла принялась рыться в мешке, ища хоть какие-нибудь крошки, которые могли остаться. Она нашла желуди, которые она спрятала раньше, те, которые оказались в

таинственной кучке ягод. Она съела их. Они были очень жесткими и на вкус как плесневелый пергамент, и все же ее желудок напал на них с жадностью. Небольшой всплеск энергии распространился по ее жилам, она даже почувствовала некоторое воодушевление.

Она обратила энергию на то, чтобы отправиться дальше.

Ослепительные лучи восходящего солнца пробивались сквозь облака, превращая снежные холмы в сверкающую картину. Габриэлла упорно шла, стремясь к далеким горным вершинам.

Ее мысли блуждали. Мечтания юности теперь занимали все ее время. В них она думала о своей матери. Габриэлла видела себя маленьким ребенком, сидящим на коленях матери и слушающим сказки. Мама переворачивала страницы книжек, и красочные рисунки, казалось, оживали. Счастливые зеленые драконы взлетали с бумаги и уносили ее прочь, поднимая в облака, подсвеченные золотистым светом, и в теплые, голубые небеса. Голос матери преследовал ее, рассказывая истории, и Габриэлла осознала, что вспомнила звук ее голоса, который, как она считала, уже давно позабыла.

Ее ноги неустанно двигались вперед, вычерчивая борозды на снегу, и Габриэлла возвращалась к себе, как будто издалека. Слезы стояли в ее глазах. Голод сделал ее слабой, и слабость принимала форму бреда. Она не боролась с этим. Видения были лучше, чем монотонная утомительная ходьба или разочаровывающее однообразие снежных холмов.

Горные вершины оставались такими же далекими.

— Я должна сделать это, — задыхаясь, сообщила она соколу, который кружил у нее над головой. — Я должна остановить Меродаха. Если я убью его, все будет закончено. Его армии остановятся. Камелот устоит. Все будет спасено. Все будет спасено...

Она повторяла эту мантру про себя, вынуждая себя идти вперед, бросая вызов растущей слабости своего тела. Она знала, время истекало. Армии Меродаха, возможно, уже достигли Камелота. Если она не найдет их военачальника и не убьет его как можно скорее, то все будет потеряно. Дэррик и Рисс не будут отомщены, и те, что остались, будут захвачены и убиты. Камелот падет, и все, кого она любила, погибнут.

Рассуждая об этом, используя эти мысли как кнут для своего усталого тела, Габриэлла брела вперед.

Еще одна ночь. Еще одна волна лихорадочных снов. И все же на рассвете она заставила себя продолжать путь.

— Он сказал, что я сделаю это, — выдохнула она, спотыкаясь в снегу. — Колрут. Сказал, я встречу с Меродахом. Это... это моя судьба, сказал он. Я не умру от голода. Я не...

Она упала лицом в снег и потеряла сознание.

Через некоторое время, она ощутила, как сокол тычется в нее, осторожно клюнув в ухо. Тепло его перьев прижималось к щеке. Другая щека онемела от холода, погрузившись в снег.

Она застонала и поднялась на колени. Ее ресницы были слеплены льдом.

— Перышко, — прошептала она, потирая лицо. — Что произошло..?

Он заклекотал, и Габриэлла, наконец, смогла открыть глаза. Она оглянулась вокруг и увидела сокола, сидящего на потемневшей рукояти ее факела. Его тупой конец был воткнут в снег. Гоблинский огонь погас.

— О нет! — жалобно простонала она, протягивая руку к деревяшке. Она подняла ее, взгляделась. Древесина была совершенно обыкновенной, холодной как кость.

— Нет... нет... — повторяла она, ругая себя. — Как я могла быть такой беспечной?

Перышко вспорхнул в воздух и приземлился на ее плечо. Он прижался к щеке, как будто призывая ее двигаться вперед, но Габриэлла лишь смотрела на холодный факел в руке. Он стал символом ее миссии. Она была безнадежной. Что бы ни говорил Колрут, она погибнет в этой снежной степи от голода и холода.

Она опустила факел и села на корточки. В течение нескольких минут она просто наблюдала за заходящим солнцем, замерзнув так сильно, что уже не дрожала.

Потом, просто потому, что она не знала, что еще делать, она с трудом поднялась на ноги. Медленно, запинаясь, она снова пошла.

Солнце коснулось западного горизонта. Тень Габриэллы вытянулась перед ней, как стрела. Перышко поднялся с ее плеча и взмыл в медные лучи заката. Он найдет себе ужин и принесет ей половину. На этот раз она знала, что попробует съесть, что бы он ни принес.

Она поплелась вперед.

Краем глаза она уловила движение в ближайших кустах. Габриэлла резко остановилась, разглядывая тени. Рыжеватый бок большого зайца виднелся сквозь обледенелую траву. Он наострил уши, и его глаза-бусинки обратились к ней, настороженно наблюдая.

Габриэлла боялась дышать. Конечно же, не было никаких шансов, что она сможет поймать зайца. Он унесется прочь при ее малейшем движении. Однако, ее живот громко, болезненно забурчал при виде него.

Она не могла ничего с собой поделаться. Она поползла к нему, сосредоточенно кусая губы.

Заяц наблюдал. Когда она приблизилась так, что ее тень надвинулась на кусты, он прыгнул. Одним прыжком он выскочил из травы и помчался по снегу удаляющегося склона.

— Подожди! — Габриэлла воскликнула в отчаянии, останавливаясь и поднимая руки, ладонями наружу.

Удивительно, но заяц послушался. Он остановился на безопасном расстоянии, повернулся и встал на задние лапы, подергивая носиком.

Габриэлла осторожно двигалась вперед, дыша часто и неглубоко.

— Пожалуйста, не уходи, — умоляла она. — Пожалуйста, только... только подожди...

Заяц пристально глядел на нее, пока она подкрадывалась ближе и ближе. Она низко пригнулась, пытаясь сделаться маленькой. С умышленной медлительностью она протянула руку и коснулась сигилы, висевший у нее в горле. Она подавила желание разрыдаться от отчаяния.

— Пстой, — слабо выдохнула она. — Не беги...

Нос зайца дернулся. Его глаза повторили движение ее руки, когда она коснулась подвески, ощущая ее тайное тепло. Габриэлла была почти близко, чтобы прыгнуть на зверька. Еще два шага... один...

Заяц дернулся, развернулся на снегу и ускакал прочь.

Габриэлла смотрела ему вслед с безразличным видом, ее пальцы все еще держались за символ сокола. Звук движений зайца исчез в тишине, когда он взобрался на следующий холм, оставив только следы на снегу.

Габриэлла медленно опустила руку. Силы оставили ее, и она тяжело упала на колени, а затем повалилась вперед. Она попыталась ползти, добралась почти до вершины следующего склона, а затем сдалась.

Ветер дул над ней, неся вихри снега. Ей было так хорошо просто лежать. Она больше не чувствовала холода. Позади нее, солнце, наконец, опустилось за горизонт. Мир вокруг стал

темно-синим, слегка окрашенным в бронзу.

Волна возмущенного воздуха окатила Габриэллу, но она не обратила внимания. Наверное, Перышко вернулся с остатком грызуна. Она ждала.

Однако, вместо мягкого прикосновения его крыла на щеке, земля содрогнулась чередой удивительно тяжелых ударов, доносящихся из-за склона прямо перед ней. Порыв теплого воздуха пронесся над склоном, шевеля застывшую траву и поднимая волосы у нее со лба.

Габриэлла попыталась поднять голову. Что-то очень большое маячило перед ней, огромное, темное пятно на фоне снега и неба. Оно медленно приближалось, поднимая и опуская свои большие, когтистые лапы, сотрясая землю своим весом.

«Он следил за мной всю дорогу, — промелькнула у нее мысль. — Он пришел, чтобы проглотить меня теперь, когда я ослабла. Пускай. Пускай он съест меня, и дело с концом...»

Потом другая, лихорадочная мысль посетила ее:

«Может, это сказочный дракон из моего сна. Он пришел вознести меня к счастливым облакам и теплоте солнечному свету...»

Низкий булькающий звук возник из глубины горла зверя. Сила его дыхания обдувала лицо Габриэллы. Оно воняло гнилым мясом и химическим веществом. Она почувствовала, как его тень надвинулась над ней, слышала едва слышимый скрип его кожи. Его челюсть закрипела, широко раскрываясь.

И тут, неожиданно, кусок чего-то большого упал прямо перед Габриэлкой. Она вздрогнула несмотря на слабость и подняла голову. Ее глаза слегка расширились. Медленно, не моргая, она оттолкнулась и снова села на колени.

Дракон сделал огромный шаг назад. Его оранжевые глаза рассматривали ее осмысленно, и прерывистый рокот поднимался из глубины его горла. Перед лапами дракона на заснеженной земле между ним и Габриэлкой лежала огромная нога. Она принадлежала одному из чудовищных быков, хотя сочащаяся кровь говорила о том, что это была свежая жертва.

Мех был почти полностью опален. Мясо было уже приготовлено.

Замелькали темные крылья, и на вершину гигантской ляжки внезапно приземлился Перышко, бесстрашно игнорируя большого дракона рядом с собой. Он клюнул подпаленное мясо, оторвал полоску и с жадностью сожрал.

Габриэлла смотрела, уставившись на дымящийся кусок мяса, затем перевела взгляд на ждущего дракона. Запах мяса вперемешку с дыханием дракона магически подействовал на ее желудок. Живот нетерпеливо заурчал. Что это? Ловушка? Обман? Вымысел ее бредового воображения? Она подползла вперед почти против воли.

Дракон смотрел, выдыхая огромные облачка жара.

Габриэлла решила. Медленно, бросив взгляд вверх на наблюдающего дракона, она выхватила меч, отрезала полоску мяса и понюхала. Спустя мгновение она съела ее. Головокружительная волна тепла захлестнула ее, когда пища попала в желудок.

Дракон следил за этим стойчески. Затем нагнувшись низко к земле, он изрыгнул облачко синего пламени, развернул крылья и ринулся вверх в темнеющий воздух. Вихри снега закружились, когда он пролетел над головой, описав в воздухе широкую дугу. Он вновь приземлился на некотором расстоянии от нее, усевшись в странно недовольную позу и подняв голову в ожидании. Через мгновение он свернул свои крылья и лег. Только его оранжевые глаза светились в полумраке.

Все еще сидя наверху дымящейся ноги, Перышко испустил пронзительный крик, затем

наклонился и оторвал еще один кусок мяса.

Чувствуя себя, как в очень странном сне, Габриэлла перевела взгляд с оторванной ноги на дракона и обратно. Получив кусочек мяса, желудок с жадностью потребовал еще.

Она снова принялась есть.

Тепло и сила потекли в нее с поразительной быстротой. Девушка зачерпнула пригоршню снега и тоже отправила в рот, утоляя свою жажду.

Когда она снова подняла взгляд, прервав трапезу, чтобы не перегрузить желудок, луна уже была высоко над головой. Звезды рассеялись по небу, будто серебряная пыль.

Дракон подполз ближе. Он лежал во всю длину на снежном холме, его голова находилась не более чем в десяти шагах от нее. Снег растаял вокруг него, открыв засохшую желтую траву степи. Его оранжевые глаза были полузакрыты, но распахнулись полностью, как только Габриэлла встала на ноги. Облачко синего пламени вспыхнуло из его ноздрей.

С крайней осторожностью Габриэлла приблизилась к дракону.

Когда она была в трех шагах, дракон поднял свою огромную голову и произвел долгое раскатистое рычание, приподняв губы, чтобы показать ряды острых как кинжалы зубов. Габриэлла на мгновение остановилась. Не отводя взгляда от оранжевых глаз зверя, она снова стала двигаться вперед.

Дракон внезапно поднялся, держа низко голову, и отступил на шаг назад. Глубокий рокот грохотал в его горле. Ленты дыма поползли из его ноздрей.

Дрожь страха пронзила Габриэлла. И все же она продолжала идти вперед, медленно поднимая правую руку ладонью наружу, расставив широко пальцы. Сигила с соколом качнулась у нее на горле. Она почувствовала ее, ощутила ее тепло на коже.

Габриэлла коснулась большой, чешуйчатой морды дракона. Она была горячая и твердая, грубая на ощупь. Медленно, едва дыша, девушка погладила ее.

— Не бойся, — прошептала она, ее голос слабо дрожал. — Я знаю, как нелегко это для тебя.

Постепенно, дракон, казалось, расслабился. Молодая женщина и дракон вместе стояли в лунном свете. Поодаль Перышко, расположившись на остатках ноги, с интересом наблюдал, склонив набок свою голову.

Наконец, Габриэлла отстранилась. Она почувствовала себя более живой и бодрой, чем она была в течение последних недель. Она повернулась спиной к дракону и начала тщательно обследовать холмы в поисках какой-нибудь древесины, которую можно было использовать для костра.

Потом она сложила ветки в маленькую, аккуратную кучку.

Дракон зажег ее.

Когда наступило утро, она обнаружила, что дракон снова отдалился. Он лежал за несколько холмов от нее, образуя коричневатый холмик на фоне рассветного неба. Дракон приподнял голову, когда она встала.

Костер догорел до углей, но тепло все еще лучилось от него, создавая сухой круг мертвой травы на холме. Габриэлла позавтракала мясом от ноги, а затем аккуратно вырезала и завернула несколько полосок теперь уже холодного мяса. Его она положила в мешок. Когда она повесила мешок за спину, Перышко проверещал еще раз и прыгнул ей на плечо, обдавая легким ветерком от взмаха коричневых крыльев.

Габриэлла снова отправилась в путь, но лишь сделала несколько шагов, когда дракон с сильным хлопанием крыльев взмыл в воздух. Он низко парил над снегом, словно гнавшись за своей тенью, а затем грузно приземлился прямо перед Габриэлкой. Он опустил голову и пристально уставился на нее, сверкая оранжевыми глазами. На нее пыхнуло жаром из его широких ноздрей.

— Что? — спросила она, не желая отступить. Может, дракон переосмыслил логику их странного союза. Может, его дикая, звериная природа взяла вверх. Габриэлла сглотнула. — Что ты хочешь? Ты... э-э... стоишь на моем пути.

Дракон зарычал. Звук был подобен камнепаду в глубокий, мутный колодец. Его дыхание зашипело, горячее как печь.

С усилием воли Габриэлла двинулась в обход дракона. Он смотрел на нее пронизывающе. Когда она прошла мимо его вытянутой головы, огромный зверь встал на дыбы. Дуновение пламени растопило снег там, где она стояла несколько минут раньше, и Габриэлла остановилась, инстинктивно опустив руку на рукоять меча. Перышко испуганно вспорхнул с плеча. Дракон отпрыгнул довольно проворно, но громоздко, прочерчивая когтями рваные, темные полосы на вершине холма. Снова он преградил ей путь и опустил голову, вглядываясь ей в лицо.

Габриэлла молча смотрела на него. Если его намерение было съесть ее, подумала она мрачно, то он бы уже сделал это. Она склонила голову и нахмурилась.

Перышко кружил над головой на фоне светлеющего неба. Он нетерпеливо заклекотал. — Ты хочешь, чтобы я... — Габриэлла размышляла вслух, — чтобы я... полетела на тебе?

Дракон фыркнул. Он не понимал ее слов, и все же он смотрел на нее осмысленно, как будто на грани невербального общения. Неуверенно она снова протянула руку к морде дракона. Его ноздри раздувались, чувствуя запах ее близости. Она коснулась его, и он дернулся слегка, как будто борясь с желанием откусить ей руку по плечо.

Она двинулась вдоль громадной головы, проводя рукой вдоль линии его закрытой пасти. Изгибы клыков торчали вверх и вниз вдоль его губ, образуя плотно сомкнутое соединение. Габриэлла дотронулась до одного из зубов. Его край был зазубренный, острый как битое стекло. Дракон не шевелился, только смотрел на нее настороженно. Медленно Габриэлла обошла голову, по-прежнему ведя рукой по чешуйчатой коже, ощущая узел чудовищных мышц челюсти и напряженные сухожилия длинной шеи. Пластины вдоль хребта дракона топорщились длинной линией, отбрасывающей тень на нее. Между лопатками, однако, был разрыв. Когда Габриэлла приблизилась, дракон присел ниже, прижимаясь животом к заснеженной земле.

Габриэлла остановилась. Она была в ужасе от того, что собиралась делать, и все же она знала, что должна попытаться. Дракон явно не собирался позволить ей идти пешком. Если зверь действительно собирался позволить ей лететь на нем, тогда она могла бы успеть добраться до Меродаха и его крепости вовремя, чтобы остановить атаку на Камелот.

«Однако, — подумала она со страхом, — это еще под очень большим вопросом».

Она попыталась взять себя в руки и потянулась, зацепившись рукой за грубый край ближайшего спинного зубца дракона. Зверь не двигался. Задержав дыхание, Габриэлла поставила ногу на согнутую голень дракона, используя его как огромную ступеньку, и оттолкнулась. Спустя мгновение, перебросив и развернув свое тело, она оседлала шею дракона, устроившись в узкую щель между спинными пластинами. Она расположилась у самого основания шеи. Костлявые холмы плеч дракона оказались позади нее.

Зверь вдохнул. Девушка ощутила, как расширилась его грудь, едва уловимо изогнулся хребет. Затем, рассекая воздух, развернулись крылья. Она почувствовала, как их тень упала на нее и едва успела обхватить спинной зубец впереди нее, как дракон грузно оттолкнулся вверх, взмывая в воздух. Взмахнул крыльями, ловя воздух и взбивая снег в крутящиеся снежные вихри. Габриэлла крепко обняла грубый зубец драконьей спины и зажмурилась. У нее скрутило живот, когда дракон понес ее выше и выше, ускоряясь в холодном небе. Огромные, кожистые крылья ударяли воздух, издавая звук, похожий на океанские волны, только быстрее и глубже.

Когда Габриэлла вновь открыла глаза, она в ужасе увидела, что земля далеко внизу, усеянная крошечными деревьями, чьи тени тянулись позади них в свете зари. Холмы остались позади лиловыми полумесяцами, пока дракон мчался вперед, по-прежнему набирая скорость. Ветер хлестал Габриэлле в лицо, глаза слезились. Понемногу, однако, ее страх начал исчезать, и осторожное, пьянящее возбуждение заняло его место.

Она подняла взгляд от простирающейся земли далеко внизу и заглянула вперед, осмелившись прикрыть глаза одной рукой. Горы были еще далеко, но они уже казались ближе. Рядом послышался клекот. Она повернулась на звук и увидела, что Перышко летит следом за ней, с легкостью сопровождая дракона, и перья на его крыльях трепещут в потоке ветра. Впервые за последние дни Габриэлла почувствовала некоторый возврат определенности. Она успеет вовремя, возможно, даже к концу дня. Она найдет скрытую крепость Меродаха в долине Разбитой короны. Там, в конце концов, она встретится с ним лицом к лицу.

Тогда все, что суждено случиться, произойдет. Ее мысли и планы закончатся там. Было такое ощущение, как будто чудовищность того, что ей предстоит сделать теперь, когда время пришло, была просто слишком большой, слишком монументальной, чтобы ее ум принял это.

Несмотря на ее решимость, она должна была признаться самой себе, что она боялась встречи с этим безумцем. Она, в действительности, боялась больше, чем когда-либо за всю свою жизнь, больше, чем когда она столкнулась с убийцей Гете над телом своей лучшей подруги, даже больше, чем когда она столкнулась с неистовствующим драконом в его логове. Ее страх был как ядовитый эликсир, крепкий и мощный, который она заставила себя выпить полностью, одним залпом. Теперь не было пути назад. Ее долг был неизбежен. С помощью Перышка и дракона она пойдет навстречу судьбе добровольно, с широко открытыми глазами.

И когда наступит заключительный момент — что бы он ни скрывал для нее — она примет его.

С радостью.

Разбитая вершина горы Скелтер становилась все заметнее к концу дня. Дракон прерывал свой полет три раза: дважды, чтобы поест и попить, и один раз, чтобы очистить свой громадный кишечник. Последнее он проделал с удивительной деликатностью, инстинктивно спрятавшись далеко в тени скалистой расщелины. Габриэлла разминала свои конечности возле изгиба реки, пока Перышко прихорашивался на соседнем камне, его глянцевого перья сверкали в лучах садящегося солнца.

Воздух нагретый за день, растопил снег в тонкую ледяную корку и поднял вверх большие пласты тумана. В большинстве случаев дракон пролетал сквозь них нарочно, резко наклоняя свои огромные крылья и используя змеиный завиток хвоста в качестве руля. Каждый раз Габриэлла цеплялась за шейный зубец дракона и зажимала глаза, когда они окунались в серую влагу. С наступлением вечера завеса тумана стала толще и шире, так что в конце концов, казалось, будто они пролетают над волнообразными облаками, окрашенными светом заходящего солнца. Долгое время гора Скелтер была единственным видимым пейзажем с его скалистыми склонами и разрушенной вершиной, выступающими из тумана как остров.

Поразительно, но полет верхом на драконе становился однообразным. Размеренные взмахи его могучих крыльев стали похожи на ритм метронома, тиканье маятника, который использовал ее старый учитель по игре на клавесине, крошечный, древний старичок с толстыми очками и узловатыми руками. У Габриэлле никогда не было склонности к музыке, несмотря на постоянные усилия ее учителя, но он всегда был добр к ней так или иначе, похлопывая ее ободряюще по плечу и обещая, что со временем она станет превосходным музыкантом.

— Не сдавайтесь, юная принцесса, — говорил он, удерживая маятник двумя пальцами правой руки и серьезно глядя на нее. — Если ваши руки пугают клавиши, не сдавайтесь. Метроном не остановится, и Вы не должны останавливаться, в противном случае вы проиграете ему. Вы позволите такому простому предмету взять верх, принцесса? Продолжайте играть, даже если споткнетесь десяток раз. Дело не совершенстве, а в упорстве. Сделайте ритм своим рабом. Только тогда музыка придет.

Музыка не пришла, к сожалению, но в словах учителя музыки скрывалась более глубокая истина. Габриэлла не знала этого в то время, но она руководствовалась этим советом в последующие годы. «Дело не совершенстве, — думала она про себя, — а в упорстве. Не сдавайся, принцесса. Сделай ритм своим рабом...»

Мысль о старом учителе музыки заставила ее думать о Дэррике, когда он был еще мальчиком. У него никогда не было такой роскоши как частные учителя, он никогда не испытывал тех удобств, которые были таким обыденным делом для королевской особы, как она. И все же в нем обитало благородство намного глубже и искреннее, чем можно было бы найти у большинства лордов, которых она знала.

— Каждый мальчик, которого я знал, хотел быть храбрым как сэр Ланселот, — однажды доверился он ей. — И я был одним из них.

Казалось, это было годы и десятилетия назад. Даже сейчас, она едва могла вспомнить ощущение его прикосновения. Он относился к ней, как к цветку, как к хрупкому сокровищу, которое нужно защищать и лелеять, любить в сокровенной темноте бесконечных ночей.

Этого не произошло, конечно. Теперь руки, которые он ласкал, были израненными и огрубевшими. Волосы, в которые он зарывался в тихих объятиях их нескольких ночей, представляли собой теперь спутанный клубок, перехваченный полоской грязной кожи. Нежный цветок Дэррика сбросил свою красоту и отрастил колючки.

— Прости меня, моя любовь, — произнесла она вслух, бросая слова в несущийся навстречу ветер и туман. — Прости меня за все, что отняли у тебя. Твою жизнь... и то, что ты любил даже больше. Меня. Я, наверное, никогда не была той девушкой, которой ты считал меня. Но теперь я боюсь, что ты даже не узнаешь, кем я стала. Прости. — Она с трудом сглотнула комок и нахмурилась, ее глаза заблестели. — Прости за то... что ты потерял меня.

Дракон вспарил под ней. Ночь напозла на облачное небо, окрашивая его в бледно-лиловый цвет. Вершина горы Скелтер теперь маячила перед ними, огромная и раскинувшаяся. Внизу, время от времени, мелькали сквозь стелящийся туман скалистые предгорья. Габриэлла чувствовала, что они уже очень близко к цели. Вскоре дракон спустится на землю. Оттуда она пройдет остаток пути пешком, а это означает пробраться в лагерь врага тайно, украдкой. Когда этот момент настанет, она доверится инстинкту.

Дракон пролетел над рваным краем тумана настолько низко, что, казалось, его щупальцы извиваются вокруг них, тянутся к ним словно тонкие пальцы. Габриэлла наблюдала за этим, как будто замороженная.

Что-то вынырнуло вверх из тумана. Оно двигалось почти с балетной грацией, вращаясь и описывая дугу над бугорками облаков. Габриэлла была слишком удивлена, чтобы испугаться. Это больше всего напоминало огромный холщовый мешок, набитый чем-то плотным, с горловиной, завязанной в аккуратный узел. Предмет прочертил в воздухе аккуратную параболу с правой стороны дракона, а затем упал назад, снова исчезнув в тумане.

— Что это... — начала она, но ее прервал сильный взрыв прямо под ней.

Дракон отпрянул, едва не сбросив ее со спины. Что-то ударило в него и превратилось в облако густого, желтого порошка. Габриэлла закашлялась от окружившей и ослепившей ее пыли. Через мгновение дракон выбрался из желтого облака, изо всех сил стараясь лететь, но только бешено барахтался в воздухе, извивая длинную шею. Габриэлла прильнула к зубцу, однако из-за судорожных движений дракона было очень сложно удержаться. Крылья яростно колотили воздух. Ветер обрушился на них, и Габриэлла осознала с болезненным приступом страха, что они падают.

Еще один странный мешок пронесся над ними, лениво вращаясь и оставляя за собой желтую пыль. Он ударил дракона в бок и взорвался, еще сильнее осыпая зверя отвратительным порошком. Дракон сделал рывок в воздухе, дико колотя хвостом. Мгновение спустя туман накрыл их, скрывая все в его бескрайних глубинах. Габриэлла отчаянно цеплялась за дракона, даже не зная, где верх, а где низ. Дракон прорвал пелену тумана, и земля разверзлась под ними — огромная и близкая, и беспощадно твердая.

Внизу находились люди, по меньшей мере, десяток, все смотрели вверх, крича и указывая. Они были достаточно близко, так что Габриэлла смогла разглядеть их отдельные лица.

Дракон яростно корчился в воздухе, хлопая крыльями в последней, отчаянной попытке поймать ветер, и ему это удалось. Его падение остановилось, превратилось в стремительный полет, но было слишком поздно, чтобы подниматься вверх. Каменистые предгорья ринулись

навстречу, и Габриэлла зажмурила глаза.

Свистящая тишина неумолимо последовала за тяжелым, оглушительным стуком. Дракон под Габриэлкой бился в ужасных конвульсиях, и она почувствовала, что ни за что не держится. Крылья хлестали рядом с ней, ударяясь о ее броню. Через мгновение, она сама свалилась на землю. Она покатила по земле словно диск, с дико развевающимися волосами и броней, звенящей о камни. Наконец, она остановилась, уткнувшись лицом в землю, потрясенная, со все еще закрытыми глазами.

— Сюда, — приказал с ликованием грубый голос. — Вниз! Вниз! Несите сети!

Шум толпы стал ближе, слышались крики, команды, хриплый смех. Габриэлла застонала и попыталась встать. Ослепляющая боль обожгла левую руку вверх до плеча, появилось жуткое ощущение хруста. Она упала, невольно закричав от боли.

Земля содрогнулась под ней. Дракон поднимался. Она слышала его. Он бился и глухо рычал, но что-то было с ним не так. Он хрипел, а когда пытался сжечь своих противников вспышкой синего пламени, его горло производило только сдавленное шипение.

— Ну давай, поджарь нас, огромный хвостун! — засмеялся чей-то голос. — Несите еще мешок гасящего порошка! Сделаем еще одну порцию для верности!

— Может, прикатить катапульта и выстрелить прямо в харю большой ящерицы? — предложил другой голос, вызвав волну дружеского смеха и поддержки.

— Он встает! — закричал другой. — Больше сетей! Слишком здоровый!

Послышался скрип натягивающейся веревки и гулкие удары. Дракон боролся. Габриэлла снова попыталась встать, используя правую руку, затем поползла на звук.

— Берегитесь его челюстей! — заорал низкий голос. — Он, может, и не в состоянии поджарить нас, но эти зубы вполне могут отхватить ногу. Держите крепко!

— Стойте! — воскликнула Габриэлла, но голос подвел ее. Ее грудь болела от падения, а боль в левой руке пронзала с каждым шагом. — Оставьте его в покое, вы монстры! — Она спустилась с холма и увидела фигуры, движущиеся в тумане.

— Подождите, — грубовато отозвался голос. — Что это было?

— Кто-то идет!

Мечи зазвенели из ножен, а Габриэлла вывалилась в неглубокую долину. — Отпустите его! — сердито крикнула она.

Перед ней лежал дракон, плененный в клубок толстых сетей, каждая по краям была обрамлена тяжелыми железными шарами, представляя собой уродливую тюрьму. Зверь изо всех сил метался, отчаянно пытаясь извергнуть пламя, но производя только сухие, сдавленные звуки. Десятки людей столпились вокруг дракона, некоторые жестоко тыкали его копьями. Все были одеты в разномастные доспехи и украшены клочковатыми бородами. Другие собрались у небольшой, колесной катапульты. Рядом стояла тележка, нагруженная холщовыми мешками с порошком.

— Звери! — бушевала Габриэлла, забыв о боли в руке и выбежав вперед.

— Кто она такая, — зарычал один из мужчин, указывая толстым пальцем на Габриэллу, — взять ее.

Они бросились на нее. Действуя инстинктивно, Габриэлла обнажила свой меч. Она сделала взмах и ощутила звон лезвия по металлу. Боевой топор зацепил ее меч между рукояткой и лезвием, и мужчина, державший топор, резко крутанул его. Лезвие отломилось, оставив лишь рукоять в ее кулаке. Она повернулась к мужчине, обнажив зубы в слепой ярости и замахиваясь рукоятью как дубинкой. Он с легкостью схватил ее за запястье, смеясь

и показывая полный рот гнилых зубов.

— Посмотрите, парни, что у нас здесь, — взревел человек, выворачивая запястье Габриэллы и вынуждая ее бросить сломанный меч. — Сначала дракон, а теперь женщина-воин, вся в доспехах и с оружием!

Габриэлла вырвалась и яростно замахнулась на мужчину. На этот раз он поймал ее за левую руку, и приступ сокрушительной боли вновь пронзил ее руку. Через секунду другой кулак мужчины ударил ее в висок, она опустилась на колени, и мир поплыл у нее перед глазами. Кровь сразу же заструилась по щеке, горячая в зимнем воздухе. Он так и не выпустил ее руку. Сломанная кость мучительно захрустела, и она закричала от боли.

— Ух, злющая, — злобно рассмеялся ближайший голос. — Сможешь удержать ее, Радник?

— Откуда она взялась? — спросила фигура, шагнувшая вперед, чтобы взглянуть на нее. — Есть ли другие? Девчонка слишком молода, конечно, чтобы отважиться бродить по пустыне в одиночку.

Очень высокий и темный человек протиснулся мимо него. Он подошел к Габриэлле, его глаза над спутанной, черной бородой сузились. Когда он опустился на одно колено перед ней, она отпрянула от него, не из страха, а от отвращения. Даже сквозь красный туман ее боли от человека разило смертью. Его глаза были пустыми, как мрамор.

— Нет, — медленно произнес он, — она одна.

Державший Габриэлла снова сжал ее предплечье, выкручивая его у нее над головой. — Ты ее знаешь?

Лидер задумчиво покачал головой.

— Нет, но я чувствую запах мести от нее. Она пришла одна, по собственной воле. — А потом, с оттенком веселья, он добавил:

— Она намерена... сражаться.

— Что нам делать с ней, Бром? — человек, стоящий за ним, осторожно спросил. — Убить ее?

Лидер, Бром, злорадно усмехнулся.

— Пока нет, — проворчал он. — Это было бы ужасным расточительством. Приведите ее. Она будет моей... гостьей.

За этим последовал хор улюлюканья и свиста, гул хриплых голосов все нарастал.

Габриэлла стиснула зубы и заставила себя выпрямиться, борясь с волной головокружения. Ее захватчик все еще держал ее сломанную руку словно в тисках.

— Отпустите меня! — хрипло приказала она. — Я принцесса Камелота. Мой отец — король. Вы должны подчиняться моим приказам!

Хор смеха затих. Стоящий перед ней Бром поднялся во весь рост. Он был больше чем на фут выше ее, и в два раза шире. Он не отвел взгляда от нее, его улыбка не дрогнула, когда он шагнул прямо к ней. Зловоние смерти густо окружало его. Он поднял мозолистую руку и провел пальцами по ее щеке, рисуя грязную линию в ее свежей крови. Она отшатнулась, но не смогла избежать его присутствия. Боль в руке была невероятной.

Бром отнял руку от ее лица, показал ей пальцы, покрытые кровью. Медленно, не спеша, он слизнул кровь со своих пальцев. Он слегка прикрыл глаза и застонал от удовольствия.

— Здесь, Ваше Высочество, — сказал он, дыша ей в лицо, как любовник, — слушаются совсем других команд. Я думаю, вы узнаете это... в скором времени.

Ее потащили вместе с катапультай, запряженной парой быков-монстров. Длинная веревка, связывающая ее запястья перед ней, была привязана к задней части военной машины и безжалостно тянула ее вперед. Боль в предплечье стала теперь постоянной, пульсируя так сильно, что она чувствовала ее в жилах своей шеи, видела ее в уголках своих глаз.

Дракона тащили тоже. Все еще опутанного сетями, бессмысленно метавшегося, его волочила по заснеженной скале группа быков. Они ревели и скрежетали зубами в своей упряжи, пытаясь сдвинуть огромный вес. Эти жуткие люди хлестали зверей шипованными цепями, отрывая клоки меха с каждым ударом.

К счастью отряд находился недалеко от своего лагеря. Они взобрались по неровному подъему и перевалили через выступ, и Габриэлла увидела небольшую долину, открывшуюся под ними. Она была почти идеально круглая, обрамленная острыми зубцами скал и плотно примыкала к основанию горы Скелтер. Долину Разбитой Короны заполняли отряды грубых солдат, наспех сооруженные палатки и дымящиеся костры. На самом дальнем ее краю стояла небольшая крепость. Она выглядела как увеличенная шахматная ладья, сделанная из серого камня и украшенная лишь бойницами для стрел.

Катапульта набрала скорость, когда покатила вниз по внутреннему склону долины. Она рывками потащила Габриэлла вперед, вынуждая ее спотыкаться и издавать мучительный крик из-за сломанной руки. Когда караван вошел в лагерь, солдаты прекратили свою деятельность, чтобы посмотреть на пленников. Габриэлла избегала их взгляда, но чувствовала, как их глаза откровенно ползают по ней. Земля вражеского лагеря была смешана в грязь и испещрена лужами. Дым клубился между палатками, прижимаясь к земле из-за странной атмосферы естественной впадины. Большие, окровавленные туши мяса медленно вращались на железных вертелах над дымящимися кострами. Габриэлла содрогнулась при виде них.

Она намеревалась, как только переведет дух, потребовать ответа, что эти мерзкие солдаты собираются делать с драконом. Теперь она подозревала жестокую правду. Они собирались съесть его.

Наконец, приблизившись к центру лагеря, катапульта с рывком остановилась. Бром подошел, чавкая ногами по раскисшей земле. Он обнажил свой меч с размаху. Габриэлла попыталась не вздрогнуть, когда он взмахнул перед ней мечом. Послышался глухой стук металла по дереву, и его лезвие перерезало веревку Габриэллы, освободив ее от катапульти. Он поймал конец веревки, повернулся и дернул, потащив ее за собой.

— Остановись! — выдохнула она, скользя по грязи, но все было бесполезно. Он повел ее вниз по топкому проходу между двух брезентовых палаток. Она споткнулась об один из длинных деревянных кольев палатки и повалилась в грязь, но Бром даже не замедлил шага. Он тащил ее вперед практически без усилий, и Габриэлла вскрикивала из-за своей измученной руки.

Он привел ее к большой палатке. Как только тень от нее упала на девушку, запах

смерти, со зловонием разносившийся по всему лагерю, стал невыносимой вонью. Габриэлла непроизвольно втянула полные легкие воздуха и почувствовала отчаяние.

Бром бросил веревку, и Габриэлла рухнула на пол палатки, тяжело дыша.

В течение долгой минуты стояла тишина, нарушаемая только прерывистой волной дыхания Габриэллы, пока она приходила в себя. Наконец, она приподнялась на колени.

Палатка была большая, но очень темная. Постепенно в темноте стали проступать предметы — стул, стол, веревка, висевшая с толстыми, влажными клочками из шкур и меха, другие вещи, которые, на данный момент, Габриэлла не могла разобрать.

И Бром. Он стоял у входа, едва видимый силуэт в темноте, его руки свободно болтались вдоль тела, его спутанная борода стояла торчком. Он неподвижно смотрел на девушку.

Габриэлла набралась решимости и сделала глубокий вдох.

— Отпусти меня! — яростно прохрипела она.

Бром не отвечал, но и не двигался.

Габриэлла потянула веревки, скрученные вокруг ее запястий, но тут же обессиленно опустилась на пол, мучаясь от боли в своей бедной сломанной руке. Слезы гнева и разочарования навернулись на глазах. Она снова встала на колени и взглянула на темную фигуру.

— Отведи меня к нему, — прохрипела она сквозь зубы. — Отведи меня к Меродаху. Он захочет меня видеть. Я принцесса. Я требую аудиенции.

Тем не менее, Бром не двигался. Ярость Габриэллы выплеснулась на него. Она вскочила на ноги и бросилась к его силуэту.

— Я... требую... аудиенции! — закричала она и пнула своего похитителя.

Его кулак взметнулся, как будто сам по себе, попав ей чуть ниже челюсти. Габриэлла упала назад, задыхаясь, уверенная, что он повредил ее трахею. Она проморгалась, пока головокружительная волна серости не прошла, и перекатилась на бок, чтобы отдышаться.

Позади нее зашуршала ткань. Вспышка костров и бормотание голосов, а затем снова темнота. К удивлению Габриэллы Бром вышел, ни слова не говоря.

Габриэлла перекатилась ко входу, напрягая глаза в полумраке. За дверями палатки маячили две тени. Конечно, снаружи были охранники, каждый из которых почти столь же высокий и жестокий, как Бром. Этим путем ей не спастись.

Она огляделась в темноте, ослабевшая от боли, едва способная дышать из-за густого смрада этого места, и ее взгляд упал на загадочную кучу, которую она видела раньше. Что-то выглядело знакомым, хотя она совершенно не могла понять, где она видела это раньше. В темноте она подползла ближе, шипя сквозь зубы от боли в руке. Вонь, казалось, шла оттуда.

С волной ужаса Габриэлла поняла, что это напомнило ей. Это было похоже на гору туш, громоздившуюся в углу пещеры дракона. Только эта гора была гораздо меньше. И состояла она не из мертвых животных.

Человеческие тела были навалены, как тряпичные куклы, по большей степени это были лишённые плоти голые кости с черными полосками гниющей ткани. Руки, ноги и головы, однако, были еще целыми, как будто бы то, что поглотило их тела, не пожелало тратить время на такое малое количество мяса. Некоторые ноги украшала обувь и сандалии. На некоторых пальцах сверкали кольца. Возле края груды виднелась копна окровавленных рыжих волос. Габриэлла не хотела смотреть дальше, и все же она не могла оторвать взгляд. Ее глаза расширились в темноте, впившись в омерзительную картину. Конечно, то же должно было постигнуть и ее. Бром был самым ужасающим из всех возможных злодеев. Он

был пожирателем мертвых.

Но было даже хуже, и Габриэлла поняла это. Как если бы Бром сам был мертв и все еще жил, а его тело населяло что-то потустороннее, поддерживаемое только потреблением других смертей.

Сильная дрожь пронизала Габриэлла. Но это же совершенное безумие. Это не может быть правдой. Но потом она вспомнила всадников, которых она встретила в начале ее пути, вспомнила, как отрубила руку одному из них, и он даже не замедлился. Его глаза, когда он поднялся на нее, были молочно-белые, совершенно пустые. И отрубленная рука продолжала сгибаться... сгибаться...

— Неудивительно, что армия отца не смогла победить их, — сказала она себе, и ее голос звенел от ужаса. — Как можно убить что-то... что уже мертво?

И тогда, как финал, как самый сокрушительный удар, Габриэлла поняла, на что она смотрела все время. Оно блестело перед ней, свободно висевшее на одной безжизненной, бледной руке. Это было золотое кольцо.

Оно было в точности такое же, как на ее пальце.

— Нет! — отчаянно простонала она. Она оттолкнулась вперед, желая, чтобы это оказалось неправдой. Рука была тонкой, но сильной, пальцы мягко согнуты, ладонью вверх, как будто предлагая подарок. Кольцо было то самое.

— Дэррик, — зарыдала она, протягивая свои связанные запястья вперед и касаясь холодной, бледной руки. — Нет! Нет, нет, нет... — повторяла она беспомощно, качая головой и закрыв глаза. В темноте она вложила свои руки в его, отчаянно пытаясь вспомнить на что это было похоже, когда его пальцы были теплыми и сильными.

Она не смогла.

В течение нескольких минут горе поглотило ее. Ничто другое не имело значения. Она рыдала в грязи на полу, по-прежнему держа свою руку в его мертвой ладони.

И вот, наконец, боль тела слилась с агонией сердца и накрыла ее. Темнота опустилась на нее, безграничная и тяжелая, и в течение долгого времени, она ничего не чувствовала.

Она медленно пришла в себя. Она лежала на грязном полу, окруженная темнотой и зловонием смерти. Но что-то раздражало ее даже больше, чем это, что-то щекотало ее руки. Она застонала и пошевелилась, и какой-то деловитый писк донесся до ее уха. Он был очень близко.

Она вздрогнула и перевернулась на колени. Когда она открыла глаза, в полумраке она смогла разглядеть фигуру большого грызуна. Он отступил от нее и теперь сидел возле насыпи трупов. Это была, конечно, крыса.

Габриэлла испытала сильное отвращение. Она ненавидела крыс.

— Уходи, — прошипела она ей. Та дрогнула, но не убежала. Габриэлла подняла связанные запястья, чтобы прогнать ее, а затем остановилась. Толстые веревки превратились в лохмотья. Они были почти полностью разорваны.

Крыса прогрызла их, чтобы освободить ее.

Девушка снова вздрогнула. Она действительно ненавидела крыс. И все же...

Она осторожно опустила запястья к земле. Крыса наблюдала за этим своими черными глазами-бусинками. Затем, немного колебаясь, она снова двинулась вперед. Когда момент опасения прошел, она метнулась в сторону ее руки. Габриэлла напряглась от чувства омерзения и зажмурила глаза. Крошечные, холодные лапки крысы взобрались по ее пальцам на запястья.

— Уф-ф... — задрожала девушка, когда существо снова начало грызть. — Только веревки. Ты понимаешь? Я высоко ценю помощь... но я едва могу устоять перед желанием раздавить тебя сапогом.

Внезапно она поняла, что, должно быть, именно так себя чувствовал дракон по отношению к ней.

Веревки постепенно ослабли. Наконец, со слабым треском, они отпали. Крыса пискнула один раз, а затем ринулась прочь. Она шмыгнула к стене палатки и исчезла под ней.

Габриэлла подняла руки и оглядела их в полумраке. Ее левое предплечье распухло, а запястье под перчаткой было в синяках. Легкий хруст сломанной кости стал почти терпимым, но пальцы ее левой руки были негнушимися и ослабевшими. Она согнула их для пробы. Было больно, но не мучительно. Или, может быть, мучительно, просто она стала к этому привыкать.

«Они сделали это со мной, — возникла крошечная мысль, словно небольшое пламя свечи в темной комнате, но очень яркое. — Они убили Дэррика, и они собираются убить меня. И когда они покончат со мной, они найдут и убьют всех остальных. Отца. Сигрид. И Маленького принца».

Мерцание ее гнева постепенно разожгло пламя. Она ощутила свои страдания, испробовала полную чашу горя. Теперь, с другой стороны, все, что осталось у нее внутри, была ярость. Она наслаждалась ею, позволила ей расцвести в груди, подпитывала ее.

Она осторожно сняла перчатку. Ей придется двигаться быстро, поскольку даже ее вновь открывшаяся решимость не продлится долго перед лицом того, что она собиралась сделать. Она прощупала свою левую руку, чтобы найти сломанную кость. Боль была сильной, но это было ничто по сравнению с тем, что ждало еще впереди. Она нашла перелом. Меньшая из двух костей предплечья была полностью сломана пополам.

«Я не могу кричать, — сказала она себе. Она подняла глаза, увидела тени охранников, все еще видневшихся на дверях палатки. Они были сразу у входа. — Я не могу позволить им услышать себя. Если они зайдут проверить, все будет потеряно...

Она сделала несколько глубоких долгих вдохов. Затем, закрыв рот как можно плотнее, она взялась правой рукой за тонкую плоть левого предплечья. Нащупав пальцами сломанную кость, она сжала ее со всей мочи.

Боль была похожа на белый лист. Она наполнила ее видение, и каждая мышца в ее теле напряглась, чтобы сдержать крик боли, который поднимался у нее в горле. Затем, со слышимым щелчком, сломанная кость выровнялась. Габриэлла резко выдохнула, и слезы брызнули из глаз, потекли по лицу, смешиваясь с засохшей кровью на ее щеке. Волна дурноты не оставляла ее, пока она держала кости на месте. Она старалась сохранить сознание. Наконец, острая боль уступила ноющей. Габриэлла медленно опустила руку, кость не сместилась.

Веревка, которая связывала ее запястья, все еще кольцами лежала на полу. Она

подобрала ее, а затем осторожно встала на ноги. Украдкой, она двинулась к столу в задней части палатки. Как она и подозревала, его поверхность была завалена чертежными инструментами, хотя слой пыли наводил на мысль, что ими не пользовались в течение длительного времени. Она нашла тяжелую линейку и осторожно стала привязывать ее к левому предплечью, поддерживая сломанную кость примитивным лубком. Потом, наконец, она надела свою перчатку обратно.

Но ее меч исчез. У нее не было никакого оружия вообще. Тем не менее, восстановив свою руку, Габриэлла почувствовала себя лучше, хоть и немного. Она обследовала палатку еще раз в надежде, что, возможно, она могла бы выскользнуть под одной из брезентовых стен так же, как сделала крыса. Тишина лагеря намекала на глубокую ночь. Таким образом, она действительно могла бы пробраться к крепости незамеченной, если бы только она могла пройти мимо охранников у входа палатки. Брезентовые стены были плотно прикреплены к земле рядами тяжелых, деревянных кольев, но она думала, что она сумеет проползти под ними, если будет очень осторожна.

Она тихонько приблизилась к стороне палатки напротив унылой груды тел. Здесь земля немного уходила вниз. Под туго натянутой тканью можно было увидеть полосу лунного света. Габриэлла опустила на колени и схватилась за край палатки. Там было достаточно места, решила она и просунула ногу под ним.

Именно тогда охранники снаружи зашевелились. Габриэлла услышал слабый лязг их разномастных доспехов, скрип кожаных поясов и жилетов. Они услышали что-то и, наконец, решили проверить.

Она застыла на месте, стоя одной ногой под боковой стенкой. Тени охранников двинулись ко входу. И тогда, что было хуже всего, над ними поднялась третья тень, которая была выше других. Охранники посторонились без единого слова.

Бром вернулся.

Двери палатки дернулись, когда Бром раздвинул их в стороны.

Габриэлла заторопилась. Она вцепилась в стену палатки, задирая ее так высоко, насколько она могла и протиснулась под ней. Огонь от костра замерцал в темноте палатки, когда Бром вошел. Он оглядел комнату, заметил ее, и его глаза вспыхнули с яростью. Нижняя часть Габриэллы уже вылезла из палатки, но Бром, двигаясь с невероятной скоростью, пересек пол палатки и испустил низкий рев. Он не стал тратить время, чтобы согнуться и схватить ее, но поднял сапог вместо этого, собираясь ударить ее по шее. Она отчаянно крутанулась, ныряя головой и изворачиваясь под натянутым холстом. Мгновением позже сапог Брома опустился. Он не попал ей в шею, зато прижал ее взметнувшиеся волосы. Она почувствовала боль, когда скатилась в грязь между палатками.

Бром снова взревел, согнулся и схватил ее волосы с другой стороны стены. Она поднялась на колени и рванула изо всех сил. Ее голова откинулась назад — волосы сильно натянулись у корней, но Бром держал крепко и принялся тащить ее назад под стену палатки.

Послышался звон металла, затем треск. Меч Брома разрезал огромную щель в стене, едва не задев шею Габриэллы. Меч застрял там, Бром хмыкнул, пытаясь вытащить его обратно, не выпуская горсть ее волос. Габриэлла повернулась, увидела блеск лезвия, выступающего из стены палатки, и сделала рывок вверх по направлению к нему. Лезвие со свистом коснулось туго натянутых прядей волос и аккуратно срезало их. Через мгновение она была свободна и удирала со всех ног между палатками, скользя сапогами в вязкой грязи.

Бром заревел, на этот раз громче, и снова полоснул по стене, вырезая себе выход.

— Она убегает! — орал он, вырываясь из палатки на открытый воздух. — Скажите мне, где она! Но не трогайте ее! Она моя!

Габриэлла достигла конца палатки, перепрыгнула через один из поддерживающих канатов и оказалась на более широкий тропинке. Костры почти прогорели, и в лагере нигде не было видно факелов или фонарей. Хуже того, туман скрыл луну, делая ночь почти полностью черной. Габриэлла бежала, отчаянно пытаясь найти оружие, но не нашла ничего.

Голоса смешались где-то позади нее.

— Она побежала той дорогой.

— Она далеко не уйдет.

А потом голос Брома:

— Я чувствую ее страх. Предоставьте ее мне, я оставлю каждому из вас кусочек...

Габриэлла нырнула в другой ряд палаток. Внутри возбужденно бормотали голоса. Она перепрыгивала через многочисленные колья и канаты, проклиная их за то, что задерживают ее, и бросилась напрямую в тупик под зазубренный выступ скалы. Тени были там гуще, но еще там стояло дерево. Габриэлла решила, что она в состоянии подняться на него. И тут ее осенило. Она бросилась обратно к ближайшей палатке и схватилась за колышек, вбитый в ее углу. Внутри палатки рычал недовольно чей-то голос, и Габриэлла замерла в страхе. Через некоторое время, однако, голос перешел в бормотание, а затем утих, сменившись медленным, дребезжащим дыханием.

Габриэлла принялась раскачивать в грязи огромный кол, стараясь высвободить его. Достаточно скоро, он поддался, и она вытянула его из земли, снимая петлю веревки с грязного наконечника. Угол палатки слегка провис. Она вскочила на ноги, взвесила его в руке, и проворно метнулась к ближайшему дереву. Так тихо, как могла, она вскарабкалась на его ветви, тяжело дыша через нос, с колотящимся сердцем.

Последовала минута тишины. Габриэлла начала думать, что Бром потерял ее след. И тут между рядами палаток она заметила тень. Он преследовал ее, тихо как змея. Его ноздри раздувались, когда он вышел на открытое место. Он не видел ее на дереве, но чувствовал ее близость. Он подкрадывался все ближе, петляя медленно взад и вперед, выслеживая ее.

— Принцес-с-са... — прошипел он. — Я знаю, что ты здесь. Выходи, выходи, где бы ты ни была...

На дереве Габриэлла затаила дыхание. Ветви были без листьев и не скроют ее надолго. Если он подберется ближе, он учует ее запах над ним. Она вцепилась в деревянный кол. Он был длинным, но практически бесполезным в качестве оружия. Тем не менее, это было лучше, чем ничего.

Бром кружил ближе и ближе, выходя в тень скал.

— Я чую тебя, дорогая, — пел он себе под нос. Потом он остановился, повернул голову, шевеля ноздрями.

— Знаешь, а я помню его, — сказал он очень тихо. — Твоего мужа. Я хорошо его

помню. Я видел, как он умирает.

У Габриэллы застыло лицо. Он пытался спровоцировать ее, конечно. Это почти сработало.

— Я видел, как Меродах вонзал в него кинжал снова и снова, пока кровь не забила фонтаном. Он был такой красивый, даже в смерти. Тебе его не хватает, принцесса? По этой причине ты здесь?

Рука Габриэллы сжала палку. Теперь он был почти под ней. Он двигался, как кошка.

— Когда Меродах покончил с ним, — прошептал он нежно, — он отдал его мне. Я сохранил его для тебя. Ты можешь забрать его, если пожелаешь, то, что осталось от него. Выходи, принцесса. Твой Дэррик ждет тебя.

Он остановился. Медленно поднял голову.

Габриэлла прыгнула на него, держа кол острием вниз и нажимая на него всем своим весом. Кол угодил ему в плечо, глубоко погрузившись между ключицей и лопаткой. Он ушел почти целиком, оставив небольшой кончик, и Габриэлла выпустила его, отшатнувшись назад.

Мерзавец едва двигался. Он повернул голову в сторону, неуклюже вглядываясь в деревяшку, которая торчала из основания его плеча. Медленно он потянулся к ней, попытался ухватиться за ее тупой конец пальцами, но так и не смог. Он снова посмотрел на Габриэлла, а затем сделал шаг к ней. Его ноги сплелись, он потерял равновесие и тяжело опустился на колени в грязь.

— А-а-а-а, — выдохнул он, и его глаза страшно выпучились. Его руки поднялись, пальцы сжались в когти, и он потянулся к ней. Однако, в его жесте не было никакой силы. Через мгновение его руки опустились. И тогда, что возможно, было ужаснее всего, его глаза прояснились. Он моргнул, и что-то человеческое взглянуло на Габриэлла, встречаясь с ее взглядом.

— Спасибо, — слабым голосом прошептал он. — Спасибо, принцесса...

И с тяжелым стуком упал лицом вниз, умерев во второй раз.

Габриэлла взяла меч Брома. Он был больше ее собственного и весил иначе. Она подержала его, покрутила, взмахнула для пробы и пришла к выводу, что сумеет использовать его, когда придет время. Однако, в тот момент, когда она собиралась отправиться в сторону крепости, над головой послышался легкий шорох. Девушка подняла глаза и с удивлением заметила Перышко, осторожно выпархивающего из темноты. Он что-то нес в своих когтях, и вес его ноши казался почти чрезмерным для него. Он неуклюже приземлился наверху предмета, когда тот ударился о землю.

— Мой мешок, — прошептала Габриэлла, опускаясь на колени перед ним. — Перышко, ты меня удивляешь. Спасибо.

Она почти забыла о своем мешке. По правде говоря, в нем не было практически ничего, кроме одной-двух вещей. Она развязала узелок и сунула руку внутрь, нащупала завернутую

свечу Дэррика и кивнула.

— У меня не было лучшего друга, чем ты, Перышко, — тихо прошептала она, закидывая мешок через плечо. — Тебе больше не нужно сопровождать меня. Лети, мой друг. Возвращайся домой к волшебникам. Я больше не могу ручаться за твою безопасность.

Сокол склонил голову, поворачиваясь к ней одним ярким глазом. Он проворно прыгнул вперед и испустил тонкий, необычный для него щелчок.

— Иди, — тихо настаивала Габриэлла. — Ты уже сделал столько всего, на что я не могла даже надеяться. Если это возможно, расскажи своим хозяевам, что произошло. Не дай нашей истории уйти нерассказанной. Ты понимаешь?

Перышко встряхнулся, щелкнул клювом и взъерошил перья. Что бы он ни пытался сказать, однако, для нее это осталось тайной. Можно только надеяться, что его волшебные друзья говорят с птицами лучше, чем она. Через мгновение сокол захлопал крыльями и поднялся в воздух. Воздушная волна от его взлета зашевелила волосы Габриэллы, пока она наблюдала, как он удаляется. Через несколько секунд он стал лишь темной точкой на фоне ночного неба.

Затем он исчез полностью.

Габриэлла вздохнула, и вздох превратился в содрогание. Она не осознавала, насколько ей не хватало его компании до тех пор, пока он не вернулся к ней. По правде говоря, ей бы хотелось, чтобы Перышко остался с ней до конца, но она не могла больше злоупотреблять преданностью сокола. Одно дело рисковать собой, вторгаясь в логово Меродаха. Но она не стала бы делать этот выбор за кого-нибудь еще.

Девушка взяла свой новый меч, сделала глубокий вдох и нырнула в ближайšie тени. Тихо и осторожно она начала свой путь к крепости.

Почти на каждом повороте она ожидала, что ее окликнут, но лагерь был устрашающе тихим и почти абсолютно темным. Она прошла мимо нескольких светящихся огоньков костров, их угли рассыпались как попало и слегка потрескивали, однако не было никаких фонарей или факелов. В некоторых палатках бормотали голоса, из других доносился резкий храп, но она не заметила ни одного караула. Какой бы ни была правда о жесткости армии Меродаха в бою, по крайней мере, эта похоже совершенно не заботилась о возможности нападения на собственный лагерь.

Пока Габриэлла кралась вдоль основной дороги, она задавалась вопросом, сколько палаток были заняты существами, такими как Бром — мертвыми, но каким-то образом ожившими, потребляющими разлагающуюся плоть для поддержания своего собственного гниющего тела. Возможно, большинство из них все еще были людьми, но не все. Как вообще такая вещь могла быть возможной? Какими черными чарами занимался Меродах, чтобы создавать такие ужасы?

Может быть, она узнает. А, возможно, нет. Все, что имеет значение, это то, что она встретится с монстром лицом к лицу, и он попробует ее меч. Ее приводила в ужас эта мысль, теперь куда больше, чем когда-либо, но она отказывалась уступать своему страху. Она уже достаточно испытала. Может быть, она надеялась, что она будет как Давид в Священном Писании, который вышел сразиться с великаном Голиафом, когда все остальные отказались. Разница была в том (понимала она с чувством растущего беспокойства), что Давид победил своей верой в Бога. Габриэлла уже была сыта по горло верой. К добру или нет, к победе или к поражению, она взяла дело окончательно и твердо в ее собственные руки.

Крепость нависала над палатками, неуклюжая черная башня с украшенной зубцами

вершиной. В отличие от остальной части лагеря, внутри горели огни. Щели бойниц светились и мерцали на фоне крошечной тьмы. Габриэлла украдкой двигалась в тени, направляясь к левой стороне башни. Там находилась огромная, темная дверь, по обе стороны которой стояли два охранника. Она обогнула их, держась в тени и наконец боком прокралась к стене крепости примерно в двадцати шагах от охранников. Затем присела на корточки среди сорняков и стала рассматривать варианты.

Охранники были очень высокими, в ржавых, но тяжелых доспехах и держали девятифутовые боевые топоры. Даже со своего места Габриэлла почувствовала вонь, исходящую от этих мужчин. Они были как Бром, мертвые, но двигающиеся, населенные чем-то несслыханным.

Сможет ли она убить их обоих? Это казалось нелепой фантазией. Лезвие ни убьет, ни замедлит таких монстров. Конечно, ей удалось убить Брома шестом, но это была огромная удача. Она обошла его броню, напав сверху, направляя острие прямо в сердце. Весьма маловероятно, что она сможет повторить такое действие, особенно на двух здоровенных мужчинах сразу. Даже если ей удалось бы убить одного из охранников и добраться до входа, второй охранник пустился бы за ней в погоню и, скорее всего, вызвал бы подкрепление. Если это произойдет, ее шансы противостоять Меродаху в одиночку значительно уменьшатся. Для нее было абсолютно необходимо сохранить элемент неожиданности.

Она хмуро раздумывала, поглядывая на охранников. Ни один не двигался ни в малейшей степени. Они выглядели не более чем сильно увеличенные статуи, слепленные из человеческой плоти и костей. Как она сможет победить таких громадных звероподобных существ?

В ее голове возник голос Дэррика, говоривший: «Ты маленькая, Бри, значит ты быстрая...» Она моргнула, вспоминая. Это был день поединка. Дэррик давал ей совет, как победить Гете. «Он раздавит тебя при первой возможности, но можешь быть уверена, что такой возможности ему не представится, если ты будешь осторожна. ...Если ты будешь осторожна».

Ей в голову пришла мысль. На поверхности она была такой нелепой, такой совершенно невыносимой, что девушка едва не отвергла ее. Причина, по которой она не сделала этого, однако, была в том, что она также казалась дразняще привлекательной. Если она будет действовать очень быстро и очень осторожно.

Габриэлла все еще сидела в траве, прижавшись спиной к холодному камню крепости, и косилась в сторону охранников. Они не сдвинулись с места. Было такое ощущение, что они впали в спячку, стоя на ногах, в ожидании приближения кого-то, после чего они оживут и среагируют должным образом.

Габриэлла тихонько выпрямилась, держась близко к стене, но стараясь не царапнуть доспехами о камень. Прижимаясь спиной к стене и осторожно держа меч перед собой наготове, она начала приближаться к двери.

Охранники стояли в шаге от двери, прислонив боевые топоры к плечевым пластинам. Казалось, они даже не дышали. Габриэлла видела их лица в профиль. Они были огромные, толстомордые, бороды колючим кустом торчали на их груди. Их немигающие глаза тускло отсвечивали в ночи. Она подкралась, стараясь не дышать, осторожно поднимая ноги, чтобы не сдвинуть ни один из камней, которые окружали башню. Каким-то чудом она приблизилась к двери, оказываясь позади охранников, вжимаясь в тень крепости.

Она была в пределах их зловония. Если она могла почувствовать их запах, осознала она,

то был шанс, что и они смогут учуять ее запах, какой бы быстрой и тихой она ни была. Она задержала дыхание и медленно подвинулась к краю двери. Ближайший охранник был едва на расстоянии вытянутой руки. Его широкая спина нависала над ней в темноте.

Сжав меч в правом кулаке, она отступила назад и прижала левую руку к железной ручке двери. Дверь была заперта, конечно. Она ощупала ее и нашла замок. Надавила потихоньку. Дверь сначала не поддавалась. А затем, с мягким щелчком, сдвинулась, слегка приоткрывшись позади Габриэллы.

— Что это было?

Габриэлла замерла с широко раскрытыми глазами, словно окаменевшая. Один из охранников заговорил, его голос был похож на низкое, хриплое рычание. Другой слегка пошевелился.

— Я чувствую что-то, — пробормотал он, и резко втянул ночной воздух, как собака. — Кровь. Пот.

Он сделал паузу, а затем добавил:

— Страх.

Оба охранника молчали в течение долгого, ужасающего момента. Наконец, первый охранник снова заговорил.

— Возможно, раненый зверь. Проверь лес.

Второй охранник кивнул. С резким движением и грохотом доспехов, он отошел от двери, взвешивая свой топор. Он медленно зашагал к ряду деревьев, росших вдоль ближайшего края башни.

Медленно, все еще сдерживая дыхание, Габриэлла толкнула спиной в деревянную дверь, молча умоляя петли не скрипеть. Дверь начала открываться позади нее. Теплый воздух повеял через трещину, поднимая ее волосы от лба. Охранник снова принюхался, его беспокойство росло. Он стал оглядываться по сторонам.

Габриэлла толкнула в дверь сильнее, зная, что времени у нее почти не осталось. Наконец, она быстро проскользнула через щель в тепло и свет главного входа крепости и поймала дверь, когда та качнулась назад. Осторожно и проворно она прикрыла ее, не защелкивая замок.

С содроганием она выдохнула и закрыла глаза. Она едва могла поверить, что ее план удался, и вот она внутри крепости, стоит в освещенном факелами коридоре ее главного входа. Винтовая лестница возвышалась в конце коридора, восходя в темноту, ожидая ее. Она прислонилась к стене рядом с дверью, испытывая облегчение.

Дверь с силой распахнулась перед ней, чуть не ударив. Холодный воздух пробежал по комнате, шевеля пламя в настенных подсвечниках. Габриэлла в ужасе округлила глаза, когда тень от двери упала на нее. К счастью, она прислонилась к той стене, которая была возле дверных петель. Если бы она была с другой стороны, ее бы сразу заметили.

Она видела, как пальцы стражника вцепились в край двери, держа ее открытой. Послышалось шарканье ног, и он заглянул внутрь.

Габриэлла схватила меч и закусила губы, ожидая, когда охранник полностью войдет и закроет дверь, обнаружив ее позади. Ей придется рискнуть и сразиться с ним, если это случится. Она быстренько вычислила, где будет лучшее место для удара и пришла к решению, что ей придется ударить его по голове. Монстр может выжить даже от такого удара, но по меньшей мере, он будет ослаблен и, возможно, ослеплен. Она сглотнула и напрягла свои мышцы для подготовки.

Охранник, однако, не стал входить полностью. Он стоял с другой стороны открытой двери, глубоко и хрипло дыша, нюхая воздух. Наконец, с мягким ворчанием его пальцы отпустили край двери. Габриэлла услышала, как он шагнул наружу, и дверь захлопнулась с громким стуком.

Она качнулась на ногах, все еще сжимая свой меч перед собой, уставившись на тяжелую древесину двери. С усилием она заставила себя расслабиться. Чем раньше она уберется от двери в верхние этажи самой крепости, тем лучше.

Все еще дрожащая и испытывающая тошноту от адреналина, Габриэлла с опаской двинулась по коридору, направляясь к темной лестнице.

Винтовая лестница поднималась в тень, исчезая за поворотом. Габриэлла медленно взбиралась по каменным ступеням, широко распахнув глаза, крепко сжимая меч перед собой. Слабый звук эхом доносился до нее, легкий и переливчатый, совершенно неуместный в затхлой темноте. Это была музыка. Несмотря на свой страх девушка прислушалась. Клавесин, скрипка, флейта — все играло в полной гармонии, создавая причудливую мелодию, которая идеально бы подошла для летнего королевского пикника. Однако, в этом месте веселая мелодия казалась почти насмешкой, как яркие румяна на щеках трупа. Она шла на этот звук.

Перед ней открылся коридор, довольно длинный, покрытый когда-то роскошным, красным ковром. Теперь ковер сгнил и заплесневел, прилипнув к полу словно кожа. Кроме того, лестница уходила дальше, вверх башни, вероятно, ведя к бойницам и заканчиваясь сторожевой комнатой на самом верху. Но не она была ее целью. Музыка доносилась не сверху, а слышалась совсем близко от большого зала крепости. По ковру протянулась полоска света от камина, исходящая от невидимых двойных дверей зала, которые, судя по всему, были открыты настежь.

Музыка продолжала играть, дразняще яркая и ритмичная.

Габриэлла остановилась. Ее сердце сильно билось под доспехами. Она была меньше, чем в десяти шагах от своей конечной цели. Обычно рыцарь в этой ситуации встал бы на колени и помолился, зажав рукоять меча между ладонями. Она хотела бы сделать то же самое, но совершенно не могла заставить себя сделать это, несмотря на ее большой страх. Она особо не могла похвастаться дружескими отношениями со Всемогущим, даже в детстве. В конце концов, Бог предположительно был правителем всех вещей, и Он счел нужным, чтобы забрать ее мать. Кроме того, Он позволил чудовищу по имени Меродах укрепиться в силе, чтобы стать угрозой всему, что она любила. Бог также взял Рисс. И что самое главное, Он позволил убить Дэррика, грубо и бессмысленно.

Она больше не могла доверять Ему. Не могла доверить Ему жизнь Маленького принца, а также эту, ее заключительную миссию.

Но был кое-кто, кому она могла доверять.

Так тихо, как только могла, она прислонила свой меч к стене, присела на корточки и сняла с плеча свой мешок. Запустив в него руку, она быстро нашла маленький сверток со свечой и вытащила. Тряпка упала на обветшалый ковер, как только она развернула ее. Медленно, она подняла свечу, держа в обеих руках, прикоснулась к ней губами и закрыла глаза. Она оперлась на стену, приложив гладкий воск ко лбу.

Сигрид сказала неправду о свечах в соборе. Габриэлла почувствовала это во время рассказа женщины. Свечи обладали магией, пожалуй, лучшей и величайшей магией, оставшейся в царстве людей, оставшейся от того времени, когда сам Мерлин использовал свое искусство для короля Артура и его благородного Круглого стола. Свечи были не просто символами, также как и солнце было не просто символом дня. Сигрид не погасила свечу королевы в ночь, когда та была убита, несмотря на ее уверения. Свеча погасла сама по себе, потому что ее пламя не зависело от воска или фитиля. Свечи питались жизненной силой тех, которых они представляли. Когда эта жизненная сила исчезала, свечи тоже гасли. Сигрид солгала. Это была ложь из благих намерений, конечно, предназначенная дать надежду и

веру, но все же она была ложью.

А порой, необоснованная надежда и вера бывают худшей ложью из всех.

Габриэлла опустила руки и посмотрела на свечу Дэррика. Это были не просто воск и фитиль. Она, как и другие свечи жизни, обладала большей магией, чем кто-либо когда-нибудь знал. Фитиль почернел, но воск едва ли растаял. Он был почти идеальным.

Она протянула руку, поднесла свечу к факелу, который потрескивал как раз у нее над головой. Пламя нехотя занялось. Оно слабо затрещало, замерцало, и, наконец, разгорелось. Габриэлла опустила свечу, подозревая, что у нее очень мало времени.

— Дэррик, — прошептала она. — Я так боюсь. Я не знаю, что делать.

Пламя свечи слегка зашевелилось от ее дыхания. Дым серыми лентами потянулся вверх.

«Бри...»

Это был он, или по меньшей мере, память о нем, заключенная в свече, как отражение. Его голос появлялся из воздуха, как последний отголосок далекого эха.

— Дэррик, — прохрипела она, улыбнувшись страдальческой, горькой улыбкой. — Дэррик, любовь моя!

На самом деле она даже не ожидала, что ее идея сработает. Она хотела попросить благословения и защиты своего мужа, так же как в тот день, когда она столкнулась с Гете на боевой арене. Теперь, однако, снова услышав его голос, все эти намерения испарились, сменившись на более глубокий, более простой вопрос.

— Почему... — прошептала она еле слышным голосом, — почему ты это сделал? Почему... ты нарушил свое обещание мне?

«Мне очень жаль, милая, — ответил его голос, словно пришедший из струящихся лент дыма. — Это было глупо... глупо с моей стороны давать обещание, не зная, смогу ли его сдержать. Я не хотел этого. Но я не грущу. Зачем мне грустить? Я перешел в райские луга, где и ты когда-нибудь присоединишься ко мне. Я сожалею, что я сейчас не с тобой. Моя любовь остается. И когда-нибудь, мы снова будем вместе. Здесь ничто не сможет нарушить мое обещание тебе. Но Бри, ты не должна совершать ту же ошибку, что и я. Ты не должна давать обещания, которые ты не можешь сдержать...»

— Я ничего не обещала, — выдохнула она, слегка покачав головой. — Я здесь, чтобы отомстить за тебя. И за Рисс. И даже за маму. Я здесь, чтобы защитить Камелот и нашего сына. Нашего сына...

«Ты пришла сюда не только, чтобы отомстить за нас, Бри..., - с легким нажимом произнес голос Дэррика. — Ты не можешь лгать мертвым, милая».

Тут она более категорично покачала головой.

— Нет! — прошептала она резко. — Это было мое намерение с того дня, когда я узнала о твоей смерти. Это все, что привело меня сюда.

«Да, Бри. Но есть и другая, более глубокая причина, почему ты пришла сюда. Ты пришла сюда, моя любовь, не только, чтобы отомстить... но и чтобы умереть».

Как только он это сказал, Габриэлла поняла, что это правда. Ее глаза расширились в темноте, уставившись в никуда. Ее губы задрожали, и тяжесть страданий поднялась в ее груди. Она старалась подавить их. Он был прав. Его слова открыли ей глубокую тоску внутри нее, болезненное желание, чтобы все это закончилось. Слишком многое у нее забрали, слишком много надежд оказалось разрушено.

«Вот почему ты не дала имя нашему сыну, — продолжал призрачный голос. Назвав его, ты бы сделала его полностью своим, но ты знала, даже тогда, что у тебя не было намерения

возвращаться к нему. Ты оставила его Сигрид, в качестве подарка и жертвы».

— Это не так, — настаивала Габриэлла, отказываясь признать истинность его слов. Однако, это было бесполезно. Вес ее собственных скрытых мотивов придавил ее, словно камень.

«Мне знакома глубина твоей печали, Бри, — сказал Дэррик, и любящее сочувствие в его голосе сломило ее. — Я испытал ее сам, даже когда этот безумец убил меня. Самую большую боль принесла не сталь его лезвия, но осознание того, что я предал тебя, не сдержал свое обещание тебе. В тот момент я почувствовал сожаление и горе, и отчаяние. Я знаю, что ты чувствуешь. Но я легко отделался, Бри. Моя печаль длилась всего мгновение. Твое бремя гораздо, гораздо больше...»

— Нет, — возразила Габриэлла, ее голос стал неожиданно низким и хриплым. — Нет, я не буду. Я не могу. Это слишком для меня.

«Ты ошибаешься, — мягко настаивал голос ее мужа. — Ты сильнее, чем осознаешь это. Ты сумеешь сделать то, что тебе предназначено, если ты искренне желаешь».

Габриэлла закрыла лицо одной рукой, и жалкий стон отчаяния вырвался из ее груди.

— Что я должна сделать, Дэррик? — умоляла она.

«Ты нужна нашему сыну, любовь моя. Он уже потерял своего отца. Он не может потерять и тебя, каким бы сильным не было твое желание освободиться».

— Сигрид позаботится о нем, — неуверенно защищалась Габриэлла, все еще закрывая рукой глаза. — Она даст ему имя, спрячет его, уберезет от опасности.

«Нет, он нуждается в тебе, его настоящей матери. Ты должна вернуться к нему. Найди его и воспитай его. Расскажи ему обо мне. Сделай из него человека, которым ему предназначено быть. Только ты можешь сделать это сейчас».

— Нет, — плакала она, бессильно качая головой. — Я не могу. Это слишком...

«Габриэлла, — сказал ее муж, его голос уже начинал таять. — Габриэлла, ты должна сделать то, что труднее всего. Моя любовь, моя жена... ты должна жить».

— Но как? — прошептала она, уронив руку и отчаянно вглядываясь в крошечное пламя. Оно, мерцая, уменьшалось. — Колрут сказал мне, что я встречу с Меродахом. Он сказал мне, что я умру!

«Конечно, ты умрешь, — с легкостью ответил голос Дэррика, и в нем звучала легкая насмешка. — Все умирают. Он ведь не сказал тебе, когда и как. Он капризный дух, переполненный обманов. Он знает гораздо меньше, чем считает. Ты не можешь верить его словам».

— Кому мне верить? — прошептала она неистово, отчаянно. — Богу?

«Ничто не длится вечно, Бри... — ответил издали голос Дэррика, уносясь прочь. — Камелот в конечном счете исчезнет. Все мы должны когда-нибудь умереть. Никто никогда не говорил, что верить легко. Но это всегда лучше, чем не верить. Живи своей жизнью, Бри. Иди к нашему сыну. Воспитай его. Райские луга подождут. Как и я».

Габриэлла все еще качала головой, не открывая глаз. Не в знак несогласия, а отказываясь. Это было слишком много для нее, бремя было слишком велико. Но даже в своем отказе, она знала, что ее ушедший муж был прав. Ее долг был ясен, каким бы трудным он ни был. С тех пор как она была ребенком, она задавалась вопросом, сможет ли она сделать то, что от нее требуется. Сигрид пообещала ей, что, когда придет время, она сможет. Она будет соответствовать требованиям принцессы. Если она захочет.

Если она захочет.

Габриэлла сделала большой, прерывистый вдох. Когда она выдохнула, она открыла глаза. Свеча Дэррика погасла, в этот раз навсегда. Его голос исчез. Слезы дрожали в уголках ее глаз. Она вытерла их тыльной стороной руки, прежде чем они упали на пол.

Она отошла от стены. Осторожно, с благоговением, она присела и поставила свечу Дэррика на пол. Магия окончательно ушла из нее. Теперь, раз и навсегда, это были просто воск и фитиль.

— Прощай, моя любовь, — тихо сказала она. — Пока мы не встретимся снова.

Она встала, подобрала свой меч, прислоненный к стене, и направилась вперед, приближаясь к отдающейся эхом музыке и полоске света. Большой зал крепости, и сам Меродах, ждали.

Дэррик был прав. Ее долг был ясен. И все же она не могла позволить жить безумцу, который убил его.

Ей просто была необходима вера, что, когда все будет закончено, она еще будет жива.

Двери в большом зале действительно были открыты настежь. Пара изысканных кованых канделябров стояла с обеих сторон от входа, каждый из них был высотой с нее и уставлен десятком экстравагантно выплавленных свечей. Помимо этого, громадная комната, погруженная в величественный полумрак, была наполнена коллекциями мебели, разнообразными столами, массивным, шумно горящим камином, а в центре громоздился огромный, очень странный предмет, сделанный из какого-то черного металла. Он был похож на сжатую руку скелета, ее восемь пальцев поднимались от пола и держали что-то невидимое, сокрытое в густой тени. Над головой свисала с тяжелой длинной цепи, размером лишь немного меньше, чем странная металлическая скульптура, невероятно чудовищная люстра. Она также была из кованого железа, покрытая завитками, острыми зубцами, и болтами размером с кулак, так что ее уродство просто потрясло воображение. В ней горели сотни свечей, образуя мерцающее созвездие и выпуская потоки черного дыма к высокому потолку.

Среди стропил кружились летучие мыши, деловито пища среди дыма.

Габриэлла тихо вошла в комнату, окинув ее всю взглядом в попытке найти ее обитателя. В дальнем левом углу была возведена своего рода сцена, окруженная таинственным, золотым сиянием. Это, собственно, и был источник музыки. Клавиши клавесина деловито нажимались, никем неуправляемые. Рядом с ним в воздухе парили скрипка и флейта, беззаботно подстраиваясь под темп музыки. Смычок скрипки оживленно скользил по струнам взад-вперед.

На противоположной стороне комнаты стоял мужчина спиной к ней, оперевшись на большой стол и смотрясь в овальное зеркало, висевшее на стене, как будто его собственное отражение было самой захватывающей вещью, которую он когда-либо видел. На столе перед ним лежала открытой толстая книга, и его рука была прижата к одной из страниц, по-видимому, чтобы удержать ее открытой.

Габриэлла открыла рот, чтобы окликнуть его, но прежде, чем она успела, он резко развернулся на месте, оказавшись к ней лицом. Позади него, книга захлопнулась сама собой. Удивленные глаза мужчины уставились на нее поверх его короткой, черной бороды.

— Ну, — произнес он удивительно приятным голосом, немного расслабившись, — ты точно не та, кого я ожидал. — Он вопросительно склонил голову на бок. — Итак, кто же ты, моя милая?

Габриэлла обеими руками подняла меч перед собой, ее лицо напряглось в твердой решимости.

— Ты Меродах? — выдохнула она. Ее голос звучал почти как рычание. Сила ее гнева удивила даже ее саму. Он вибрировал в ее жилах, как электрический разряд перед грозой.

— Ситуация улучшится, если я скажу, что это я? — весело ответил мужчина. — Сдается мне, что ты здесь не с миссией доброй воли, моя дорогая. Опустить свой меч и давай поговорим. Ко мне редко заходят столь очаровательные гости.

Габриэлла покачала головой и шагнула вперед.

— Ты убил моего мужа, — сказала она с тихой яростью.

Меродах пожал плечами:

— Я убил много мужей. Как мне вспомнить, какой из них был твой? Очень трудно уследить за такими вещами.

— Тогда считай, то, что я собираюсь сделать, — ответила Габриэлла, поднимая свой меч, — будет платой за них всех.

— Умоляю тебя, моя дорогая, не будь столь поспешной, — сказал мужчина, внезапно отскочив в сторону и пятясь от нее. Он поднял руки ладонями наружу. — Я безоружен, как ты можешь видеть. Я чувствую, что ты не такая женщина, которая нападет на беззащитного соперника. Давайте все обсудим. Я уверен, ты знаешь, что мое убийство ничего не решит.

— Придержи свой язык, — приказала Габриэлла, двигаясь вслед за человеком. — И прекрати движение. Не приближайся к этому... предмету.

— К чему? К этому? — уточнил Меродах, оглядываясь в сторону странной скульптуры из черного металла. Это был самый большой предмет в комнате, и он испускал отчетливый холод, несмотря на ревущий поблизости огонь. В его огромной кисти будто кружились тени, образуя облако тьмы.

— Не бойся, милая, — продолжал Меродах, улыбаясь ей. — У меня нет намерения приближаться к этому. Я еще хочу дожить до следующего дня. — Он легкомысленно рассмеялся, по-прежнему отступая дюйм за дюймом назад. Он, казалось, обходил ее, стараясь приблизиться к массивному камину.

— Что это за устройство? — спросила Габриэлла, указывая глазами и все еще направляя свой меч в грудь Меродаха.

— Это не мое, — защищаясь, со смехом сказал человек. — Он принадлежит... э-э... моему благодетелю. Ни один человек не может приблизиться к нему. Некоторые пытались, несмотря на мои предупреждения, поскольку они признавали в нем значимость. Но результат был... неприятным.

Он снова кивнул в сторону странной формы. Габриэлла присмотрелась. Внутри сжатых металлических пальцев находились какие-то фигуры. Через странно двигающуюся темноту, Габриэлла увидела, что фигуры эти были скелетами, почти превратившимися в прах. Она более внимательно изучила огромную металлическую скульптуру, всматриваясь в затемненные глубины ее содержимого. Нечто было скрыто в центре этой вращающейся

тьмы. Это выглядело словно черная свеча, расположенная на высоком, тонком постаменте. Однако, темнее, чем сама свеча, было ее пламя. Черное, как оникс, своим странным сиянием оно, казалось, всасывало весь свет в себя, как будто ее огонь был не огнем вовсе, а дверью в глубочайшую бездну.

— Это зло, — воскликнула Габриэлла, содрогнувшись под своей броней. Почти невольно, она сделала шаг к нему.

— Точно, — согласился Меродах, снова оглядываясь на чудовищную форму. — Но оно принесло мне пользу. Мне сказали, что пока горит его черный свет, мои армии тьмы будут маршировать, подчиняясь моей команде с совершенной преданностью. Очевидно, только те, у кого волшебная кровь, могут приблизиться к нему и остаться в живых, но не стесняйся сделать попытку. Попробуй потуши его, если сможешь. Я оценю это, независимо от результата.

Габриэлла едва не сделала это. Мерзость этого отвратительного, черного мерцания почти невозможно было вынести для нее, особенно если это был источник энергии для ужасных бессмертных армий. Если бы она могла погасить его, тогда, возможно, все еще можно было спасти.

— Давай, — вкрадчиво кивнул Меродах. — Я не буду пытаться остановить тебя.

Габриэлла сузила глаза, посмотрев на него.

— Я действительно могу приблизиться к этому источнику черной магии, — призналась она. — Но ты не увидишь этого. Сначала ты умрешь. Твои планы потерпят неудачу. Ты никогда не будешь сидеть на троне Камелота.

Она стала приближаться к нему, но он отступал назад, подняв перед собой руки в защитном жесте.

— Я? — удивился он, слегка усмехнувшись. — Уверяю тебя, у меня нет никакого интереса сидеть на троне. Что в этом веселого? Ты плохого обо мне мнения, милая.

Габриэлла с подозрением уставилась на него.

— Как ты можешь говорить такое? Твоя единственная цель была в том, чтобы напасть на королевство, чтобы свергнуть короля и захватить его трон.

Меродах быстро кивнул, а затем покачал головой.

— Свержение короля входит в мои намерения, да, но я делаю это не для себя. На самом деле, сама мысль о правлении доводит меня буквально до слез. Я человек дела, а не политики.

— Для кого же тогда? — потребовала ответа Габриэлла, стараясь обойти его со стороны, так как он по-прежнему пятился к камину. — Кого ты поддерживаешь? Варварского императора с севера? Ты расчищаешь путь для его вторжения?

Меродах захихикал:

— Ты даже не представляешь размах подобных вещей, милая. Варварская империя тоже падет. Мой благодетель хочет быть не просто королем Камелота. Его цель — править всем. Вскоре он получит власть над всей землей, от берега до берега. А со временем, даже эти естественные границы не удержат его. Его власть распространится по всей земле. Время расплаты пришло, дорогая. Новый порядок истинной власти уже близко.

Габриэлла покачала головой в хмуром удивлении.

— Но зачем тебе подчиняться приказам такого человека? Зачем ты делаешь за него всю грязную работу?

Меродах слегка пожал плечами, сделав еще шаг к камину.

— Так случилось, что мне нравится делать грязную работу. Я признаю это. И к тому же, мой благодетель не просто человек. Он нашел меня, когда я был еще очень молодым. Меня арестовали за мои преступления и приговорили к смерти. Он спас меня и расправился с моими врагами с помощью силы, которой я никогда раньше не видел. Почему? Потому что он оценил мои умения. Он нуждается в помощнике, сказал он мне. В ком-то, кто заменит его, пока он не сможет подняться к власти сам. С помощью его силы и власти я достиг того, что у меня есть, но это моя изобретательность и ум сделали все это возможным. Мы мыслим одинаково. Сегодня он примет на себя командование в полном объеме, и я стану его рукой правосудия, сея наказание тем, кто бросит ему вызов.

Тут Меродах глубоко вздохнул с тоской.

— Именно для этого я и был создан, в конце концов.

Он поднял ногу и опустил ее на один из декоративных завитков, обрамлявший огромный камин. Улыбаясь ей, он оттолкнул его ногой, как будто это был гигантский рычаг.

Габриэлла мгновенно поняла, что злодей приготовил ей ловушку. Она прыгнула в сторону, не зная, что должно было произойти, но догадываясь, что это зависит от определенного места. Послышался громкий резкий звук, скрежет металла, и протяжный нарастающий шум. Через секунду огромная люстра оглушительно рухнула на пол, едва не задев ее ноги, когда Габриэлла бросилась прочь. Свечи разлетелись во всех направлениях, разбрызгивая воск и оставляя за собой черный дым.

Габриэлла свалилась на пол и уронила меч.

— Черт возьми, а ты шустряя! — громко и весело провозгласил Меродах. — Но ничего, потому что я тоже не промах!

Габриэлла услышала звон металла и поняла, что злодей схватил один из декоративных мечей, которые висели над камином. Она едва ли заметила их, пока не стало слишком поздно. Она поднялась на колени, чтобы добраться до собственного меча и подняла его как раз в тот момент, когда мужчина набросился на нее. Металл звякнул по металлу, когда их мечи встретились, и Габриэлла чуть снова не оказалась распластанной на полу от свирепости его удара.

— Тебе действительно нужно научиться быть менее любопытной, милая, — произнес он сквозь жестокую ухмылку. — Это говорит о недостатке решимости.

Он описал мечом круг, целясь ей в шею, но Габриэлла отбила удар как раз вовремя, скользнув своим лезвием по его мечу. Сталь взвизгнула. Она вскочила на ноги и сделала ответный выпад. Смутно она почувствовала, как боль в ее предплечье снова запульсировала. Она не сможет сражаться долго, но она не позволит ему узнать это. Она яростно наносила удары, вынуждая его отступать. Он проворно обогнул упавшую люстру. Позади него зачарованные музыкальные инструменты заиграли героический боевой марш.

— Это бессмысленно, моя дорогая! — усмехнулся Меродах, когда их мечи встретились. — Ты не сможешь победить, как бы ты не пыталась. И даже если бы ты сумела, твоего мертвого мужа это не вернет. Беги, и, возможно, я позволю тебе жить. В конце концов, в мире полно других мужей для тебя.

— Будь ты проклят! — выкрикнула Габриэлла. Удары так и сыпались по его мечу. — Но ты еще не знаешь, кто я! Мой отец король Камелота! Мой муж был его фельдмаршалом! Ты пытал его, чтобы узнать, где собирается укрыться мой народ, а затем ты убил его! Ты убил его, и когда он умер, у тебя хватило наглости обокрасть его бедный труп! Ради этого и ради тех, кто еще жив, ты умрешь!

Меродах отбивался бешено, почти с радостью. Он рассмеялся с пониманием:

— Ах да! Значит, ты принцесса Габриэлла! В таком случае, я вспоминаю твоего мужа. Он позабавил меня. И да, я сознаюсь, что взял у него безделушку. Безвкусно, по-моему, но ты должна признать: ему она больше не была нужна.

— Я убью тебя! — поклялась неистово Габриэлла, заставляя его пятиться дальше, используя каждую унцию своей силы.

— Если ты убьешь меня, — объявил Меродах, яростно парируя ее удары и выпады, — ты никогда не найдешь вещицу своего мужа!

— К счастью, — вскипела она, рассекая мечом воздух, — меня это заботит меньше, чем твоя голова.

— Но какой в этом смысл! — выдохнул Меродах, обрушивая на нее нешуточные удары. — С твоим королевством покончено! Я видел это лично в волшебном отражении того самого зеркала позади тебя! Я могу увидеть в нем любое место, используя магическую книгу моего благодетеля! В этот самый момент, твой замок в огне! Тайная крепость разрушена, и все, кто был в ней, мертвы! Иди и взгляни сама, если не веришь мне! Уже поздно! Слишком поздно! — он самодовольно рассмеялся между ударами.

Габриэлла замерла — его слова поразили ее. Противник почувствовал это и накинулся на нее со всей свирепостью. Мечи сверкнули в свете камина, и звон их лезвий смешался с веселым темпом музыки. Габриэлла упала, поскольку боль в ее запястье усилилась, ослабляя ее захват меча. Затем с искусным взмахом Меродах вырвал меч из ее рук. Он отлетел в сторону, с грохотом падая куда-то в тень. Он мрачно усмехнулся и сделал движение, чтобы проткнуть ее.

Девушка пригнулась, уворачиваясь от меча, и откатилась под стол. Лезвие Меродаха с грохотом опустилось на него, в то время как Габриэлла выскочила с другой стороны. Она ринулась к двери, опрокидывая железные канделябры на своем пути. Меродах рванул вслед за ней, но споткнулся о сваленные канделябры. К удивлению Габриэллы, он все еще хохотал.

Габриэлла поскользнулась на сгнившем ковре коридора. В спешке выпрямившись, она ринулась в сторону лестницы.

— Не уходи, принцесса, — прохихикал Меродах, выбегая вслед за ней в коридор. — Ночь еще впереди! Нас ждет много веселья!

Габриэлла во весь дух помчалась по лестнице, перепрыгивая через две ступени за раз. Когда она добралась по извивающимся ступенькам до второй площадки, впереди была полная темнота. Здесь, вдоль коридора тянулись проемы, каждый из которых освещался узкой полосой лунного света, идущего из щели бойниц. У самого дальнего проема стоял еще один железный канделябр, только без свеч. Шаги Меродаха раздавались позади нее, быстро приближаясь. Габриэлла бросилась по коридору и нырнула в самый дальний уголок, едва не перевернув канделябр. Она прижалась к стене из мелкого камня и отдышалась.

Позади нее невидимые шаги Меродаха прогремели на лестничную площадку, где он, похоже, остановился.

— Хорошая разминка, принцесса, — сказал он, запыхавшись, и слегка хихикнул. — Но я боюсь, что для тебя это закончится плохо. Выходи и сдавайся. Это лучшее, на что ты можешь надеяться.

Он стал медленно продвигаться вперед. Она слышала его, знала, что он поднял свой меч, готовый сразить ее в тот момент, когда обнаружит. Она прижалась спиной к стене бойницы, стараясь не дышать.

— Ты знаешь? — задумчиво размышлял злодей, пока он приближался. — Мне только что пришло в голову. Со смертью твоего отца, ты уже не просто принцесса. Ты чувствуешь разницу, моя дорогая? Официально ты последняя королева Камелота. Поздравляю, — сказал он с издевкой, — Ваше Величество.

С безнадежностью Габриэлла поняла, что Меродах был прав. Если Херренгард действительно был разрушен, и она в этом не сомневалась, тогда ее отец был мертв. Она была последней из этого рода. Что бы ни осталось от Королевства, оно принадлежит ей. Осознание этого не воодушевило ее.

— Может, поэтому ты все еще сражаешься, — задумчиво произнес Меродах, подкрадываясь ближе и ближе. — Может, ты сражаешься как королева, чтобы защитить остатки своего королевства. Но нет! — внезапно воскликнул он, перебивая себя. — Не за Королевство! Теперь я вижу это! Ты сражаешься не за свое королевство, а за своего ребенка! Но ведь, королева, ты знаешь, что даже это — безнадежное дело. Ты же не настолько глупа.

Габриэлла оставалась на месте, прижавшись к стене, но заговорила.

— Дэррик солгал тебе, — твердо объявила она, ее слова эхом отозвались в бойницах позади нее. — Я знала, что он никогда не предаст нас, но мой отец не послушал меня. Ты, возможно, убил короля и всех тех, кто был с ним в Херренгарде, но мой сын не был среди них. Я послала его в другое место. Он в безопасности от тебя.

— Как мудро с твоей стороны, королева, — ответил Меродах невозмутимо. — Ты случайно... не отправила его в Амарант?

Кровь застыла в ее жилах, когда вопрос повис в воздухе. Она не ответила.

— Ты думаешь, я полный дурак, ваше величество? — спросил Меродах, и все веселье внезапно покинуло его голос. — Ты действительно думала, что я поверю слову твоего мужа? Мне уже были известны оба восточных пути отступления короля: Амарант и Херренгард. Я просто не знал, каким будет его первый выбор. Но я знал это. Я знал, что твой муж умрет, прежде чем раскроет мне правду.

Глаза Габриэллы расширились при этих словах безумца. Чувство безысходности стало заполнять ее, как свинец. Она боялась того, что Меродах собирался сказать дальше, и все же она знала, что должна услышать это, должна знать наверняка, что он сделал.

Теперь он был гораздо ближе, медленно крадясь вдоль ряда бойниц.

— Твой муж был очень смелый, — он заверил ее холодно. — Он сообщил мне, что король выберет для отступления Херренгард. Он солгал мне, как ты и предполагала. И таким образом, я понял, что настоящей целью был Амарант. Для верности я послал войска в оба места. Но в Амарант я отправил мой самый отъявленный полк. Мои солдаты оказались там в считанные дни. И их приказ был очень прост: ждать столько времени, сколько потребуется, а затем, когда придет время... убить всех.

У Габриэллы подкосились ноги. Она беспомощно опустила руки.

— Твой ребенок мертв, — выдохнул Меродах, смакуя слова. — Те, кто должны были защитить его, убиты. Все, за что ты борешься, королева, все это... лежит в руинах. Зачем продолжать сопротивляться? Для тебя не осталось ничего. Выходи. Ты последний правитель Камелота, и как таковой, ты должна умереть. Но я могу сделать это быстро. Вскоре ты сможешь присоединиться к тем, кого ты потеряла. Выходи и встретись со мной лицом к лицу. Умри как королева, и я не отдам твое тело на растерзание моим людям. Это единственный выход. Признай это. Ты желаешь этого...

Глаза Габриэллы потускнели в полумраке. Сейчас ее противник был почти возле нее.

Она кивнула про себя. Медленно, но решительно, она шагнула вперед, повернув мимо железного канделябра, навстречу своей судьбе.

— Умница, — сказал он и улыбнулся одобрительно. — Так гораздо лучше, не правда ли?

Он поднял меч, направил острие чуть выше ее доспехов, в нескольких дюймах от горла, и приготовился нанести удар.

Рука Габриэллы взлетела вверх и вперед, сжимая резной железный канделябр. Тяжелый металл звякнул о сталь меча Меродаха, отбрасывая его к стене, где он рассыпался. Меродах вскрикнул от боли и схватился рукой за грудь, все еще сжимая рукоять меча. Однако, Габриэлла, не закончила. Канделябр засвистел в воздухе, невидимый в темноте, и ударил ее врага прямо в висок. Он отпрянул в сторону, едва держась на ногах.

— Постой, — произнес он с трудом. Кровь начала сочиться из виска, окрашивая его черные волосы. — Подожди. Будь по-твоему, королева. Это не должно закончиться так...

Габриэлла следовала за ним, пока он пятился назад, цепляясь за узкие стены бойниц для поддержки. Она взвесила в руке тяжелый канделябр и замахнулась еще раз. С низким свистом он описал дугу, обрушиваясь на левое плечо злодея. Он покачнулся, все еще ухитряясь не свалиться полностью. Опираясь на одно колено, он по-прежнему полз назад, махая сломанным мечом перед собой. Шесть дюймов лезвия еще торчали из его кулака, заканчиваясь острым, поблескивающим краем.

— Постой, — попросил он и бессильно, отчаянно рассмеялся. — Ты не можешь! Это невозможно!

Габриэлла даже не моргнула. Ее тень упала на него. Резким движением она схватила канделябр обеими руками, занесла над правым плечом и всадила в него сверху вниз, как копье.

Меродах вскрикнул, когда пустые подсвечники прокололи его живот, врезаясь глубоко в его плоть и застревая там. Кровь тут же хлынула из ран. Однако, прижатый к каменному полу, он полз и полз от нее.

— Ты не сможешь остановить то, что началось! — бормотал он, его голос срывался от ужаса. Слишком поздно! Ты проиграла! Ты умрешь, как и все остальные!

С этими словами его лицо застыло. Он собрал всю свою силу, со стоном вырвал канделябр из своих кишков и рванулся вверх, целясь остатком меча в живот Габриэллы. Но она перехватила его запястье на полпути, используя свою здоровую руку. Спустя мгновение она вырвала сломанный меч из его руки, развернула его в кулаке и опустила на Меродаха, прижав его коленом.

— Кто ты? — бросил он ей, ужас и ярость смешались на его окровавленном лице, искажая черты. Взгляд ужасного подозрения появился в глазах. — Ты ведьма?

— Нет, — процедила Габриэлла сквозь стиснутые зубы, поднимая сломанный меч. — Я просто очень решительный человек.

И она вонзила поломанное лезвие в его грудь, оставив его там.

Меродах под ней дернулся в конвульсиях, только один раз, но сильно. Он откашлялся кровью, откинулся назад и встретился с ней взглядом. На секунду ярость еще была там, лучась из его глаз, как жар от печи. А затем, без каких-либо заметных изменений его взгляд потух.

Меродах был мертв.

Когда все закончилось, она не могла больше находиться рядом с телом злодея. Осознание того, что она совершила, ошеломило ее. Она с трудом поднялась на ноги, удаляясь прочь от тела, а затем неуклюже побежала, устремившись к лестнице.

Этого просто не могло быть. Ее сын не мог умереть. Все остальное меркло по сравнению с этой внезапной, непереносимой истиной. Ее больше не волновало, что ее родной замок был предан огню, или что Камелот, ее королевство, находилось в осаде и фактически было уничтожено. Ей даже было все равно, что Меродах, творец всего этого, погиб от ее собственной руки. В тот момент, когда жизнь исчезла из его глаз, он перестал иметь значение.

Все, что имело теперь значение, была судьба ее ребенка.

Она отказывалась верить в то, что его, возможно, больше нет. Трагедия была слишком огромной для ее понимания. Ее чудесный малыш, ее единственная оставшаяся надежда...

Она направилась в коридор этажом ниже, ко входу в большой зал цитадели. Рядом с лестницей стояла потухшая свеча Дэррика. Габриэлла внезапно остановилась и в изумлении уставилась на нее.

«Ты должна вернуться к нему, — сказал голос ее покойного мужа. — Сделай из него человека, которым ему предназначено быть. Только ты можешь сделать это сейчас...»

Разве он мог не знать? Было ли это вообще возможно? Потом она вспомнила что-то еще, что он сказал ей, что-то определенно дразнящее, но с частичкой правды: «Никто никогда не говорил, что верить легко. Но это всегда лучше, чем не верить...»

Возможно, Меродах ошибался. Или даже лгал. Возможно, был шанс...

Крошечный огонек надежды зажегся в ее груди. Он был небольшим, но этого было достаточно, чтобы заставить ее двигаться, чтобы не дать ей просто упасть на сгнивший, красный ковер, опустошенной и лишенной надежды. Она шагнула в полосу света, которая вела в большой зал и заглянула внутрь.

Зачарованные музыкальные инструменты перестали играть. Скрипка и флейта лежали на маленькой сцене, как будто внезапно упали. Огонь все еще ревел в очаге, освещая остатки гигантской люстры. Кроме того, чудовищная, темная скульптура все еще возвышалась в центре комнаты: восемь скелетообразных пальцев сжимали свою проклятую добычу. Призрачные тени кружили вокруг черной свечи, защищая и укрывая ее. Пламя горело как глаз полуночи.

Она должна была потушить его. Но как? Если другие умерли, просто попав в его черное свечение, превратившись в прах, то как она сумеет?

— Ни один человек не может прикоснуться к нему, — размышляла она вслух, нахмурившись. — Только те, у кого волшебная кровь, могут приблизиться к нему и остаться в живых...

Волшебная кровь. Это означает волшебников. Таких, как Елена и Гудрик...

Габриэлла открыла рот в изумлении. Как она могла забыть? Она поспешно метнулась к лестнице, туда, где по-прежнему стояла свеча Дэррика на полу возле ступенек. Ее мешок лежал там же, плоский и пустой. И все же, она внезапно вспомнила, что он был не совсем пуст. Она подобрала его, засунула руку внутрь и нашла длинный узкий предмет на самом дне. Ее сердце подпрыгнуло. Медленно она вытащила предмет и стала разглядывать его. Он

выглядел так же, как в первый раз, когда она увидела его. Это была всего лишь длинная деревянная палочка, немного сужающаяся на конце.

Гудрик не знал, каким образом Габриэлла сможет использовать ее, но он сказал, что, возможно, она окажется полезной когда-нибудь. Он предположил, что она поможет сфокусировать магию ее сигилы-сокола, сделать ее более мощной и полезной, если в этом возникнет необходимость.

Необходимость (в этом Габриэлла была совершенно уверена), в конце концов, возникла. Она уронила мешок и медленно встала, перебирая в руках палочку. Вероятно, это была безумная идея. Скорее всего, она погибнет при попытке. Но она должна была попробовать. Она решительно повернулась ко входу в большой зал и вошла в его мерцающий свет.

Гигантская рука ждала ее, тени метались и кружились. Внутри этого, горела черная свеча.

Когда Габриэлла приблизилась, она почувствовала холод. Он охлаждал металл ее доспехов, даже слегка сдувал ее волосы назад. Она остановилась рядом с металлическими пальцами, изучая их. Затем, присев и положив свою палочку на каменный пол, она начала расстегивать застёжки доспехов. Она больше в них не нуждалась, и их холод доставлял неудобство. Нагрудная пластина звякнула, когда она отложила ее в сторону, затем последовали запястники, плечевые пластины и наколенники. Ее когда-то сияющие доспехи, как она заметила, были теперь тусклыми от царапин, вмятин, даже потеков запекшейся крови. Они выполнили свою задачу.

Наконец, одетая только в штаны и тунику, она снова взяла палочку. Она надеялась, что она почувствует ее силу каким-то образом, как гарантию того, что ее план сработает, но дерево наощупь было совершенно обычным. Сигила на шее была теплой, впрочем, так же, как и всегда. Ощувив ее там, Габриэлла вздохнула. Все еще стоя на одном колене, она подняла глаза.

Епископ учил ее закрывать глаза, когда молишься, но она еще была не совсем готова к этому шагу. Вместо этого, она поглядела вверх. Летучие мыши по-прежнему кружили под потолком, издавая едва слышный писк.

— Ну, — прошептала она и слегка качнула головой, с трудом находя слова, — вот я здесь. Мои руки в крови, и мое сердце наполнено сомнениями. Я сама осуществила возмездие, вместо того, чтобы оставить это Тебе, как учит Писание. И я даже не могу сказать, что я раскаиваюсь в своих действиях. Может быть, это произойдет позже, если я удостоюсь этого. Пока, я не жалею того, что сделала. Но теперь...

Она остановилась и сделала глубокий вдох. Она чувствовала себя глупо, не потому, что она сомневалась, что Бог был там, а потому что боялась, что он не соблаговолит ее услышать. В любом случае она решила продолжить.

— Теперь... Я приступаю к задаче, которую, я не верю, что смогу осуществить самостоятельно. Мне нужна Твоя помощь и Твое благословение. Не потому, что я заслуживаю этого, но потому, что зло должно быть остановлено. Я готова умереть, попытавшись. Только, пожалуйста... если так и должно быть, не позволяй, чтобы моя смерть оказалась напрасной.

Она сжала палочку в обеих руках и опустила глаза.

— Аминь, — закончила она, нахмурившись.

Она ничего не почувствовала. Возможно, никто никогда и не чувствовал. Возможно, молитва не придавала мужества, а просто несла уверенность — уверенность в том, что все,

что должно быть сделано, будет сделано. Она поднялась на ноги, крепко держа палочку в правой руке, и вытянула ее вперед.

Очень медленно, она начала приближаться к тени гигантской руки.

Она не знала ни одного заклинания, даже не могла припомнить слова, чтобы нарисовать фигуры из дыма, которые она практиковала на уроках профессора Тофа. Она могла только надеяться, что силы палочки, вобравшей в себя мощь ее сигилы, будет достаточно, чтобы защитить ее, и в конечном итоге погасить это страшное, черное пламя.

Когда она оказалась между двух скелетообразных пальцев, ощущение холода увеличилось до почти физического присутствия, почти барьера. Она почувствовала, как его граница охватывает ее протянутую руку и распространяется дальше вверх до плеча. Однако, палочка в кулаке начала слабо светиться. Тусклый голубой свет заструился от нее, словно дымка, обволакивая кисть, затем руку и образуя своего рода ореол, охватывающий ее всю, чтобы защитить от роя теней. На сердце у Габриэллы полегчало. Она продвигалась вперед, медленно, но настойчиво, полностью входя внутрь чудовищной кисти.

Свеча перед ней стала даже еще темнее и тверже. Ее черное пламя было высокое и прямое, словно обелиск, но совершенно фальшивое. Его глубина, казалось, всасывала ее по мере приближения, и внезапно, девушка поняла, что произошло с несчастными скелетами у нее под ногами. Это единственная свеча была порочным двойником всех магических свечей, которые она знала на протяжении своей жизни. Но вместо того, чтобы подражать жизни, отражать ее, это черное пламя питалось ею. Оно поглощало жизненную силу и превращало ее в омерзительную энергию. Именно эта отвратительная сила поддерживала армии нежити и давала им жизнь. Хуже всего, Габриэлла почувствовала, что силе свечи не было предела. Она будет просто продолжать пожирать, высасывать энергию жизни у тех, кого убили армии и тем самым порождать все больше и больше адских солдат.

Жизненная сила ее отца была внутри этого пламени. Не его душа, но то, что связывало его с этим миром и давало его телу дыхание. И жизненная сила Дэррика тоже. И, возможно, что было ужаснее всего, даже Маленького принца.

Габриэлла приблизилась, вытянув вперед палочку. Давление ледяного, темного щита сопротивлялось ей, пытаясь помешать, но она не дрогнула. Ее кулак дрожал, поднося кончик палочки все ближе и ближе к черному пламени. Голубое сияние обрушилось на нее, будто взорвалось беззвучной, магической вспышкой. Ее волосы откинуло назад, и даже ее одежда слегка заколыхалась под влиянием безмолвной силы.

Тени закружились быстрее, облепляя свечу, словно для ее защиты. Давление стало почти невозможно преодолеть, и все же она продолжала, ее рука вибрировала, двигаясь против силы, неумолимо толкая палочку к пламени свечи. Кончик палочки ярко вспыхнул, и Габриэлла почувствовала, что сигила на ее шее отозвалась в ответ, становясь невыносимо горячей вместе с теплой.

Черное пламя замерцало, отступая от надвигающегося сияния палочки. Началась война между светом и тьмой. Ни один не мог вынести другого; один должен стать победителем, а другой должен быть уничтожен. Свеча задрожала, ее пламя стало неровным, грозило вот-вот потухнуть.

Из кружащихся теней что-то стремглав вылетело. Габриэлла едва заметила его, прежде чем оно набросилось, обрушиваясь на ее протянутый кулак шквалом кожистых крыльев. Это была летучая мышь, ее крошечные зубы заскрежетали, ее когти впились в плоть руки, оставив глубокие раны. Габриэлла закричала от шока и боли. Ее рука невольно разжалась, и

палочка выскочила из ее пальцев, рассыпая голубые искры. Защитный ореол вокруг нее исчез, и она почувствовала, как ее отбросило от черной свечи, швырнуло словно тряпичную куклу во время бури.

Она упала на каменный пол и покатилась, оставляя за собой кровавые следы от израненной руки. Сломанное предплечье взорвалось ослепительной болью, когда она приземлилась на него. В попытке встать на колени, ошеломленная Габриэлла оглянулась назад на кружащуюся тьму.

Черная свеча все еще горела внутри. И тут средидвигающихся теней появилась летучая мышь, выпорхнула из сплетения пальцев и ринулась к ней. Однако, подлетая ближе, она стала меняться. Она разбухла и искривилась в воздухе, принимая безобразную форму, затем приземлилась перед ней, расширяясь и увеличиваясь, безошибочно принимая вид мускулистой человеческой фигуры. Одно мгновение черты лица еще напоминали летучую мышь, а затем, в конце концов, они исчезли. Перед ней стоял мужчина в черной мантии. Его голова была лысой, а черты лица были резкими, полными мрачности и холодной уверенности. Он смотрел на нее, как она стояла на коленях, а с ее рук стекали ручейки крови.

— Прошу прощения, Королева, — холодно произнес человек, — но ничто не вызывает у меня большего отвращения, чем вид палочки в руке простого человека. И женщины при этом.

Габриэлла была слишком изумлена, чтобы говорить. Она прижала свою кисть к груди, придерживая ее левой сломанной рукой.

— До сих пор мне приносило удовольствие наблюдать за твоими действиями, — заметил он, отворачиваясь от нее и подходя к огню, — но боюсь, я не мог позволить тебе угрожать моему величайшему триумфу. Я слишком долго и упорно работал над ним, используя средства, которые тебе не дано постичь. Это стоило мне многого, как времени, так и усилий, но все, что ты сумела придумать, это уничтожить его. Это лишь одна из причин, почему я так сильно ненавижу твой род.

Габриэлла отодвинулась назад, когда он прошел мимо нее.

— Я собиралась уничтожить его, — бросила она, — потому что это зло. Как и вы, в этом я совершенно уверена.

— Слово «зло» — удобное слово, которое используют заблуждающиеся существа, чтобы осудить то, чего они не понимают, — сказал он, останавливаясь перед очагом и поворачиваясь спиной к нему, словно для того, чтобы согреться. Ленивым движением он достал из своей мантии черную палочку, направил перед собой и взмахнул.

Габриэлла ахнула от изумления, когда разрушенная люстра позади нее подпрыгнула в воздух, с шумом волоча свои цепи и увлекая за собой свечи. Она снова расположилась высоко под потолком, а ее свечи сами уселись на свои места, а затем с серией шипящих хлопков снова зажглись.

— Видишь? — сказал мужчина таким тоном, словно она была его учеником, и он ее учителем. — Я пришел не для того, чтобы уничтожать, как делаешь ты, но восстанавливать... создавать...

— Можете сколько угодно себя обманывать, — сказала Габриэлла, поднимаясь на ноги. — Но я испытала ваши методы на личном опыте. Ваши солдаты — порождение смерти. Вы ничего не создаете. Все, что вы умеете, это извращать.

Человек холодно улыбнулся, по-прежнему не выпуская палочки из рук.

— Я взял то, что было мертво, то, что было отвержено, не годилось ни для чего, кроме как средство существования червей, и вернул его обратно к жизни. Я признаю, в настоящее время, они возможно несколько грубоваты, королева, но для совершенствования необходимо время.

Он глубоко вздохнул и продолжил дальше.

— На протяжении многих лет я трудился над своими творениями, используя и проверяя, готовя их к этому дню. Сейчас они представляют собой лишь тени, но вскоре они достигнут совершенства. Когда это произойдет, им не потребуются горы мертвой плоти, только лишь кровь, которая, в умеренных количествах, даже не потребует смерти хозяина. Я даже, — добавил он, наклонив заговорщицки голову, — придал некоторым из них способность превращаться в летучих мышей. В честь меня, их создателя.

Наконец, его улыбка исчезла, и он поднял подбородок.

— Ты можешь называть это извращением. Я называю это высшее выражение творения. После всех этих лет, я наконец-то... наконец-то, нашел применение мертвым людям.

От утонченной ненависти этого человека несло холодом. Она отступила немного в сторону от него.

— Кто-то остановит вас, — прошептала она. — Если не я, то кто-то из вашего собственного рода. Поскольку я знаю, кто вы есть. Вы волшебник. И не все волшебники похожи на вас. Некоторые из них добрые. Они выступят против вас.

— О, в этом я сомневаюсь, — ответил он и сделал шаг к ней, все еще держа палочку. — Видишь ли, я самый могущественный из всех волшебников. Я добился преданности волшебников со схожими взглядами, волшебников, которые образуют непрерывную цепь силы. Мой Круг Девяти, как я их называю. Даже сейчас они продвигаются через отдаленные уголки земли, ведя свои собственные темные армии по моему приказу, завоеывая все на своем пути. Ничто не устоит против меня, ни человек, ни мой собственный магический род, даже если они по глупости решат противостоять мне. Королевства людей, наконец, будут стерты с лица земли. Волшебники займут свое законное место в качестве повелителей всего. И я отчасти благодарен тебе за это, королева.

Габриэлла сузила глаза, глядя на него, когда он стал медленно подходить к ней.

— Что вы имеете в виду? — выдохнула она, гнев поднялся в ней даже сквозь страх.

— Ты до сих пор не знаешь, кто я на самом деле, не так ли? — тихо спросил он, и небольшая усмешка тронула его губы. — Я несколько удивлен. Я было решил, что ты довольно умна для человека.

Габриэлла покачала головой.

— Если бы я встретила чудовище вроде вас, я бы запомнила.

— Увы, — прошипел мужчина, приблизившись с ней, — мы не встречались. Но наши пути действительно пересекались, и очень значимо. Ну, я осмелюсь сказать, если бы не я, королева... тебя не было бы в живых, и ты не стояла бы здесь со мной в эту ночь.

Глаза Габриэллы медленно распахнулись. Она подняла свою окровавленную руку, коснувшись пальцами подвески на своем горле.

— Да, — продолжил мужчина, кружа вокруг нее. — Это был я. Мои товарищи были со мной в ту ночь, когда ты была еще маленьким ребенком, но именно я вошел в твой заснеженный дом. Это с моей помощью вторгшийся оборотень был изгнан. И это по своей воле я оставил свой знак, чтобы твои люди нашли его. Я не знал тогда, какую пользу он принесет, но у меня было предчувствие. Ты не знаешь меня, Королева, но я когда-то спас

твою юную жизнь. И с тех пор я наблюдаю за тобой. Смутно, да, едва угадывая сквозь призрачную дымку, передаваемую с помощью магии моего знака, но я наблюдал. И с величайшим интересом.

— Но зачем? — выдавила Габриэлла, удивление и ужас смешались внутри нее.

— Потому что я тщательно выбираю свои инструменты, — с гордостью объявил мужчина, двигаясь вокруг нее и верча в руке палочку. — Я выбрал Меродаха, когда он был совсем молодым, потому что я признавал его полезность. Но я также знал, что его время когда-нибудь придет к концу. Когда он сослужил свою службу, он должен был быть уничтожен. Я мог бы сделать это сам, конечно, но таким способом... используя тебя... было намного... элегантнее.

Колени Габриэллы подогнулись, когда осознание переполнило ее. Этот монстр спланировал все. Она, Габриэлла, осуждала Меродаха за то, что он выполнял грязную работу для этого чудовища, а теперь она сама сделала то же самое. Она совершила убийство по его воле, даже не зная об этом. Он использовал ее, в конечном счете, как марионетку.

— Не будь слишком строга к себе, королева, — сказал волшебник, снова двигаясь вокруг нее. — Это вполне естественно желать смерти тому, кто разрушил твою любовь. Но если бы не моя магия, тебе никогда бы не удалось. Полагаю, ты считала, что магия сигилы была твоей собственной, но конечно же, сейчас ты видишь, как глупо было в это верить. Допустим, ты временно обладала ей, и она даже каким-то образом привыкла к тебе, но позволь мне заверить тебя... ее магия никогда не забывала меня, ее истинного хозяина.

Он оглядел девушку сверху вниз, прищурился, глаза, она старалась не встречаться с ним взглядом.

— И вот, ты стоишь здесь, — мрачно размышлял он, — последняя королева последнего истинного королевства людей... — Он покрутил свою черную палочку, а Габриэлла наблюдала за ней с безнадежным видом.

— Не бойся, — сказал он успокаивающе, поднимая свою палочку, — я потратил слишком много магии на таких, как ты...

Он засунул палочку обратно под мантию. Когда он вытащил руку, из его кулака торчал длинный, изогнутый кинжал. Он нанес удар.

Габриэлла почувствовала, как лезвие по рукоять вошло в ее бок и была поначалу слишком ошеломлена, чтобы ответить. Ее глаза распахнулись, безучастно глядя в темноту черной свечи. Боли не было, просто ощущение, что силы ее покидают. Горячая жидкость заструилась по ее боку, промачивая тунику и капая на пол у ее ног. Волшебник угрюмо изучал ее лицо, его нос находился едва ли в шести дюймах от нее. Затем, с рывком, он вытащил кинжал из ее ребер.

Габриэлла опустилась на колени, так как слабость накрыла ее. Она смотрела, потрясенная, как над ней нависла темная фигура с лезвием в правой руке, с которого капала ее кровь.

— Время пришло, — заявил он тихим, беспощадным голосом. — С твоей смертью я взойду на трон, неоспоримо и окончательно.

Габриэлла попробовала сделать вдох. Вспыхнула боль, и она повалилась на бок на холодный каменный пол. Враг постоял над ней. Затем слегка наклонился, протянул руку и коснулся ее шеи. Она попыталась оттолкнуть его, но не смогла справиться с силами. Он подержал в руке сигилу с соколом, а затем, почти с любовью, снял с ее шеи. Он отступил от Габриэллы, с интересом наблюдая, как она истекает кровью перед ним. Он поднял подвеску,

чтобы надеть на свою собственную шею. Как только он сделал это, Габриэлла увидела, что другая половинка, дракон со сверкающим зеленым глазом, уже висит там. Половинка Дэррика из их королевского свадебного подарка. Конечно же, Меродах отдал ее ему, украв с тела ее мертвого мужа.

— А теперь, — объявил враг, соединяя сокола с его половиной, — как знак моего триумфа, магия, которая сопровождала тебя, возвращается ко мне, ее окончательному хозяину. То, что ты считала символом вашей любви, воссоединилось на моей шее, вернувшись к своей первоначальной форме. Умри с отчаяньем, зная это, королева...

Под острым подбородком волшебника сокол и дракон соприкоснулись. Возникла вспышка зеленого света, и половинки со щелчком сомкнулись вместе, как два магнита. Изумрудные глаза засветились.

Габриэлла упала на спину, бессмысленно прижимая руку к кровоточащей ране. Она услышала, как волшебник отвернулся от нее, чтобы уйти.

Неожиданно он издал тонкое шипение. Его шаги остановились.

Габриэлла с усилием приоткрыла глаза. Темная фигура находилась спиной к ней, напротив камина. Он смахнул что-то со своей мантии, а затем потряс рукой. Взгляд Габриэллы скользнул на пол к ногам волшебника. Небольшой паучок спешил прочь от того места, где он упал. Волшебник спокойно поднял ногу и наступил на него.

Еще один паук выскользнул из полумрака, отбрасывая длинную тень в свете камина, и исчез под мантией волшебника. Через мгновение он дернулся и зашипел от боли. Множество крошечных фигур устремились отовсюду, безмолвно направляясь к облаченной в мантию фигуре.

— Убирайтесь в свои щели, ползучие твари, — прохрипел волшебник. Он вытащил палочку, но пауки не обратили на это внимания. Крошечная вспышка — волшебник произнес заклинание. Несколько пауков шлепнулись на пол, дергая ногами. Вдоль камина метнулась тень побольше. Габриэлла увидела ее и вздрогнула, несмотря на боль. Это была толстая, мерзкая крыса. Она обежала вокруг волшебника, а затем стремглав бросилась в его сторону.

— А-а! — закричал он, отпрыгивая назад. Из пальца на ноге шла кровь. Он развернулся, выстрелил зеленой вспышкой в крысу, но она увернулась. Она покружила вокруг стула, а затем снова атаковала.

А твари все прибывали и прибывали. С потолка сыпались пауки, спускаясь на своих паутинках, волшебник едва успевал поворачиваться и отбиваться от них. Из темных углов хлынул поток крыс и мышей, кружась вокруг ног человека, а затем с громким писком взбираясь вверх по его одежде.

— Что это такое? — сердито вопрошал волшебник, топча ногами и размахивая руками, когда существа обрушились на него. — Как вы смеете..?! — Струи зеленого света брызгали во все стороны, волшебник таким образом пытался подавить восстание ползучих тварей. Однако, это было бесполезно, поскольку число нападавших, казалось, растет с каждым мгновением. Он пятился от них, яростно стряхивая с одежды.

Внезапно Габриэлла услышала откуда-то снизу приглушенный рев. До нее донесся глухой удар, треск ломающегося дерева. Затем, несколько секунд спустя, на лестнице раздался разъяренный царапающий звук.

Поток всевозможных существ наводнил комнату. Во главе его, скрежеща злобно зубами, бежал толстый, серый еж. Он заметил корчавшегося волшебника, зафырчал и прыгнул

вперед. Тот увидел его приближение и повернулся к нему, поднимая палочку. Яркий зеленый свет, и еж отлетел назад, умерев в воздухе. Однако, еще дюжина существ заняла его место: глаза, сверкающие в свете камина, распахнутые челюсти и раздвинутые в рычании губы. Там были белки и опоссумы, барсуки и лисы, бобры и дикие собаки. Змеи просачивались через щели бойниц, падая на пол извивающимися кольцами и проворно скользя к своей жертве. Огромный серый волк сиганул через двойные двери прямо на один из чертежных столов. Он взглядом отыскал волшебника и обнажил свои желтые клыки с яростным рычанием. Царапнув когтями, он взмыл облаком серого меха и опустил на спину мужчины, вынуждая того упасть на колени.

Вспышки зеленого света сыпались направо и налево, а возгласы волшебника переросли в крики ярости. Он отбивался от зверей ногами и руками, бросая заклятья во все, что находилось в поле зрения.

И тут в самом разгаре битвы раздался гул, от которого содрогнулся весь зал. С потолка посыпались пыль и песок. Предметы с грохотом попадали со столов. Габриэлла наблюдала со странным спокойствием, как волшебник вскочил на ноги со встревоженным взглядом. Его лицо было сплошь покрыто царапинами. Он дико озирался вокруг.

Снова по залу прокатился гул, и, наконец, мелкие существа кинулись врассыпную, освобождая путь для вновь прибывшего. Волшебник развернулся на месте, размахивая палочкой.

Чудовищный взрыв разорвал стену крепости позади него, уничтожая камин. Кирпичи и камни полетели через всю комнату, разрушая мебель и хороня под собой небольшую сцену с ее заколдованными музыкальными инструментами. Пыль наполнила воздух. Когда, наконец, прояснилось, в темноте зажглась пара огромных, оранжевых глаз.

Волшебник увидел это и стал пятиться, поднимая палочку.

Огромная, чешуйчатая голова просунулась через разбитую стену. За ней последовала длинная, змеиная шея, а затем массивные, когтистые лапы. Полосы разорванной сети все еще свисали с существа. Зверь, казалось, стал еще больше, когда протиснулся в зал целиком, отбрасывая тень во всю комнату. Без особых усилий он оттолкнул остатки камина. Затем издал глубокий, яростный рык.

Волшебник выстрелил в него из палочки, но зеленые вспышки просто взрывались, не причиняя ему никакого вреда. Дракон прошагал вперед, выдыхая дым сквозь ноздри и бешено скрипя челюстью. Его глаза неотрывно следили за волшебником. Он пригнулся, словно готовясь к прыжку.

Волшебник преобразился. Габриэлла видела со своего места, где она лежала в собственной крови, умирая и не имея сил, чтобы двигаться. Он стремительно стал уменьшаться, выпуская крылья. Дракон ринулся вперед. Он помчался сквозь темноту, отбрасывая люстру в сторону и тяжело громя по полу. Его огромный хвост поднял в воздух брызги мусора, но волшебника уже не было там. Вместо него вспорхнула вверх с сердитым визгом небольшая, крылатая фигура, направляясь к облаку летучих мышей, которые все еще кружили под потолком комнаты. Дракон заметил это и резко выбросил голову, щелкнув челюстями, но безрезультатно. Летучих мышей было слишком много. Невозможно было узнать, которая из них была замаскированным злодеем.

Внезапно через рарушенные остатки стены влетела еще одна фигура. Габриэлла узнала ее и слабо улыбнулась.

— Перышко, — выдохнула она.

Сокол описал дугу в воздухе, минуя вытянутую шею дракона и нацеливаясь на одну из кружащихся летучих мышей. Через мгновение две фигуры бешено замелькали по комнате, яростно клекоча и пища. Наконец, Перышко выпустил когти, сделал рывок и поймал летучую мышь.

Мерзкое существо вновь стало трансформироваться в воздухе. Перышко, казалось, почувствовал это. Он понес вырывающуюся мышь выше и выше прямо к балкам на потолке несмотря на то, что она вздувалась и извивалась в его когтях. Достигнув самой вершины, Перышко повернулся, хлопнул крыльями и изо всех сил, решительно дернул когтями свою добычу. Летучее существо было разорвано на две части. Черные внутренности разлетелись во все стороны и со шлепкой обрушились на пол. Взмахнув крыльями, Перышко выпустил разорванное тело. Куски упали вниз, все еще дергаясь и изменяя форму, и тут дракон рванул вверх еще раз.

Габриэлла зажмурилась, поскольку вся комната наполнилась потоком голубого света. Рев дракона звучал оглушительно в замкнутом пространстве, и жара его дыхания подняла температуру до почти невыносимого уровня. Через некоторое время снова опустилась темнота, вместе с внезапной, неожиданной тишиной.

Когда Габриэлла подняла голову, от волшебника не осталось ничего, кроме облачка черного дыма и сыпавшейся золы. Дракон молча наблюдал за этим, сузив свои оранжевые глаза. Перышко восседал на одной из потолочных балок и смотрел сверху вниз, помигивая золотыми ободками глаз.

Послышался звонкий удар, как будто что-то упало перед Габриэлой на каменный пол. Она увидела, что это, но была слишком слаба, даже чтобы протянуть руку.

Две подвески с соколом и драконом блеснули при свете догорающих углей. Их изумрудные глаза больше не светились, но магия еще не покинула их. Габриэлла чувствовала это.

Дракон медленно и осторожно двинулся к ней. Его громадная голова склонилась над ней и поддела ее, словно для того, чтобы помочь ей подняться. Как всегда, его чешуйчатая кожа была горячей на ощупь.

— Нет, — прошептала Габриэлла. — Больше никаких полетов. Все кончилось.

Перышко приземлился с другой стороны. Он подпрыгнул ближе и взъерошил крылья.

— Спасибо, друзья мои, но все закончено. Больше ничего... ничего...

Она запнулась. Тихо, спокойно моргнула. Была, по сути, еще одна вещь. Собрав последние силы, она приподнялась на локтях. Чернота запульсировала в глазах, когда кровь отхлынула от нее, но она заставила себя задержаться немного дольше. Она посмотрела сквозь разрушенный зал, и ее взгляд остановился на уродливой статуе из металла. Она была нетронутой, несмотря на разруху, постигшую это место. Восемь скелетообразных пальцев все еще сжимали облако скользящих теней и заклятую, черную свечу.

— Ни один человек не может приблизиться к ней... и остаться в живых, — слабым голосом прошептала Габриэлла. — Но ни один из вас... не является человеком.

И дракон, и Перышко проследовали за ее взглядом. Шея дракона зловеще скрипнула, поворачиваясь мордой к омерзительной скульптуре. Перышко рапушил перья и тревожно захлопал крыльями.

Габриэлла почувствовала, как ее силы убывают. Темнота напозала на нее с каждым замедляющимся биением сердца.

Дракон двинулся первым. Он зашагал прочь, приближаясь к скульптуре, а затем

повернулся к ней задом. Его огромный, мускулистый хвост качнулся назад, скользя по полу. Затем с рычанием дракон поднял его и хлестнул по металлической руке. Два пальца обрушились внутрь при первом же ударе. Кровь хлынула из драконего хвоста там, где металл порезал его, однако, он не остановился. Он принял удобное положение и снова взмахнул хвостом, ударив еще раз по черной фигуре. Еще два пальца разбились, и кружащиеся тени выплыли наружу, рассеиваясь в воздухе комнаты. Лишенный своей защитной клетки, силовой щит ослабел.

Дракон еще раз нанес удар. На этот раз все пальцы были сломаны. Из раненого хвоста лилась кровь, но работа была сделана. Он шагнул назад, наблюдая, как мчащиеся тени оторвались друг от друга, разлетелись в разные стороны, теряя свою цель.

Потом наступил черед сокола. Он взмыл вверх в темноту и ринулся на оставшийся щит черной свечи. Медленно взмахивая крыльями, он стал погружаться в темное облако. Оно лихорадочно обступило его, оживившись, но оно было слишком мало и не могло в полной мере удержать сокола. Перышко храбро сражался против его силы, опускаясь в самую гущу вьющихся теней. От взмаха крыльев пламя свечи зашевелилось. Сокол, изо всех сил стараясь удержать равновесие в движущемся воздухе, выпустил когти, приближаясь ближе и ближе...

Щит из теней стал уплотняться вокруг Перышка и свечи, вращаясь на бешеной скорости, но птица не сдавалась. Черное пламя запрыгало и задрожало, сопротивляясь непрекращаемому натиску крыльев. Протяжный вой наполнил воздух, увеличиваясь в силе и громкости. Когти схватили свечу. Пламя усилилось, превращаясь в клокочущий, черный очаг.

А потом все исчезло в тихом, ледяном взрыве. Зал затрясся и загрохотал. Остатки свечи вспыхнули зеленым на один яркий момент, а затем погрузились в темноту. Хор криков пронесся через пространство, как будто тысячи замученных души были выпущены из плена и вернулись обратно в бездну вечности.

И вот, наконец, наступила тишина.

Габриэлла видела все это и не чувствовала ничего, кроме облегчения. Меркнувшим взором она оглядела темный зал. Не было никакого движения. Ни дракона, ни Перышка, казалось, больше там не было. Чудовищная рука была уничтожена, лишенная своих кружащихся теней. Свеча стояла потухшая, оплавившаяся и мертвая.

Волшебника больше не существовало. Его силы были уничтожены.

Со слабым стоном Габриэлла перевалилась на бок, чувствуя под собой липкую лужу собственной крови. Ее рука весила будто мельничный жернов, когда она подняла ее, протягивая к сигилам. Она не смогла дотянуться. Вместо этого ее рука ухватилась за другой валявшийся предмет. Это была волшебная палочка, подарок волшебника Гудрика. Она слабо сжала ее, издавая стон, слишком уставшая, чтобы двигаться снова.

А затем, блаженно и окончательно опустилась тьма, и она отдалась ей.

Глаза королевы закрылись, и она больше ничего не чувствовала.

Незадолго до заката Язим и Томас поднялись на холм и увидели внизу крошечную деревушку. С одной стороны деревня была окружена густым лесом. По другую сторону высились отвесные гранитные скалы с торчащими кое-где выступами и прерываемые лентой падающей воды. Водопад был настолько высок, что превращался в туман к тому времени, когда он достигал пределов деревенских крыш.

Путешественники остановились на вершине узкой тропы, осматривая открывшийся перед ними вид.

— Ты знал, что здесь что-то есть, — сказал Томас, немного осуждающе.

— Я не знал, клянусь, — спокойно ответил Язим. — Но я уже давно хотел проверить.

Томас нахмурился, покосившись на своего друга.

— Зачем?

Язим пожал неопределенно плечами. Вместе они пришпорили лошадей и стали спускаться в тень деревьев, приближаясь к деревне. Крыши домов пылали от яркого света заходящего солнца. В центре стояла небольшая каменная церковь, ее плоская колокольня возвышалась над другими строениями.

Томас вздохнул.

— Кажется, ты сказал, что не знаешь, чем закончилась история принцессы.

Язим кивнул.

— Я действительно так сказал. Это правда.

— Прости, — заметил Томас, покачав головой, — но звучало так, будто она закончилась.

— Это, мой друг, из-за того, что у тебя не хватает воображения. В этом смысле ты похож на своего тезку. Ты сомневаешься в истории в целом.

Томас принял это как комплимент.

— Я вижу вещи такими, какие они есть, если ты это имеешь в виду. Мы живем в совершенно другом веке, чем принцесса Габриэлла. Мы не можем просто склонить колени и помолиться, чтобы преодолеть явное зло. В наше время гораздо меньше черного и белого. Только тысячи оттенков серого.

— Да, так принято считать, — признал Язим.

— Тогда в чем состоит великая тайна? Какой части легенды о принцессе мне не хватает?

Язим молчал довольно долго. Заходящее солнце пропускало янтарные лучи сквозь деревья, отбрасывая неровные тени на дорогу. Наконец, он произнес:

— Взять, к примеру, армии вампиров...

Томас улыбнулся и покачал головой:

— Чья-то буйная фантазия. Ну же, Язим. Даже если ты веришь, что у истории был продолжение, ты ведь не веришь в эту деталь?

Язим ответил с улыбкой.

— Может быть, — вздохнул он. — Говорят, что в те дни было действительно много армий негодяев, а не только та, что захватила и разрушила Камелот. Однако, в легендах говорится, что ни одной из них не удалось добиться успеха. Все они, по причинам, которых никто не знает, просто остановились на своем пути. Судя по некоторым историям, огромные

количества солдат просто упали замертво. Так они и остались лежать рядами и подразделениями, гния на безымянных холмах и полях.

Томас все еще криво улыбался.

— Какой простор для воображения, Язим. Должен признать это.

— Ты прав, — кивнул Язим. — Многие рассказывают подобные сказки даже сегодня. Они говорят, что остатки нежити все еще существуют до сих пор. Некоторые из вампиров, как они утверждают, не обязаны своей жизнью черной свече. Это были более ранние темные творения волшебника, и они живут до сих пор, обратившись в тени и выходя на охоту по ночам, заражая добычу своим ужасным проклятием. — Язим слегка рассмеялся. — Такие сказки действительно хороши для полуночных посиделок, — закончил он, обращаясь к своему другу, — не так ли?

Томас моргнул, а затем покачал головой и закатил глаза.

Язим продолжил:

— Тогда, конечно, остается вопрос о Маленьком принце.

— Но принц был убит, — напомнил ему Томас неохотно. — Меродах направил свои силы в оба тайных укрытия. Поверила ли Сигрид предупреждению принцессы или нет, она столкнулась бы с убийцами в любом случае. Ты же не предполагаешь, что она могла бы отбиться от злодеев?

Язим покачал головой.

— Да, я слышал и такое. Некоторые говорят, что Сигрид была сама воином в юности и была изворотлива как змея. И с ней был Трейнор. Предполагают, что они возможно сумели защитить мальчика вместе.

— Но ты в это не веришь, — заметил Томас тихим голосом, склонив голову.

Язим вздохнул.

— Да, признаю, я не верю. Но есть и другие догадки, другие возможности. Гораздо проще предположить худшее, конечно, и все же некоторые из нас до сих пор отказываются оставить всякую надежду на хорошее. Как сказал муж принцессы, верить всегда нелегко.

— Но это лучше, чем не верить, — закончил иронично Томас. — Ты прав. Многие не согласятся с этим, ты знаешь. Возможно, я один из них.

Они ехали молча, спускаясь в устье долины. По мере того как дорога выравнивалась, деревья слева начали редеть. Томас покосился на заросли кустарников и высокой травы и увидел блеск небольшого лесного озера. Солнце отсвечивало от него как расплавленное золото, ослепляя глаза. Он прищурился. Что-то стояло вдалеке, на противоположной стороне озера, лицом к нему. Это был маленький каменный домик, едва видимый сквозь сияние солнца. Строение заросло, утонуло в дикой траве и плюще, но было не полностью скрыто от глаз. Вверху него торчал древний, сломанный флюгер.

Эта сцена напоминала Томасу о чем-то. Он нахмурился, подумав, а потом вспомнил. Часть рассказа Язима, та самая, где профессор Тоф рассказывал историю о смерти королевы и полуночном побеге Габриэллы. Когда все закончилось, король безуспешно искал свою дочь. Тогда Тоф сказал Габриэлле: «На двенадцатый день Ваш отец вспомнил о маленьком охотничьем домике на берегу озера, куда его собственный отец, король Вильгельм Ксавьер Второй иногда брал его в детстве...»

Именно там юная принцесса и ее бабушка спрятались. Именно там они встретились с коварным оборотнем и были спасены благодаря скрытому вмешательству волшебного народа: Мерлина, Гудрика, Елены и их двоих товарищей, один из которых превратился в

злодея десять лет спустя... и вероятно, был злодей даже тогда, хотя и тайно.

— Язим, — сказал Томас, по-прежнему вглядываясь сквозь кусты на сверкающее озеро и далекий забытый домик. — Ты видишь...?

Но как раз тогда снова сгустившиеся деревья отрезали всякий вид.

— Что? — спросил Язим, следуя за взглядом своего друга.

Томас прищурился, пытаясь разглядеть сквозь деревья, но смог увидеть только блеск мерцающей воды. Он слегка качнул головой.

— Ничего...

Он задумался. Язим говорил, что няня Сигрид была воином в своей юности. Она была умна и, возможно, даже имела частичку магии в крови. Если бы она действительно поверила предупреждениям принцессы, она бы не просто укрылась в другой крепости. Она бы поняла, что все королевские крепости были потенциальными ловушками. Она бы увезла ребенка куда-нибудь в совершенно другое место, о котором никто никогда не узнал бы или не подозревал.

Никто, за исключением, возможно, самой принцессы.

«... Небольшой охотничий домик на берегу озера... отдаленный, практически забытый всеми...»

Томас улыбнулся про себя. Возможно, это было глупо и нелепо предполагать — такая заманчивая возможность, что Сигрид и Трейнор пренебрегли крепостями короля и вместо этого сбежали вместе с маленьким принцем в тайный охотничий домик — но это была слишком соблазнительная мысль, чтобы ее отвергнуть. Тут Язим был прав. Вспыхнувший проблеск надежды, веры в добро, от которого было очень сложно отказаться.

Томас подумал о том, чтобы сообщить Язиму о своем подозрении. Он расскажет ему, в конце концов. Сейчас, однако, он наслаждался тишиной и дразнящей надеждой своего возникшего подозрения.

Достаточно скоро перед ними открылась деревня. Несколько крестьян мирно двигались по улицам, поглядывая на двух всадников, въезжающих в город. Томас кивнул им с улыбкой. К тому времени, когда они достигли каменной церкви, солнце стало сияющим оранжевым очагом, повисшим между лесом и скалами. Его свет ярко сиял на колокольне и отражался от медных колоколов внутри башни.

Мужчины ударили в дверной молоток, висевший на двойной двери, но никто не ответил.

— Может, они обедают, — предположил Язим, поворачиваясь спиной к ступеням. — Давай проверим задний вход, если он есть.

Томас последовал за своим другом по узкой тропинке, которая вела между церковной стеной и заросшим садом. Церковный двор позади был совсем маленький, уже наполовину затененный ближайшей горой. Крошечное кладбище, окруженное покосившимся железным забором, занимало почти весь двор. Язим обогнул его, приблизившись к небольшому флигелю, предположительно дому пастора. Он постучал в деревянную дверь.

Томас остановился у ворот кладбища. Отсюда, шум горного водопада звучал как глухой рев. Он находился совсем близко, над крышами, роняя тяжелый туман в какой-то невидимый водоем. Множественные радуги танцевали на поверхности падающей воды, и каждая капля сверкала, как бриллиант в медном закате солнца. Томас медленно побрел по кладбищу, поглядывая по сторонам.

Язим протянул руку, чтобы снова постучать в дверь пасторского домика, но прежде, чем

он сделал это, дверь распахнулась. Худощавый человек с короткой белой бородкой вышел к нему, рассеянно улыбаясь. По его одежде и манере поведения Язим мог сказать, что этот человек был церковный викарий.

— Приветствую тебя, сын мой, — сказал старик тонким голосом. — Чем могу помочь тебе?

— Мой друг и я путешествуем по делам Королевства Аахен, частью которого, по-видимому, является и ваша деревня. Мы можем войти?

— Конечно же, сын мой, — легко согласился викарий. — Да, я слышал об этом вашем королевстве. Я надеюсь, вы сообщите мне, какую выгоду мы сможем получить от этого. И, конечно же, чем мы можем быть полезны для него.

Язим устало кивнул, а затем повернул голову и позвал через плечо.

— Томас, ты не присоединишься к нам?

Рыжеволосый мужчина стоял неподвижно посреди крошечного кладбища, слегка склонив голову. Он не отвечал.

— Томас? — снова позвал Язим.

Томас наконец оглянулся. Язим увидел, что лицо его друга было необыкновенно бледным, а глаза широко раскрыты.

— Тебе... — с трудом выговорил Томас, — тебе... следовало бы взглянуть на это.

Язим нахмурился. Вместе, он и викарий спустились с небольшого крыльца и направились в центр кладбища, подходя к Томасу. Язим проследил за его взглядом.

Надгробная плита была довольно большой, но лежала вровень с землей, так что ее поверхность всегда была освещена. Полустертые слова все еще можно было разобрать в свете опускающегося солнца.

Язим прочитал надпись. Его глаза медленно расширились...

Сигрид сидела в тени открытой двери дома, вылушивая зеленые бобы в большую миску и приглядывая одним глазом за Маленьким принцем. Он уже ходил, хотя и неуверенно, часто падая и внезапно садясь. Он старательно двигался по высокой траве во дворе, тянулся за бабочками и моргал по-совиному, глядя на облака.

Она, Сигрид, всегда хотела ребенка. Принцесса была права в этом. Однако, правда заключалась в том, что Маленький принц никогда не будет по-настоящему ее, даже если она будет воспитывать его всю свою жизнь. Она любила его так, как если бы он был ее собственным сыном, но он не был, и в конце концов, он должен будет узнать правду. Она надеялась, что знание этого не разобьет ему сердце. Она надеялась, что он несмотря ни на что вырастет в благородного, сильного сердцем человека, что она чувствовала в нем уже сейчас, скрытое в этих серьезных, голубых глазах.

Это, без сомнения, были глаза Дэррика. Даже принцесса, его мать, заметила это. Но остальные его черты, от высокого лба до изгиба губ, были Габриэлла. Он засеменял к палисаднику, осторожно пробираясь по траве. Кузнечики прыгали перед ним в разные

стороны, и он от удивления раскрывал рот.

В открытом дверном проеме появилась фигура.

— Он растет быстрее, чем сорная трава, — сказал мужчина, проводя рукавом по лбу.

— Ну еще бы не расти Маленькому принцу! — ответила лукаво Сигрид, не поднимая глаз от миски. — Оленина и кролик три раза в неделю сделают это с любимым ребенком.

Мужчина улыбнулся и закатил глаза.

— Только ты, Сигрид, можешь превратить мое умение стрелять из лука в сомнительный комплимент.

Сигрид вздохнула и бросила охапку стеблей фасоли в кусты.

— Ты потратил столько лет в дворцовом карауле, Трейнор, когда твое истинное призвание быть охотником.

Трейнор вышел на крыльцо, сел на край и стянул перчатки.

— Ты по-прежнему называешь его Маленьким принцем иногда, — тихо заметил он, — что ты скажешь об этом?

Сигрид знала. Это прозвище выскальзывало регулярно, даже при том, что у мальчика теперь было имя. Ей не хотелось забывать его истинное происхождение, несмотря на опасность.

Трейнор продолжил.

— Его имя достаточно благородное, даже если никто никогда не узнает о его королевской крови. Семья Дэррика была известной, даже если их ремесло было обыкновенным.

— Ни одно ремесло не бывает обыкновенным, — слабо улыбнулась Сигрид. — Даже если это кузнец.

Трейнор кивнул.

— Как ты права, моя дорогая.

Он поднял подбородок и позвал:

— Джеймс! Иди сюда, мальчик. Я принес кролика. Ты мне не поможешь?

Мальчик широко улыбнулся, попытался бежать, но шлепнулся на четвереньки на траву. Снова поднялся с невозмутимым видом и направился в сторону двери.

— Ничто не остановит этого мальчишку, — ласково усмехнулся Трейнор. — Если он не пожелает того.

Сигрид задумчиво кивнула. Вместе они наблюдали, как юный принц приближается. Когда он подошел ближе, Трейнор встал на ноги, сделал шаг вперед и подхватил мальчика на руки. Джеймс счастливо хихикнул и прижался к широкой шее мужчины. Они повернулись к дому.

— Трейнор, — вдруг сказала Сигрид, и тон ее голоса заставил его остановиться. Он посмотрел в ее сторону, увидел любопытство и настороженность на ее лице, когда она смотрела куда-то позади двора.

— Что там? — спросил он, тоже внезапно насторожившись.

— Там что-то движется, — ответила она.

Трейнор оглянулся, все еще держа мальчика в своих руках. Двор заканчивался невысоким холмом, окаймленным деревьями и густым кустарником. Трейнор всмотрелся.

— Я ничего не вижу, — начал он, но потом остановился. В деревьях послышалось какое-то движение, шелест травы и листьев. Появилась тень, которая приняла очертания фигуры, а затем вышла на солнечный свет.

Никто не произнес ни слова.

Сигрид медленно поднялась. Ее глаза напряженно глядели с недоверием. Фигура напротив них, молодая женщина, снова двинулась вперед. Солнце отсвечивало в ее волосах. Ее глаза засверкали, когда она ускорила шаг. Медленная, беспомощная улыбка озарила ее грязное лицо. Она побежала.

— Принцесса... — прошептала Сигрид, опуская миску с зелеными бобами.

Габриэлла рванула вперед, а остальные высыпали во двор, чтобы поприветствовать ее. Она сбрасывала доспехи на бегу, оставляя за собой след из них в высокой траве. Слезы струились по ее щекам, когда она смеялась от восторга и неверия. Она бежала, держась за левый бок. Ее правая рука была испещрена шрамами. В ней, зажата крепко, виднелась длинная заостренная палочка: подарок Гудрика, сила которой, наконец, была израсходована.

Четверо встретились. Они обнялись. Были слезы, смех, крики радости, но очень мало слов.

В центре всего этого Маленький принц потянулся к своей матери. Он обвил руками ее шею и пошел к ней с радостью, как будто бы он всегда знал, что этот день придет, и он совсем не удивился, что он наконец настал.

Окруженный ликованием и бормотанием голосов, со щеками, покрытыми поцелуями пополам со слезами его матери, он сжимал в своем маленьком кулачке две фигуры, которые висели у нее на шее — две сикилы, одна в форме дракона, а другая — сокола. Одна символизировала его потерянного отца, другая — его найденную мать.

Они были по-прежнему теплые.

Язим медленно улыбнулся, когда он прочел надпись на надгробии.

Томас заговорил первым, его голос прозвучал тонко в вечернем воздухе.

— Скажите... а семья, указанная на этом камне, до сих пор живет здесь в деревне?

Викарий улыбнулся и покачал головой.

— Нет, я полагаю, они уже давно переехали. Дни их изгнания, к счастью, подошли к концу. Их род рассеялся по ветру, как и многие другие.

— Но вы понимаете значимость этого...! — настаивал Томас, оглядываясь на викария. — Эта маленькая деревушка и это...!

Викарий кивнул и пожал плечами.

— Ну, — ответил он, и его глаза загадочно заблестели, — ее же должны были похоронить где-то, ведь так?

Трое постояли еще минуту. Наконец, Язим повернулся к своему другу, по-прежнему криво улыбаясь.

— Идем, Томас. У нас есть другая задача.

Томас покачал головой, нахмурившись, а потом рассмеялся.

Не говоря ни слова, трое мужчин повернули обратно к домику пастора. Они подошли к нему, шагнули в тень открытого дверного проема, а затем со стуком дверь закрылась за

ними.

Позади дома ревел и мерцал водопад. Солнце опустилось над горизонтом, теперь освещая только самую вершину гор.

На кладбище мирно опустились тени, наполненные летним теплом и стрекотанием вечерних сверчков. В центре него одно надгробие, казалось, смотрит прямо вверх на темнеющее небо. Его гравировка все еще отчетливо выделялась в сумерках. Вверху было выгравировано изображение благородного сокола с поднятым клювом и частично развернутыми крыльями. Под ним большими, незатейливыми буквами были написаны строчки короткой эпитафии:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
ГАБРИЭЛЛА ГВИНИВЕРА КСАВЬЕР
МАТЬ ДЖЕЙМСА
И ПОСЛЕДНЯЯ КОРОЛЕВА КАМЕЛОТА.

У основания могильного камня, образуя крошечный всплеск летних красок в опускающейся темноте, лежала скромная горстка ягод.

И один желудь.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net